

ФЕДЕРАЛЬНОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
РАБОТНИКОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ
ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ»

ВЕСТНИК

Томского института повышения
квалификации работников
ФСИН России

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

№ 4 (26) / 2025
октябрь – декабрь

сетевое издание

Сетевое издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл № ФС77-76076

Учредитель: федеральное казенное
учреждение дополнительного
профессионального образования
«Томский институт повышения
квалификации работников
Федеральной службы исполнения наказаний»

Адрес редакции и издателя:
634057, Томская обл., г. Томск,
ул. Говорова, 10
ФКУ ДПО Томский ИПКР
ФСИН России

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных
изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на
соискание ученой степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук
(по научной специальности
5.1.4. Уголовно-правовые науки)

Все права защищены.
Перепечатка материалов
допускается только с разрешения
редакционной коллегии журнала

Плата за публикацию статей
не взимается

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются

Мнение авторов может не совпадать
с позицией редакционной коллегии

Требования к публикациям
и полнотекстовые версии журнала:
<http://edu.ti.fsin.gov.ru/>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор - **О.М. Писарев**, кандидат
психологических наук, доцент (ФКУ ДПО Томский
ИПКР ФСИН России); **А.И. Абатуров**, кандидат
юридических наук, доцент (ФКУ ДПО Кировский ИПКР
ФСИН России); **А.Г. Антонов**, доктор юридических наук,
доцент (ФКОУ ВО Санкт-Петербургский университет
МВД России); **В.В. Варинов**, кандидат педагогических
наук, доцент (ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России); **Д.В. Волошин**, доктор педагогических
наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР
ФСИН России); **А.Я. Гришко**, доктор юридических наук,
профессор (Рязанский государственный университет
им. С.А. Есенина); **А.В. Диденко**, доктор медицинских
наук, доцент (Томский НИМЦ РАН, НИИ психического
здравья); **А.А. Ефименко**, кандидат педагогических
наук, доцент (ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России);
А.М. Киселев, доктор педагогических наук, доцент
(Академия ФСИН России); **Н.Н. Кутаков**, кандидат
юридических наук, доцент (Университет ФСИН России);
Е.П. Молчанова, кандидат психологических наук,
доцент (ФГБОУ ВО ТГПУ); **А.А. Нуждин**, кандидат
юридических наук, доцент (Академия ФСИН России);
А.А. Павленко, кандидат юридических наук, доцент
(ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России);
С.М. Савушкин, кандидат юридических наук, доцент
(ЗСФ ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»); **А.Б. Скаков**,
доктор юридических наук, профессор (РГУ «Костанайская
академия МВД РК имени Шракбека Кабылбаева»);
П.В. Тепляшин, доктор юридических наук, профессор
(ФГКОУ ВО Сибирский юридический институт
МВД России); **В.А. Уткин**, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист России (Юридический
институт НИ ТГУ)

Ответственный секретарь редколлегии -
О.М. Писарев, тел. (3822) 46-77-49, вн. 20-21

Факс (3822) 46-74-60
E-mail: bulletin.ipkr@yandex.ru

Ответственный за выпуск: **О.М. Писарев**
Технический редактор: **А.А. Мамонтова**

Дата выхода 30.12.2025

Federal state institution of additional professional education «Tomsk Institute of advanced training of employees the federal penal service of Russia»

BULLETIN

THE TOMSK INSTITUTE OF ADVANCED TRAINING OF EMPLOYEES THE FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA

ONLINE EDITION

**No. 4 (26) / 2025
October – December**

**BULLETIN OF THE
TOMSK INSTITUTE OF ADVANCED
TRAINING OF EMPLOYEES THE
FEDERAL PENAL SERVICE OF RUSSIA**

online publication

Is registered in Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications of Russia (Roskomnadzor). Certificate on registration of mass media of PI No. FS77-76076

The founder of the online edition is Federal state institution of additional professional education «Tomsk institute of advanced training of employees of the Federal Penal Service of Russia»

Edition and publisher address: 634057, Tomsk region, Tomsk city, Govorova str., 10

The exit schedule is 4 times a year

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (in the scientific specialty 5.1.4. Criminal law sciences)

All rights reserved. The reprint of materials is allowed only with the permission of the editorial board of the online edition

The publication of articles is free

All articles undergo reviewing procedure and don't return back

The authors' opinion can not coincide with an editorial board's one

Requirements to publications and full text versions of the online edition:

<http://edu.ti.fsin.gov.ru/>

THE EDITORIAL BOARD

O.M. Pisarev - the editor-in-chief, candidate of psychological Sciences, associate professor (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia); **A.I. Abaturov**, candidate of law, associate professor (the Kirov IPKR of the FPS of Russia); **A.G. Antonov**, doctor of law, associate professor (St. Petersburg University of the MIA of Russia); **V.V. Varinov**, candidate of pedagogical Sciences, associate professor (KI of the FPS of Russia); **D.V. Voloshin**, doctor of pedagogical Sciences, associate professor (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia); **A.Ya. Grishko**, doctor of law, professor (Ryazan State University named after S.A. Yesenin); **A.V. Didenko**, doctor of medical Sciences, associate professor (Tomsk NRMC Russian Academy of Science, Mental Health Research Institute); **A.A. Efimenko**, candidate of pedagogical Sciences, associate professor (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia); **A.M. Kiselev**, doctor of pedagogical Sciences, associate professor (Academy of FPS of Russia); **N.N. Kutakov**, candidate of law, associate professor (University of FPS of Russia); **E.P. Molchanova**, candidate of psychological Sciences, associate professor (Tomsk State Pedagogical University); **A.A. Nuzhdin**, candidate of law, associate professor (Academy of FPS of Russia); **A.A. Pavlenko**, candidate of law (the Tomsk IPKR of the FPS of Russia); **S.M. Savushkin**, candidate of law, associate professor (West Siberian Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Lebedev Russian State University of Justice»); **A.B. Skakov**, doctor of law, professor (RSI «Kostanay Academy of MIA of the RK named after Shyrakbek Kabylbayev»); **P.V. Teplyashin**, doctor of law, professor (Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation); **V.A. Utkin**, doctor of law, professor, honored lawyer of Russia (National Research TSU, Law Institute)

The responsible secretary of the editorial board - **O.M. Pisarev**, ph. (3822) 46-77-49 (additional # 20-21)

the fax: (3822) 46-74-60
E-mail: bulletin.ipkr@yandex.ru

The date of issue 12/30/2025

Главный редактор сетевого издания
«Вестник Томского института повышения
квалификации работников ФСИН России»,
заместитель начальника ФКУ ДПО
Томский ИПКР ФСИН России,
кандидат психологических наук, доцент,
полковник внутренней службы

**Уважаемые коллеги, авторы,
рецензенты и читатели нашего журнала!**

От всей души поздравляю вас с наступающим Новым годом!

Год, уходящий за горизонт, принёс нам много плодотворной работы, новых открытий и интересных публикаций. Каждая статья, опубликованная в нашем журнале, – это вклад в развитие отечественной пенитенциарной науки, это шаг вперёд, сделанный вместе. Благодарю вас за доверие, за качественные рукописи, за конструктивный диалог и неизменную преданность научному делу.

В науке, как и в жизни, Новый год – это не просто смена дат, а точка отсчета для новых гипотез и масштабных открытий. В наступающем году желаю вам вдохновения в исследованиях, ясности мысли при написании научных публикаций и быстрых положительных решений рецензентов. Пусть каждый эксперимент увенчивается успехом, а каждая гипотеза находит подтверждение. Пусть научные связи укрепляются, а новые проекты открывают неожиданные горизонты.

Здоровья вам и вашим близким, творческих свершений и личного благополучия!
Пусть 2026 год будет годом великих открытий!

С уважением,
Главный редактор, О.М. Писарев

СОДЕРЖАНИЕ

Право

Агарков А.В., Капустин К.В. Специалист в оперативно-розыскной деятельности как дополнительный субъект оперативно-розыскных мероприятий.....	10
Александров А.С. Социально ориентированные некоммерческие организации в системе probation: проблемы и перспективы.....	16
Антонов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности при добровольной сдаче в плен как специальный вид деятельного раскаяния: научный комментарий.....	23
Белогорцева (Пешкова) Х.В. Персональные данные осужденных: категория уголовно-исполнительного или информационного права.....	28
Беляков А.Ю. О повышении роли подготовки осужденных к освобождению в предупреждении рецидивной преступности.....	36
Гришко Н.А. Виктимологические особенности сотрудников УИС.....	42
Грушин Ф.В., Теренков И.Е., Демидов О.Г. Проблемы соблюдения неприкосновенности личности как основополагающего принципа уголовного судопроизводства.....	52
Кашкина Е.В. Мобильные исправительные центры Арктической зоны Российской Федерации: уголовно-правовой смысл и проблемы нормативного обеспечения.....	59
Марков А.Ю. Некоторые аспекты проведения опроса осужденных иностранных граждан в учреждениях уголовно-исполнительной системы.....	66
Морозов А.С., Красильникова М.С., Шиняев К.А. Правила поведения участников международного общественного движения АУЕ на различных этапах криминальной зараженности.....	72
Нарышкина Н.И. Функционирование тюрем в Польше: исторический аспект.....	80
Некрасов И.С. Причины и условия совершения преступлений осужденными в ИУ.....	89
Прохорова М.В., Каретников К.В., Ковалев Н.С., Хажикулов Ш.Г. О содержании принципа гуманизма как принципа уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации.....	95
Рысёв А.А. К вопросу об источниках финансирования запрещенной в Российской Федерации деятельности международного общественного движения «Арестантский уклад един», функционирующего в учреждениях уголовно-исполнительной системы.....	105
Смирнов И.А. Международное правовое регулирование ресоциализации положительно характеризующихся осужденных.....	113
Уткин В.А. Предмет уголовно-исполнительного права и правовой статус «пробанта».....	119
Шилов К.А., Шитов В.П. К вопросу о противодействии идеологии экстремизма и терроризма в УИС на современном этапе развития России.....	128

Педагогика

Павлова Е.Д. Дополнительное образование как инструмент повышения компетенций сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....	135
--	-----

Психология

Гридинева А.А. Смысложизненные ориентации в профессиональном самоосуществлении сотрудников УИС.....143

Шредер О.Б. К вопросу об изменении ценностных ориентаций и поведенческих стратегий молодых сотрудников и кандидатов, приходящих на службу в УИС.....151

Управление

Уйманов В.Н. Патриотическое воспитание – составляющая профессиональной подготовки сотрудников УИС.....159

CONTENTS

Law

Agarkov A.V., Kapustin K.V. The specialist in operational-search activity as an auxiliary participant in operational-search measures.....	10
Alexandrov A.S. Socially oriented non-profit organizations in the probation system: problems and prospects.....	16
Antonov A.G. Exemption from criminal liability upon voluntary surrender as a special type of active repentance: a scientific commentary.....	23
Belogortseva (Peshkova) H.V. Personal data of convicts: category of penal or information law.....	28
Belyakov A.Yu. On the increase of the role of preparation of condemned persons for release in the prevention of recidivist crime.....	36
Grishko N.A. Victimological features of pes employees.....	42
Grushin F.V., Terenkov I.E., Demidov O.G. Problems of observing personal invincibility as a fundamental principle of criminal proceedings.....	52
Kashkina E.V. Mobile correctional centers in the Arctic zone of the Russian Federation: criminal law meaning and regulatory issues.....	59
Markov A.Yu. Some aspects of conducting interviews with convicted foreign citizens in institutions of the penal system.....	66
Morozov A.S., Krasilnikova M.S., Shinyaev K.A. Rules of conduct for participants of the AUE international public movement at various stages of criminal infection.....	72
Naryshkina N.I. The functioning of prisons in Poland: the historical aspect.....	80
Nekrasov I.S. Fighting fraud in places of prisonance.....	89
Prokhorova M.V., Karetnikov K.V., Kovalev N.S., Khazhikulov Sh.G. On the content of the principle of humanism as a principle of the penal enforcement legislation of the Russian Federation.....	95
Rysev A.A. On the issue of the sources of financing of the activities of the international public movement «The prison system is one», which is prohibited in the Russian Federation, operating in institutions of the penal system.....	105
Smirnov I.A. International legal regulation of the re-socialization of positively characterized convicts.....	113
Utkin V.A. The subject of penal enforcement law and the legal status of the «probant».....	119
Shilov K.A., Shitov V.P. On the issue of countering the ideology of extremism and terrorism in the criminal justice system at the present stage of Russia's development....	128

Pedagogy

Pavlova E.D. Continuing education as a tool for enhancing the competencies of employees in the penal system of the Russian Federation.....	135
---	-----

Psychology

Gridneva A.A. Life-purpose orientations in the professional self-fulfillment of penal execution system staff.....143

Shreder O.B. To the question about changing value orientations and behavioral strategies of young employees and candidates coming to serve in the penitentiary.....151

Management

Uymanov V.N. Patriotic education is a component of the professional training of PES staff.....159

ПРАВО
Law

УДК 343.8

А. В. Агарков, К. В. Капустин

**СПЕЦИАЛИСТ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ**

В статье анализируется юридический статус лица, выполняющего по поручению оперативного подразделения работу, требующую углубленных либо специальных знаний или навыков. В результате анализа автор приходит к выводу, что такое лицо в теории и практике оперативно-розыскной деятельности называется «специалист» и является одним из лиц, оказывающим содействие оперативному подразделению. Рассматриваются критерии подбора специалиста, дается авторская классификация направлений такого подбора. На основании исследования ситуаций, возникающих в правоприменимительной практике уголовно-исполнительной системы, делается сравнение статусов специалиста в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности. Определяется место специалиста в составе оперативно-розыскного мероприятия.

Ключевые слова: специалист, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, содействие, субъект, уголовно-исполнительная система.

A. V. Agarkov, K. V. Kapustin

**THE SPECIALIST IN OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY
AS AN AUXILIARY PARTICIPANT
IN OPERATIONAL-SEARCH MEASURES**

The article analyzes the legal status of an individual who, on the instruction of an operational unit, performs work requiring advanced or specialized knowledge or skills. As a result of the analysis, the author concludes that such an individual is referred to in the theory and practice of operational-search activity as a «specialist» and is one of the persons assisting the operational unit. The criteria for selecting a specialist are examined, and an authorial classification of the directions for such selection is provided. Based on a study of situations arising in the law enforcement practice of the penal system, a comparison is made between the status of a specialist in operational-search activity and in criminal procedural activity. The role of the specialist within the framework of an operational-search measure is defined.

Keywords: specialist, operational-search measures, operational-search activity, assistance, subject, penal system.

Оперативно-розыскная деятельность носит творческий характер. Видимо, этим фактором обуславливается лаконичность Федерального закона от 12 августа

1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), оставляющего за рамками своего регламентирования множество аспектов

«оперативно-процессуального» плана. Так, например, вне поля правового регулирования остается использование оперативными подразделениями возможностей лиц, обладающих специальными познаниями в различных отраслях деятельности: финансистов, переводчиков, лингвистов, криминологов и др. Практикой правоприменения в указанной сфере для их обобщенного обозначения выработан термин «специалист», который также активно используется в теории оперативно-розыскной деятельности [2; 7; 9; 10, с. 180 и др.], однако следует обратить внимание, что указанный термин в тексте ФЗ «Об ОРД» не употребляется.

Необходимо подчеркнуть, что если ранее к помощи специалистов обращались в основном лишь сотрудники профильных оперативных подразделений органов внутренних дел и органов безопасности, то в последние годы, в связи с криминализацией занятия высшего положения в преступной иерархии, признания экстремистским международного общественного движения «АУЕ», деятельность которого запрещена на территории Российской Федерации, а также с рядом иных событий, услуги специалистов стали весьма востребованы и в деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее: УИС).

Следует задаться вопросом: каково соотношение обращения оперативного сотрудника к специалисту и выполнение специалистом некой работы по просьбе оперативного сотрудника с нормами ФЗ «Об ОРД»? Исходя из содержания указанных норм, нам представляется, что специалист, не имеющий права на самостоятельное осуществление оперативно-розыскных мероприятий (далее также: ОРМ), в соответствии со статьей 17 ФЗ «Об ОРД» оказывает содействие в их подготовке и проведении. При этом мы исходим из следующих рассуждений: оперативно-розыскная деятельность осуществляется путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (статья 1 ФЗ «Об ОРД»), иного

способы ФЗ «Об ОРД» не предусматривает. Следовательно, выполнение специалистом работы в интересах оперативного подразделения возможно исключительно в рамках оперативно-розыскных мероприятий, участие в которых лица, не имеющего допуска к участию в оперативно-розыскной деятельности, предусмотренного пунктом 2 части 2 статьи 7 ФЗ «Об ОРД», возможно исключительно в форме содействия в их подготовке или проведении (статьи 13, 17 ФЗ «Об ОРД»).

ФЗ «Об ОРД» не устанавливает, в какой именно форме лицо может оказывать содействие оперативному подразделению. Сложился стереотип, что содействие оказывается путем предоставления информации, полученной в результате увиденных или услышанных конфидентом событий или разговоров, однако существует определенное количество и иных форм. Так, например, оперативные подразделения в соответствии со статьей 15 ФЗ «Об ОРД» имеют и реализуют право на использование в ходе проведения ОРМ имущества организаций и частных лиц, что, по нашему мнению, также следует относить к содействию. Предоставление лицом или организацией услуг, связанных с использованием специальных познаний – еще одна форма содействия.

Проблемным, в первую очередь, применительно к проблеме использования возможностей специалистов в оперативно-розыскной деятельности, является вопрос: возможно ли использовать термин «содействие организаций», если статья 17 ФЗ «Об ОРД» предусматривает содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, исключительно со стороны граждан. Такое содействие имеет место (например, в случае предоставления помещения либо услуг специалиста), однако предложенный термин представляется неверным. Исследуя содержание содействия организации оперативному подразделению, следует понимать, что организация – объединение граждан (лиц),

созданное для достижения определенной цели и сформированное по принципу иерархии. Таким образом, официальное обращение оперативного подразделения в организацию с просьбой оказания содействия рассматривается ее руководителем и с его письменным либо устным решением направляется исполнителю, обладающему компетенциями, необходимыми для оказания содействия. Следовательно, речь идет об оказании содействия именно исполнителем как гражданином, однако осуществляемого им в рамках исполнения служебных обязанностей. Здесь возникает проблема соблюдения предусмотренного статьей 17 ФЗ «Об ОРД» условия добровольности содействия, ведь, являясь подчиненным лицом, исполнитель не может отказаться от выполнения поручения вышестоящего руководителя. На практике она разрешается исполнителем, в случае нежелания оказывать содействие, путем умышленно некачественного выполнения поручения руководства либо отказа от выполнения поручения по формальным признакам (отсутствие необходимых резолюций, подтверждающих документов, неправильное оформление запроса и т.п.). В теории же мы считаем, что при обращении оперативного подразделения в организацию для оказания содействия в тексте такого обращения необходимо раскрывать его юридический смысл и предупреждать руководителя организации о необходимости соблюдения условия добровольности содействия.

Более простым представляется организация содействия специалиста – частного лица. В большинстве случаев таким лицом также является работник научной, образовательной либо специализированной экспертной организации, вопрос о содействии которого решается путем прямого обращения к нему, минуя руководство организации. Юридически правильным в данном случае следует признать выполнение таким специалистом поручений исключительно в нерабочее время, а также подписание заключения специалистом без

указания занимаемой им должности в организации, ведь, проводя исследования в рассматриваемом случае, он не является ее представителем.

Необходимо подчеркнуть, что, как уже упоминалось, ФЗ «Об ОРД» не содержит какой-либо регламентации содействия специалиста, в том числе и в части предъявляемых к нему требований: наличия подтверждающих документов, опыта работы и др. Оперативный сотрудник самостоятельно определяет, соответствует ли квалификация привлекаемого им лица стоящей перед ним задаче и насколько качественно он может ее выполнить. Здесь возможны два направления действий, которые мы предлагаем условно назвать «оперативное» и «оперативно-следственное». Следуя по первому из названных направлений, оперативный сотрудник решает исключительно задачи оперативно-розыскной деятельности, относясь безразлично к задачам возможно последующего предварительного расследования. Примером реализации такого направления может служить использование в качестве консультантов лиц, организация участия которых в уголовном процессе заведомо затруднительна: осужденных либо бывших осужденных; лиц, не имеющих профильного образования или длительного опыта работы в области консультирования; и т.д. Оперативно-следственное направление предусматривает прогнозирование последующего участия лица, оказывающего услуги специалиста оперативному подразделению, в предварительном расследовании и, возможно, в судебном разбирательстве. В связи с указанными перспективами оперативный сотрудник подбирает для участия в оперативно-розыскном мероприятии в качестве специалиста лицо, которое впоследствии может быть признано специалистом в уголовно-процессуальном аспекте, предусмотренном статьей 58 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ).

Как отмечает С. П. Жданов, «ис-

пользование сотрудника УИС в качестве специалиста автоматически накладывает на него обязанность в дальнейшем участвовать в уголовном процессе в качестве свидетеля, от показаний которого нередко зависит исход уголовного дела» [1, с. 28]. С указанным суждением трудно безоговорочно согласиться. Во-первых, следует понимать, что лицо, обладающее специальными познаниями, не является свидетелем, если ему неизвестны сведения, имеющие отношения к событию преступления, т.е. он не участвовал в мероприятиях с участием подозреваемого или обвиняемого. В этом случае он будет участвовать в уголовном процессе в качестве специалиста, однако, несмотря на совпадение названий, юридические статусы специалиста в оперативно-розыскной деятельности и в уголовном процессе имеют значительные отличия.

Вместе с тем нельзя не признать сложившейся практику, в соответствии с которой к сотруднику или работнику УИС, оказавшему содействие оперативному подразделению УИС в качестве специалиста, обращаются сотрудники следственных органов либо сопровождающие предварительное расследование оперативные сотрудники УИС или органов внутренних дел с просьбой дать показания в качестве специалиста. Не понимая в большинстве случаев происходящих юридических изменений в своем статусе, специалист соглашается на безвозмездное участие в предварительном расследовании. Вознаграждение при этом ему не предлагается, хотя согласно пункту 4 части 2 статьи 131 УПК РФ специалист имеет право на вознаграждение за исполнение своих обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, за исключением случаев, если эти обязанности исполнялись им в порядке служебного задания, – следует констатировать, что оформление выплаты вознаграждения фактически требует значительных временных затрат со стороны сотрудника следственного органа. Соответственно, велика вероятность, что впоследствии этот же специалист будет вызван в

судебное заседания для дачи показаний в качестве специалиста, вновь безвозмездно потратив на это свои силы и знания, а также служебное или даже личное время.

Анализируя юридическое содержание оперативно-розыскного мероприятия, осуществляемого (*то есть подготавливаемого и проводимого – А.А.*) с привлечением специалиста, следует обратиться к составу ОРМ, предложенному А. Ю. Шумиловым [10, с. 179]. В составе ОРМ он выделял объект ОРМ, предметно-практическую сторону ОРМ, субъект ОРМ, осознанно-волевую сторону ОРМ. При этом предметно-практическая сторона понималась им как информационно-поведенческий акт (действие, мероприятие или операция), объект – защищаемые оперативно-розыскным законодательством общественные отношения, субъект – лицо, участвующее в проведении ОРМ, осознанно-волевая сторона – принятие решения на осуществление ОРМ, конкретная цель ОРМ и его задачи. Состав ОРМ неоднократно в различных контекстах рассматривался в литературе, что позволяет констатировать факт его научного признания как в нашей стране, так и за рубежом [5; 6; 8].

Не вдаваясь в подробности анализа всего состава оперативно-розыскного мероприятия, мы считаем необходимым остановиться на его субъекте. Лиц, участвующих в подготовке или проведении ОРМ, по нашему мнению, возможно классифицировать на основных и дополнительных субъектов ОРМ. Основным субъектом всегда выступает оперативный сотрудник как должностное лицо, имеющее право на осуществление ОРМ, являющееся инициатором и организатором его проведения. Он может осуществлять оперативно-розыскное мероприятие лично, являясь при этом единственным субъектом ОРМ, либо, в соответствии со статьей 17 ФЗ «Об ОРД», использовать при его подготовке и проведении содействие граждан, являющихся дополнительными субъектами ОРМ. Здесь следует вновь повторить тезис, что

в соответствии с ФЗ «Об ОРД» оперативно-розыскная деятельность осуществляется посредством проведения ОРМ, следовательно, реализация агентурного метода, неоднократно упоминаемого в научной литературе [3; 4; 11], должна соответствовать предусмотренному оперативно-розыскным законодательством участию граждан в подготовке или проведении ОРМ.

Подводя некоторые итоги, следует еще раз подчеркнуть, по нашему мнению, главное. В последние годы оперативными подразделениями, в том числе и уголовно-исполнительной системы, весьма востребована помочь лиц, обладающих специальными либо углубленными познаниями. Лицо, выполняющее по просьбе или запросу оперативного подразделения работу, требующую указанных познаний, в теории и практике оперативно-розыскной деятельности называется специалистом, хотя юридического закрепления в опера-

тивно-розыскной деятельности указанный статус не имеет, в отличие от уголовно-процессуального права, где специалист может участвовать как в предварительном расследовании, так и в судебном разбирательстве в соответствии со статьей 58 УПК РФ. В связи с указанным правовым пробелом выполнение специалистом поручений оперативного подразделения следует квалифицировать в соответствии со статьей 17 ФЗ «Об ОРД» как содействие лица оперативному подразделению. При этом лицо может выступать от своего имени либо от имени организации – его работодателя, в зависимости от адресата обращения оперативного подразделения. При подготовке или проведении оперативно-розыскного мероприятия специалист является дополнительным субъектом ОРМ, тогда как основным субъектом всегда выступает оперативный сотрудник – инициатор проведения ОРМ.

Литература

1. Жданов С.П. Практическая значимость помощи специалистов при проведении оперативно-розыскных мероприятий оперативными подразделениями ФСИН России // Вестник Владимира юридического института. – 2017. – № 1(42). – С. 26–30.
2. Жукова Н.А. К вопросу об использовании специальных знаний в оперативно-розыскной деятельности / Н.А. Жукова, Р.Е. Черкашин // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 7. – С. 168–171.
3. Латынин Е.В. Некоторые аспекты правового регулирования использования агентурного метода в следственных изоляторах УИС // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 2(31). – С. 129–134.
4. Лобзов К.М. Агентурный метод в оперативно-розыскной деятельности (теоретико-методологический анализ) // Оперативник (сыщик). – 2012. – № 1(30). – С. 17.
5. Никитин Е.Л. Законодательное регулирование оперативно-розыскных мероприятий как основное условие обеспечения их законности / Е.Л. Никитин, Г.В. Дытченко // Криминалистика. – 2021. – № 4(37). – С. 88–96.
6. Подгурский Р.В. «Субъективная сторона» как элемент интегративного понимания оперативно-розыскных мероприятий в качестве «состава» / Р.В. Подгурский, С.В. Девятовская, С.Г. Никулин // Юристъ-Правоведъ. – 2025. – № 1(112). – С. 165–171.
7. Сенатов А.В. Некоторые аспекты использования оперативными подразделениями помощи специалистов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности / А.В. Сенатов, А.А. Чайковский // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4(26). – С. 68–71.
8. Сулаймбекова С.Д. Особенности юридического состава осуществления оперативно-розыскных мероприятий / С.Д. Сулаймбекова, Е.А. Умурзаков, М.А. Мурабилдаева // Промышленный транспорт Казахстана. – 2022. – № 4(77). – Р. 174–186.

9. Царев А.В. О проблемах участия специалиста при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Права и свободы человека и гражданина: уголовные и административные аспекты. – Рязань : Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. – С. 136–139.

10. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскной словарь. – Москва : РИО Российской таможенной академии, 2018. – 216 с.

11. Южанинов В.С. Агентурный метод в теории и практике оперативно-розыскной деятельности / В.С. Южанинов, А.А. Костюк, П.С. Енин // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 27 октября 2022 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2023. – С. 186–190.

References

1. Zhdanov S.P. Prakticheskaya znachimost' pomoshchi spetsialistov pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy operativnymi podrazdeleniyami FSIN Rossii // Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta. – 2017. – № 1(42). – S. 26–30.

2. Zhukova N.A. K voprosu ob ispol'zovanii spetsial'nykh znanij v operativno-rozysknoj deyatel'nosti / N.A. Zhukova, R.E. Cherkashin // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. – 2021. – № 7. – S. 168–171.

3. Latynin E.V. Nekotorye aspekty pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya agenturnogo metoda v sledstvennykh izolyatorakh UIS // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2017. – № 2(31). – S. 129–134.

4. Lobzov K.M. Agenturnyj metod v operativno-razysknoj deyatel'nosti (teoretiko-metodologicheskij analiz) // Operativnik (syshchik). – 2012. – № 1(30). – S. 17.

5. Nikitin E.L. Zakonodatel'noe regulirovanie operativno-rozysknykh meropriyatiy kak osnovnoe uslovie obespecheniya ikh zakonnosti / E.L. Nikitin, G.V. Dytchenko // Kriminalist". – 2021. – № 4(37). – S. 88–96.

6. Podgurskij R.V. «Sub"ektivnaya storona» kak element integrativnogo понимания оперативно-розыскных мероприятий в качестве «состава» / R.V. Podgurskij, S.V. Devyatovskaya, S.G. Nikulin // Jurist"-Pravoved". – 2025. – № 1(112). – S. 165–171.

7. Senatov A.V. Nekotorye aspekty ispol'zovaniya operativnymi podrazdeleniyami pomoshchi spetsialistov pri osushchestvlenii operativno-rozysknoj deyatel'nosti / A.V. Senatov, A.A. Chajkovskij // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 4(26). – S. 68–71.

8. Sulajmbekova S.D. Osobennosti yuridicheskogo sostava osushchestvleniya operativno-rozysknykh meropriyatiy / S.D. Sulajmbekova, E.A. Umurzakov, M.A. Murabildaeva // Promyshlennyj transport Kazakhstana. – 2022. – №. 4(77). – P. 174–186.

9. Tsarev A.V. O problemakh uchastiya spetsialista pri provedenii operativno-rozysknykh meropriyatiy // Prava i svobody cheloveka i grazhdanina: ugolovnye i administrativnye aspekty. – Ryazan' : Ryazanskij filial Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2019. – S. 136–139.

10. Shumilov A.Yu. Operativno-razysknoj slovar'. – Moskva : RIO Rossijskoj tamozhennoj akademii, 2018. – 216 s.

11. Yuzhaninov V.S. Agenturnyj metod v teorii i praktike operativno-rozysknoj deyatel'nosti / V.S. Yuzhaninov, A.A. Kostyuk, P.S. Enin // Aktual'nye problemy teorii i praktiki operativno-

rozysknoj deyatel'nosti : Materialy XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnodar, 27 oktyabrya 2022 goda. – Krasnodar: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennikh del Rossiijskoj Federatsii», 2023. – S. 186–190.

Сведения об авторах

Агарков Алексей Вячеславович: ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва, Российская Федерация), ведущий научный сотрудник; ВЮИ ФСИН России (г. Владимир, Российская Федерация), профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности; Университет ФСИН России (г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация), доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности, доктор юридических наук, доцент. E-mail: oper72.kum@mail.ru.

Капустин Кирилл Вячеславович: ВЮИ ФСИН России (г. Владимир, Российская Федерация), заместитель начальника кафедры оперативно-розыскной деятельности, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kapustin_kv@mail.ru.

Information about the authors

Agarkov Alexey Vyacheslavovich: Research Institute of the FPS of Russia (Moscow, Russian Federation), Leading Researcher; Vladimir Law Institute of the FPS of Russia (Vladimir, Russian Federation), Professor of the Department of Intelligence Gathering Activities; Saint Petersburg University of the FPS of Russia (Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation), Associate Professor of Intelligence Gathering Activities, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: oper72.kum@mail.ru.

Kapustin Kirill Vyacheslavovich: Vladimir Law Institute of the FPS of Russia (Vladimir, Russian Federation), Deputy Head of the Department of Operational Investigative Activities, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: kapustin_kv@mail.ru.

УДК 343.8

А. С. Александров

СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЕ НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ПРОБАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена анализу потенциала социально ориентированных некоммерческих организаций как субъектов системы постпенитенциарной пробации в Российской Федерации. Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся проблемой рецидивной преступности, одной из ключевых причин которой является недостаточность механизмов социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы. На основе анализа современных научных подходов и нормативно-правовой базы выявляется правовая основа и практические формы привлечения социально ориентированных некоммерческих организаций к ресоциализации осужденных.

© Александров А.С., 2025

© Alexandrov A.S., 2025

В работе определены ключевые направления деятельности таких организаций, а также систематизированы возможные проблемы их интеграции в уголовно-исполнительную систему, включая отсутствие четких механизмов взаимодействия. Делается вывод о том, что сотрудничество государственных структур и социально ориентированных некоммерческих организаций в сфере probation создает новые перспективы для снижения рецидивной преступности и успешной реинтеграции бывших осужденных в общество.

Ключевые слова: постпенитенциарная пробация, социально ориентированные некоммерческие организации, ресоциализация, социальная адаптация, рецидивная преступность, уголовно-исполнительная система, освобожденные осужденные.

A. S. Alexandrov

SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS IN THE PROBATION SYSTEM: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article is devoted to analyzing the potential of socially oriented non-profit organizations as actors within the system of post-penitentiary probation in the Russian Federation. The relevance of the study is determined by the persistent problem of recidivism, one of the key reasons for which is the insufficiency of social adaptation mechanisms for individuals released from prison. Based on an analysis of contemporary scientific approaches and the regulatory legal framework, the legal basis and practical forms of involving socially oriented non-profit organizations in the resocialization of convicts are identified. The paper defines the key areas of activity for such organizations and systematizes potential problems of their integration into the criminal-executive system, including the lack of clear cooperation mechanisms. It is concluded that cooperation between state structures and socially oriented non-profit organizations in the field of probation creates new prospects for reducing recidivism and the successful reintegration of former convicts into society.

Keywords: post-penitentiary probation, socially oriented non-profit organizations, resocialization, social adaptation, recidivism, criminal-executive system, released convicts.

Одной из ключевых причин рецидивной преступности является отсутствие отложенного механизма и четкого регламента оказания помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Недостаточное государственное регулирование и слабая поддержка процесса социальной адаптации бывших осужденных как следствие приводят к росту повторных преступлений [10, с. 18]. Современный этап характеризуется широким применением института probation. В контексте нашего исследования наибольший интерес представляет постпенитенциарная пробация, дающая возможность институтам гражданского общества принимать участие в ресоциализации освободившихся от отбывания наказа-

ния осужденных.

В исследованиях, посвященных постпенитенциарной пробации, часто обращается внимание на вопросы нуждаемости лиц, освобождаемых от отбывания наказания, в дальнейшей поддержке со стороны как государственных, так и не государственных органов. Так, Л. Е. Федотов, освещая результаты социального опроса осужденных о планировании обращения с заявлением об оказании содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, указывает на высокий процент респондентов (69,55%), ответивших положительно. Конкретные мероприятия, в рамках постпенитенциарной пробации, в которых нуждаются осу-

жденные заключаются в: медицинской помощи, учитывая распространённость заболевания ВИЧ; приобретении одежды и предметов первой необходимости; помощи в трудоустройстве; оформлении документов; обеспечение времененным местом пребывания; консультирование по социально-правовым вопросам и оказание психологической помощи [11, с. 82].

Л. В. Готчина указывает на необходимость развития института постпенитенциарной пробации, что особенно важно в условиях сохранившегося характера российской преступности, как корыстно-насильственной. Автор указывает на необходимость формулировки и достижения показателей эффективности постпенитенциарной пробации, таких как: создание и сохранение семьи у освободившегося от отбывания наказания осужденного, его трудоустройство, контроль состояния своего здоровья, улучшение жилищных условий [3, с. 64].

По мнению М. В. Ефимовой, развитие законодательства в сфере пробации способствовало вовлечению исправительных учреждений в процесс взаимодействия с коммерческими и некоммерческими организациями, способными оказывать помощь освободившимся осужденным, в том числе в рамках постпенитенциарной пробации [4, с. 76]. Акцентируется внимание на социально-уязвимые группы, например – осужденных женщинах, освободившихся из мест лишения свободы. Приводя примеры создания условий для успешной постпенитенциарной пробации, автор указывает на работающие в московском регионе социально-ориентированные коммерческие и некоммерческие организации.

С. М. Воробьев, акцентируя внимание на отдельных положениях Концепции развития уголовно-исполнительной системы на период до 2030 года, утверждённой распоряжением Правительства Российской Федерации 29 апреля 2021 года № 1128-р говорит, что создание и развитие системы пробации обусловлено тем, что отбывание

наказания в условиях изоляции приводит к ослаблению и разрыву социальных связей, а также потере навыков жизни в обществе [2, с. 18].

Одной из главных задач Концепции развития УИС России до 2030 года является активизация взаимодействия с институтами гражданского общества. Согласно Концепции, необходимо наладить устойчивую обратную связь с населением, а также активно сотрудничать со средствами массовой информации. Ожидается, что результатом этой работы станет повышение прозрачности и открытости пенитенциарной системы. В современных экономических условиях, с учётом специфики мотивации разных общественных групп, целесообразно задействовать потенциал социально ориентированных организаций, в частности тех, которые действуют в некоммерческом формате.

Согласимся с мнением о важности роли гуманитарных организаций, в том числе и социально-ориентированных некоммерческих организаций в поддержании социальной стабильности, особенно в условиях внешнеполитической напряженности [6, 34].

В соответствии с ч. 3 ст. 6 Федерального закона № 10-ФЗ от 06.02.2023 «О пробации в Российской Федерации», социально ориентированные некоммерческие организации могут привлекаться в целях осуществления мероприятий ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация. Однако необходимо отметить, что согласно обозначенному закону к субъектам пробации некоммерческие организации напрямую не относятся. Взаимодействие субъектов пробации с институтами гражданского общества преследует цели: общественного информирования о пробации и привлечения общества в процесс ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации нуждающихся лиц [5, с. 73].

Отличительной чертой Закона о

пробации является его многосубъектность. Данный признак проявляется в законодательном определении «косвенных» субъектов probation представителей гражданского общества, например, коммерческие и некоммерческие (в том числе религиозные) социально ориентированные организации, общественные объединения и негосударственные организации соцобслуживания. Подзаконное регулирование института probation, в частности, вступивший в силу 1 января 2024 года приказ Минюста России от 29 ноября 2023 г. № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation...», закрепляет обязательность взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с разными субъектами, в числе которых значатся и некоммерческие организации, включая социально ориентированные.

Действующая редакция Федерального закона № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» определяет в ч. 2.1 ст. 2, что к социально ориентированным относятся НКО (кроме государственных корпораций и политических партий), которые ведут деятельность, направленную на решение социальных проблем и развитие гражданского общества в России, либо осуществляют виды деятельности, предусмотренные специальной статьей 31.1 этого закона. К настоящему времени сформировался значительный опыт функционирования подобных организаций, а также их правового регулирования. Существенным достоинством выступает также разрешенность вопроса экономического содействия некоммерческим организациям со стороны государственных и муниципальных органов власти. Отработанность государственных решений экономико-правового и финансового характера, нацеленных на поддержку деятельности некоммерческих организаций в регионах России, насчитывает свыше двадцати лет, что подтверждает их стабильность и действенность.

Привлечение социально ориенти-

рованных некоммерческих организаций к социальной адаптации, ресоциализации и реабилитации рассматривается как перспективное направление, которое может повысить степень участия гражданского общества в пенитенциарной области. Отметим, что значимость социально ориентированных некоммерческих организаций была подчеркнута исследователями, участвовавшими в подготовке законопроекта о probation, которые указали на потребность в законодательном определении организационно-правового статуса центров probation, создаваемых данными организациями [7, 86]. Можно констатировать, что институт probation создает новые перспективы для продуктивного сотрудничества государственных структур и общественности в процессе исправления осужденных, а также социальной адаптации и реинтеграции в социум лиц, освободившихся из мест лишения свободы. В данной связи следует разделить позицию П. В. Тепляшина, согласно которой ведущей идеей применения мер социально-экономического, педагогического и правового характера является именно реинтеграция осужденного в общество [8, с. 12].

По данным Минюста на начало 2024 года общее число зарегистрированных социально ориентированных некоммерческих организаций насчитывает около 217 тысяч. При этом, согласно информации Минэкономразвития, число активных социально ориентированных некоммерческих организаций, в официальном реестре господдержки, равно 60 тысячам. Не смотря на внушительные цифры, проблемой остается отсутствие единого системного подхода к предоставлению социальной помощи освободившимся от отбывания наказания осужденным [9, с. 168]. В зависимости от организационно-правовой формы субъекта, оказывающего помочь, это могут быть: благотворительные фонды, организации различного уровня по поддержке и адаптации граждан, реабилитационные центры, религиозные организации, учреж-

дения социального обслуживания и т.д. Могут отличаться и подходы организаций в организации мероприятий, связанных с постпенитенциарной пробацией. Например, в Кемеровской области-Кузбассе функционирует отделение пробации при ГАУ «Кемеровский центр социальной адаптации населения». На базе автономной некоммерческой организации «Основа» создан центр постпенитенциарной пробации. Обозначенное может служить примером активной институционализации социально ориентированных некоммерческих организаций в регионах Российской Федерации, что говорит о развитии и упрочнении их функции в решении социально значимых вопросов.

Если социально ориентированная некоммерческая организация берет на себя функции центра пробации, то в своей деятельности ей необходимо руководствоваться Правилами организации деятельности центров пробации, утвержденными приказом Минюста РФ от 16.09.2024 № 278. Примером может служить автономная некоммерческая организация «Центр социальной помощи «Гавань Надежды», ставшая победителем конкурса Фонда президентских грантов с проектом «Патронажная служба – Центр пробации» в 2025 году. Основное цель проекта – создание в г. Мариинске (Кемеровская область-Кузбасс) центра пробации. Основными целями последней заявляются снижение рецидива преступности и смертности среди граждан, освободившихся из исправительных учреждений, а также осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, лицам без определенного места жительства и людям живущим с ВИЧ, на территории Кемеровской области-Кузбасса¹. Предмет деятельности организации определен ее уставом и предусматривает: объединение усилий лиц, имеющих опыт противодействия различного рода зависимостей, разработка и реализация различного рода программ социальной адаптации и

социальной реабилитации, оказание помощи по духовно-нравственному восстановлению лиц, имеющих зависимости, профилактику социально-значимых заболеваний и т.д.

Как видно из приведенного примера, подобные организации настроены на оказание позитивного гуманитарного влияния на бывших осужденных, способствованию освоению ими ключевых социальных функций, необходимых для их исправления и успешной реинтеграции в общество после освобождения.

Потенциал социально ориентированных некоммерческих организаций в контексте пробации заключается, прежде всего, в накопленном значительном опыте работы с уязвимыми группами населения. Этот опыт подкрепляется наличием необходимых ресурсов для оказания комплексной поддержки. Не вызывает сомнений и компетентностный потенциал: многие социально ориентированные некоммерческие организации сотрудничают с квалифицированными специалистами в сфере социальной работы, психологии и юриспруденции, что позволяет им успешно решать задачи, в том числе поставленные институтом пробации.

Определяя в рамках данного исследования наиболее перспективные формы деятельности некоммерческих организаций, следует поддержать точку зрения А.С. Борданова. Автор выделяет следующие ключевые направления:

1. Интеграция осужденных в общественные группы, характеризующиеся конструктивным мышлением и наличием осмысленных жизненных целей.

2. Вовлечение осужденных в новое информационное пространство, способствующее их личностному развитию и социальной адаптации.

Эти формы деятельности не только содействуют исправлению осужденных, но и помогают им найти свое место в социуме,

¹ АНО «ЦСП Гавань Надежды»: [официальный сайт]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://гавань-надежды-мариинск.рф>.

создавая условия для их успешной реинтеграции [1, с. 18].

Вместе с тем, несмотря на значительный потенциал, участие социально ориентированных некоммерческих организаций в системе постпенитенциарной probation может столкнуться с рядом трудностей. В их числе – отсутствие четких механизмов взаимодействия. Нормативно-правовая база, регламентирующая участие некоммерческих организаций в probation, нуждается в дальнейшей детализации. Потенциальной проблемой может стать и низкая информированность: не все социально ориентированные некоммерческие

организации в достаточной мере осведомлены о возможностях участия в системе probation.

В заключении можно сделать вывод о наличии предпосылок для последующего развития уголовно-исполнительного права в целом.

Вероятно, следующим этапом эволюции данной отрасли права станет пересмотр подхода к толкованию ее предмета, учитывая участие религиозных и иных общественных объединений, коммерческих и некоммерческих организаций в содействии субъектам probation, в том числе для достижения целей ее применения.

Литература

1. *Борданов А.С. Общественное воздействие на осужденных как средство их исправления и ресоциализации // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика.* – 2021. – № 4(30). – С. 15–18.
2. *Воробьев С.М. Социально ориентированные некоммерческие организации в механизме обеспечения probation // Преступление, наказание, исправление : Материалы VI международного пенитенциарного форума, приуроченного к 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации и Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-І «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Рязань, 15–17 ноября 2023 года.* – Рязань: Академия ФСИН России, 2023. – С. 16–21.
3. *Готчина Л.В. Институт probation в Российской Федерации: ожидания // Петербургские пенитенциарные конференции : Сборник материалов комплекса международных научно-практических конференций. В 2-х томах, Санкт-Петербург, Пушкин, 16–17 мая 2024 года.* – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, 2024. – С. 63–65.
4. *Ефимова М.В. Предупреждение рецидива женской преступности как фактор их успешной постпенитенциарной ресоциализации и социальной адаптации // Теория и практика социогуманитарных наук.* – 2024. – № 1(25). – С. 75–80.
5. *Ольховик Н.В. Предмет, механизмы и правовые основы взаимодействия субъектов probation с институтами гражданского общества // Вестник Кузбасского института.* – 2023. – № 1(54). – С. 71–79.
6. *Самусев Д.А. Феномен гуманитарных организаций и социально ориентированных некоммерческих организаций в контексте государственной поддержки // Научные записки академии.* – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 32–40.
7. *Скиба А.П. Закон «О probation в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права / А.П. Скиба, Н.С. Малолеткина // Вестник Кузбасского института.* – 2023. – № 1 (54). – С. 80–90.
8. *Тепляшин П.В. Международно-правовые основы ресоциализации реинтеграции осужденных // Вестник Владимирского юридического института.* – 2024. – № 1(70). – С. 11–17.

9. *Филоненко Т.В.* Участие негосударственных институтов в постпенитенциарной адаптации осужденных // Вопросы российского и международного права. – 2024. – Т. 14, № 8-1. – С. 165–177.

10. *Федоров Д.Д.* Социальная адаптация лиц, отбывших наказание, как индивидуальная мера профилактики рецидива преступлений // Социально-экономические и гуманитарные инновации в процессе модернизации общества: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 29 апреля 2024 года. – Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований», 2024. – С. 18–23.

11. *Федотов Л.Е.* Проблемы социальной ресоциализации осужденных, освобождаемых из мест лишения свободы // Социальное благополучие человека в современном мире: Сборник материалов XV Всероссийской студенческой научно-практической конференции, Пермь, 26 мая 2023 года. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 80–83.

References

1. *Bordanov A.S.* Obshchestvennoe vozdeystvie na osuzhdennykh kak sredstvo ikh ispravleniya i resotsializatsii // Penitentsiarne pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika. – 2021. – № 4(30). – S. 15–18.

2. *Vorob'ev S.M.* Sotsial'no orientirovannye nekommercheskie organizatsii v mekhanizme obespecheniya probatsii // Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie : Materialy VI mezhdunarodnogo penitentsiarnogo foruma, priurochennogo k 30-letiyu so dnya prinyatiya Konstitutsii Rossiijskoj Federatsii i Zakona Rossiijskoj Federatsii ot 21 iyulya 1993 g. № 5473-I «Ob uchrezhdeniyakh i organakh ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossiijskoj Federatsii», Ryazan', 15–17 noyabrya 2023 goda. – Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2023. – S. 16–21.

3. *Gotchina L.V.* Institut probatsii v Rossiijskoj Federatsii: ozhidaniya // Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii : Sbornik materialov kompleksa mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsij. V 2-kh tomakh, Sankt-Peterburg, Pushkin, 16–17 maya 2024 goda. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij universitet Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij, 2024. – S. 63–65.

4. *Efimova M.V.* Preduprezhdenie retsdiva zhenskoj prestupnosti kak faktor ikh uspeshnoj postpenitentsiarnoj resotsializatsii i sotsial'noj adaptatsii // Teoriya i praktika sotsiogumanitarnykh nauk. – 2024. – № 1(25). – S. 75–80.

5. *Ol'khovik N.V.* Predmet, mekhanizmy i pravovye osnovy vzaimodejstviya sub"ektov probatsii s institutami grazhdanskogo obshchestva // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2023. – № 1(54). – S. 71–79.

6. *Samusev D.A.* Fenomen gumanitarnykh organizatsij i sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsij v kontekste gosudarstvennoj podderzhki // Nauchnye zapiski akademii. – 2025. – Т. 16, № 2. – S. 32–40.

7. *Skiba A.P.* Zakon «O probatsii v Rossiijskoj Federatsii» kakpredposylka dal'nejshego razvitiya ugolovno-ispolnitel'nogo prava / A.P. Skiba, N.S. Maloletkina // Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2023. – № 1 (54). – S. 80–90.

8. *Teplyashin P.V.* Mezhdunarodno-pravovye osnovy resotsializatsii reintegratsii osuzhdennykh // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2024. – № 1(70). – S. 11–17.

9. *Filonenko T.V.* Uchastie negosudarstvennykh institutov v postpenitentsiarnoj adaptatsii osuzhdennykh // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2024. – Т. 14, № 8-1. – S. 165–177.

10. *Fedorov D.D. Sotsial'naya adaptatsiya lits, otbyvshikh nakazanie, kak individual'naya mera profilaktiki retsidiva prestuplenij // Sotsial'no-ekonomicheskie i gumanitarnye innovatsii v protsesse modernizatsii obshchestva: Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Belgorod, 29 aprelya 2024 goda. – Belgorod: OOO «Agentstvo perspektivnykh nauchnykh issledovanij», 2024. – S. 18–23.*

11. *Fedotov L.E. Problemy sotsial'noj resotsializatsii osuzhdennykh, osvobozhdaemykh iz mest lisheniya svobody // Sotsial'noe blagopoluchie cheloveka v sovremenном mire: Sbornik materialov XV Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Perm', 26 maya 2023 goda. – Perm': Permskij gosudarstvennyj natsional'nyj issledovatel'skij universitet, 2024. – S. 80–83.*

Сведения об авторе

Александров Андрей Станиславович: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: aleksandrov_ac@mail.ru.

Information about the author

Alexandrov Andrey Stanislavovich: Kuzbass Institute of the FPS of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation), head of the Chair of Penal Law and Organization of the Execution of Punishments not Related to the Isolation of Convicts from Society, candidate of law, associate professor. E-mail: aleksandrov_ac@mail.ru.

УДК 343.2:343.3/.7

А. Г. Антонов

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ДОБРОВОЛЬНОЙ СДАЧЕ В ПЛЕН КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВИД ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ: НАУЧНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

В статье анализируется содержание специального основания освобождения от уголовной ответственности при добровольной сдаче в плен, закрепленного в форме примечания к ст. 352¹, введенной в УК РФ Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». В результате проведенного исследования были сделаны выводы о применении примечания к ст. 352¹ УК РФ только при совокупности всех, указанных в нем требований: совершение впервые добровольной сдачи в плен, принятие мер для своего освобождения, возвращение в часть или к месту службы, не совершение во время пребывания в плену других преступлений. Вместе с тем, констатируется, что рассмотренная норма об освобождении от уголовной ответственности основана на утрате или значительном снижении общественной опасности виновного, что позволяет ее отнести к одному из проявлений деяния

раскаяния. При этом, отмечается, что общественная опасность добровольной сдачи в плен не утрачивается даже при наличии позитивной посткриминальной деятельности виновного.

Ключевые слова: сдача в плен, освобождение, уголовная ответственность, примечание.

A. G. Antonov

THE CONCEPT AND SPECIAL LEGAL CONDITIONALITY OF EDUCATIONAL WORK WITH CONVICTS SENTENCED TO IMPRISONMENT

The article analyzes the content of the special grounds for exemption from criminal liability in the case of voluntary surrender, which is enshrined in the form of a note to Article 352¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, introduced by Federal Law No. 365-FZ of September 24, 2022, «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation». As a result of the conducted research, it was concluded that the note to Article 352¹ of the Criminal Code of the Russian Federation can only be applied if all the requirements specified in the note are met: voluntary surrender for the first time, taking measures to be released, returning to the unit or place of service, and not committing any other crimes while being held captive. However, it was also noted that the considered norm on exemption from criminal liability is based on the loss or significant reduction of the offender's public danger, which allows it to be considered as one of the manifestations of active repentance. At the same time, it is noted that the public danger of voluntary surrender is not eliminated even if the perpetrator engages in positive post-criminal activities.

Keywords: surrender, release, criminal liability, note.

В современном уголовном праве институт освобождения от уголовной ответственности занимает заметное место. Данный институт постоянно расширяется как в законодательной сфере, так и в право-применительной практике. На всем протяжении существования УК РФ его глава 11 постоянно пополнялся новыми нормами об освобождении от уголовной ответственности.

Так, общие основания освобождения от уголовной ответственности, которых изначально было четыре, расширились за счет введения норм об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, с назначением судебного штрафа, в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения

или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Количество же специальных оснований освобождения от уголовной ответственности возросло за время существования УК РФ более чем в три раза. Теперь они предусмотрены к более чем к пятидесяти статьям и их количество имеет тенденцию к постоянному росту. Стало обычной законодательной практикой введение нового состава преступления в УК РФ вместе со специальным основанием освобождения от уголовной ответственности. Законодатель в таких случаях предпочитает закреплять альтернативные уголовному наказанию варианты разрешения уголовно-правового конфликта.

Данную тенденцию продолжило

установление уголовной ответственности в отечественном законодательстве за добровольную сдачу в плен, так как вместе со ст. 352¹ УК РФ Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» было введено и примечание к ней, содержащее специальное основание освобождения от уголовной ответственности виновного. Согласно ему, военнослужащий, впервые совершивший преступление, предусмотренное настоящей статьей, может быть освобожден от уголовной ответственности, если он принял меры для своего освобождения, возвратился в часть или к месту службы и не совершил во время пребывания в плену других преступлений.

Еще до введения в УК РФ уголовной ответственности за добровольную сдачу в плен в литературе криминализация этого деяния достаточно активно обсуждалась [1, с. 49-50]. Данное преступление понимается как действия (бездействие) военнослужащего, направленные на сдачу в плен, при наличии у него возможности оказывать вооруженное сопротивление противнику [3, с. 29]. Общественная опасность добровольной сдачи в плен очевидна. Законодатель ее оценивает как высокую: за совершение данного преступления предусмотрено наказание в виде лишения свободы от трех до десяти лет. Рассматриваемое преступление является тяжким.

Общественная опасность личности лица, добровольно сдавшегося в плен также довольно высока. Ведь преступление является основным критерием общественной опасности личности преступника [8, с. 49]. При этом, таким критерием выступает еще степень опасности и вероятности совершения им нового преступления в будущем [8, с. 49].

Освобождение же от уголовной ответственности основывается на утрате или значительном снижении общественной

опасности личности виновного [2, с. 59]. Об этом может свидетельствовать его позитивная постпреступная деятельность, направленная на устранение, минимизацию вреда, причиненного преступлением охраняемым уголовным законодательством общественным отношениям. Именно изложенное послужило причиной введения исследуемого специального основания освобождения от уголовной ответственности наряду с криминализацией добровольной сдачи в плен.

В данном случае законодатель посредством рассматриваемого примечания стремится к стимулированию виновного к позитивной постпреступной деятельности в виде таких активных действий как принятие мер для своего освобождения, возврата в часть или к месту службы.

Все ли упомянутые действия в совокупности должны быть совершены лицом для его освобождения? Или их перечень носит альтернативный характер? Для ответа на этот вопрос необходимо оценить значимость упомянутых позитивных действий для нейтрализации общественной опасности лица, добровольно сдавшегося в плен.

По сути, законодатель установил два вида позитивной постпреступной деятельности в данном случае – принятие мер для своего освобождения виновным и его возвращение в подразделение вооруженных сил Российской Федерации.

Принятие мер для своего освобождения виновным, не повлекшим такого ни коим образом не устраниет его общественной опасности: российский военнослужащий по-прежнему находится у противника и его отсутствие в воинской части по прежнему негативно влияет на боеспособность подразделения, в котором он проходил службу, а совершенное им преступление по-прежнему выступает негативным precedентом, отрицательным примером для остальных военнослужащих. Само по себе принятие мер по освобождению из плена,

не повлекшие такового, а с ним и возвращения в воинскую часть не нейтрализуют общественной опасности виновного.

Рассматривать требование о принятия мер по освобождению виновного из плена отдельно от такого условия анализируемого примечания об освобождении от уголовной ответственности как возвращение в часть или к месту службы недопустимо. Ведь возвращение виновного как позитивный посткриминальный поступок, возможно только после самостоятельного освобождения виновного из плена, а не, например, освобождения в порядке обмена пленными. В последнем случае возвращение в воинскую часть не будет свидетельствовать об утрате военнослужащим общественной опасности.

Примечание к ст. 352¹ УК РФ расчитано на ситуации, когда виновный проявил малодушие, сдался добровольно в плен, но будучи в плену осознал тяжесть совершенного преступления и решил освободиться из плена с целью продолжить участие в боевых действиях. Тем самым, военнопленный имеет стимул для освобождения из плена самостоятельно и возвращения в ряды вооруженных сил своей страны, не опасаясь репрессивных мер. При этом, позитивная постпреступная деятельность виновного свидетельствует об утрате его общественной опасности или значительном ее снижении.

Государство же, позволяя бывшему военнопленному встать в ряды своих вооруженных сил, восполняет ряды армии, уменьшая причиненный ущерб своей обороноспособности. Ведь добровольная сдача в плен не только нарушает общественные отношения по поводу воинского правопорядка, но и способно вызвать многочисленные социально-негативные последствия для обороноспособности и безопасности России [5, с. 335], особенно в ситуации отражения российской армией нападения иностранного государства.

Рассмотренная позитивная постпре-

ступная деятельность военнослужащего, добровольно сдавшегося в плен, позволяет констатировать, что рассматриваемое специальное основание освобождения от уголовной ответственности является частным проявлением деятельного раскаяния.

Однако, нельзя упускать из внимания и еще одно требования освобождения виновного от уголовной ответственности в данном случае, которое не относится к активному посткриминальному поведению лица, но должно учитываться в совокупности с ранее рассмотренными условиями: «и не совершил во время пребывания в плену других преступлений». Исходя из буквального толкования примечания к ст. 352¹ УК РФ данное обстоятельство обязательно для учета при принятии решения компетентным органом об освобождении виновного военнослужащего от уголовной ответственности. Если лицо уже будучи в плену совершает новое преступление, то это свидетельствует о его повышенной общественной опасности и позволяет судить о малой вероятности ее утраты.

Не относится к позитивному посткриминальному поведению и такое требование специального основания освобождения от уголовной ответственности как «совершение преступления впервые». Речь в данном случае идет о конкретном преступлении, о добровольной сдаче в плен. Если лицо ранее совершало такое преступление и судимость за него не погашена и не снята, то при повторном его совершении применить исследуемое примечание невозможно.

И наконец, даже при выполнении лицом всех проанализированных требований, решение о его освобождении от уголовной ответственности отнесено законодателем на усмотрение суда, который должен принять соответствующее решение на основании прогноза несовершения нового преступления виновным в будущем.

В завершение данной статьи, хотелось бы отразить свою позицию по следу-

ющему вопросу. Возможна ли утрата общественной опасности не только виновного, но и совершенного им деяния, добровольной сдачи в плен? На этот вопрос, полагаем, нужно ответить отрицательно.

Преступления против военной службы, совершенные в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий (далее – особые периоды), характеризуются повышенной общественной опасностью¹. Добровольная сдача в плен представляет повышенную степень общественной опасности для общества и государства еще и потому, что снижает эффективность выполнения поставленных боевых задач, наносит ущерб боеспособности воинских частей, а также оказывает деморализующее влияние на остальных военнослужащих [4, с. 171].

Поэтому, невозможно судить об

утрате общественной опасности добровольной сдачи в плен, впрочем, как и любого другого преступления.

Общественная опасность преступления определяется с позиций социальных ценностей, принятых в обществе, и является таковой независимо от воли законодателя [6, с. 18-36]. Наличие ее у деяния – факт объективный и, как следствие, неизменный. Тем более не может статься, что одно совершенное деяние является общественно опасным, а такое же, другое – нет. Добровольная сдача в плен если уже состоялась, то остается общественно опасной. При этом, рассматривая общественную опасность преступления как элемент негативной социальной практики, имеющей прецедентный характер [7, с. 8, 9], усмотреть ее утрату, даже при наличии позитивной постпреступной деятельности виновного, достаточно сложно.

Литература

1. Агешин А.А. К вопросу о добровольной сдаче в плен военнослужащих // Вестник военного права. – 2019. – № 1. – С. 46–50.
2. Антонов А.Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: дис ... д-ра юрид. наук / Антонов Антон Геннадьевич. – Томск, 2013. – 381 с.
3. Гафурова Э.Р. Совершенствование института освобождения от уголовной ответственности при совершении некоторых преступлений против военной службы // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2024. – № 1(19). – С. 24–33.
4. Зюбанов Ю.А. Добровольная сдача в плен // Военное право. – 2024. – № 3(85). – С. 170–174.
5. Плешаков А.М. Добровольная сдача в плен: основание уголовной ответственности / А.М. Плешаков, Г.С. Шкабин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 333–335.
6. Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. – 142 с.
7. Фефелов П.А. Принципы советского уголовного права – основа уголовно-правового охранительного механизма: автореф. дис ... д-ра юрид. наук. – М., 1978. – 38 с.
8. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск, Изд-во Том. ун-та, 1981. – 213 с.

References

1. Ageshin A.A. K voprosu o dobrovol'noj sdache v plen voennosluzhashchikh // Vestnik voennogo prava. – 2019. – № 1. – S. 46–50.

¹ П. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы».

2. Antonov A.G. Spetsial'nye osnovaniya osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti: dis ... d-ra yurid. nauk / Antonov Anton Gennad'evich. – Tomsk, 2013. – 381 s.
3. Gafurova E.R. Sovershenstvovanie instituta osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti pri sovershenii nekotorykh prestuplenij protiv voennoj sluzhby // Voenno-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri. – 2024. – № 1(19). – S. 24–33.
4. Zyubanov Yu.A. Dobrovol'naya sdacha v plen // Voennoe pravo. – 2024. – № 3(85). – S. 170–174.
5. Pleshakov A.M. Dobrovol'naya sdacha v plen: osnovanie ugolovnoj otvetstvennosti / A.M. Pleshakov, G.S. Shkabin // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 6(222). – S. 333–335.
6. Prozumentov L.M. Kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya deyanij. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 2012. – 142 s.
7. Fefelov P.A. Printsipy sovetskogo ugolovnogo prava – osnova ugolovno-pravovogo okhranitel'nogo mekhanizma: avtoref. dis ... d-ra yurid. nauk. – M., 1978. – 38 s.
8. Filimonov V.D. Kriminologicheskie osnovy ugolovnogo prava. – Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 1981. – 213 s.

Сведения об авторе

Антонов Антон Геннадьевич: Санкт-Петербургский университет МВД России (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор кафедры уголовного права, доктор юридических наук, профессор. E-mail: antonovanton1@mail.ru.

Information about the author

Antonov Anton Gennadievich: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation), Professor of the Department of Criminal Law, Doctor of Law, Professor. E-mail: antonovanton1@mail.ru.

УДК 343.8

Х. В. Белогорцева (Пешкова)

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОСУЖДЕННЫХ: КАТЕГОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ИЛИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

В настоящей статье автор обращается к особенностям правового режима персональных данных осужденных в уголовно-исполнительной системе с позиции комплексного регулирования персональных данных как межотраслевой категории законодательством РФ. Анализируются положения норм уголовно-исполнительного права, а также информационного законодательства, касающиеся обращения информации – а именно конфиденциальной информации об осужденных и применимые к отношениям, развивающимся в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации. Особое внимание автор уделяет актам ФСИН России, Минюста России, касающимся различных вопросов деятельности УИС, организации исполнения наказаний в их сопоставлении с базовыми требованиями информационного законодательства, предъявляемыми к обращению информации и конфиденциальной информации

непосредственно.

Ключевые слова: персональные данные осужденных, обращение информации в УИС, конфиденциальная информация в УИС, личная информация осужденных, обработка персональных данных осужденных.

H. V. Belogortseva (Peshkova)

PERSONAL DATA OF CONVICTS: CATEGORY OF PENAL OR INFORMATION LAW

In this article, the author addresses the peculiarities of the legal regime of personal data of convicts in the penal system from the perspective of the comprehensive regulation of personal data as an intersectoral category by the legislation of the Russian Federation. The article analyzes the provisions of the norms of penal law, as well as information legislation, regarding the circulation of information, namely confidential information about convicts, and their application to relations developing in the penal system of the Russian Federation.

The author pays special attention to the acts of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Ministry of Justice of Russia regarding various issues related to the activities of the penal system and the organization of punishment, and compares them with the basic requirements of information legislation regarding the handling of information and confidential information.

Keywords: personal data of convicts, handling of information in the penal system, confidential information in the penal system, personal information of convicts, processing of personal data of convicts.

В современный период в науке уголовно-исполнительного права особенно остро стоят вопросы междисциплинарных исследований разного рода правовых категорий, имеющих отношение к деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС). Это связано с активным развитием как данной области юридических знаний, так и, собственно, с тенденциями развития, реформирования уголовно-исполнительной системы Российской государства с позиции складывающейся правоприменительной практики. В общем виде эти тенденции нацеливают не только на модификацию традиционных, но при этом специфических аспектов уголовно-исполнительной системы – реализацию ею функций правоохраны, обеспечения исполнения уголовных наказаний за совершение преступлений, ограничения свободы лиц в силу подозрения или обвинения их в причастности к уголовным деяниям, представляющим для общества значительную

опасность. Но также они нацеливают и на оптимизацию таких сторон деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, как организация использования ведомственных финансов, бюджетное финансирование УИС, реализацию имущественно-хозяйственных функций предприятиями УИС, защиту личности в УИС, организацию обращения информации внутри УИС и вне ее в связи с возлагаемыми на УИС функциями и задачами. В ранее опубликованных работах мы обращались к финансово-правовой составляющей деятельности УИС и ее взаимосвязи с регулированием информации ведомственного значения [1], в настоящей работе детальнее рассмотрим отдельные вопросы информационно-правовых основ УИС. Актуальность тематики сущности правовой категории персональных данных осужденных за совершение преступлений обусловлена дискуссиями относительно возможных направлений развития юридических основ и

практических мер реализации общественных отношений, связанных с обращением информации в УИС и необходимыми мерами ее защиты.

Правовое регулирование сбора, обработки, использования персональных данных любых категорий лиц носит комплексный характер – основывается на федеральных законах универсального действия, относящихся к разряду источников информационного права, регулирующих информационные отношения вне привязки к их месту и роли в деятельности уголовно-исполнительной системы, применительно к персональным данным осужденных – также нормативных правовых актах Федеральной службы исполнения наказаний, включая акты территориальных органов ФСИН России, Министерства юстиции РФ, нацеленных на юридическое упорядочение различных вопросов исполнения наказаний, установления организационно-правовых основ выполнения функций и задач УИС различными типами учреждений уголовно-исполнительной системы. В свою очередь, предполагаемая отсылка к универсальным положениям федерального законодательства о персональных данных оставляет неурегулированным вопросы обращения соответствующей конфиденциальной информации применительно к конкретным субъектам – осужденным, подозреваемым, обвиняемым, в отношении которых учреждения и органы УИС реализуют свои функции и задачи. Обозначенные моменты требуют углубленного внимания на уровне научных исследований в области особенностей правового регулирования персональных данных осужденных, равно как и подозреваемых, обвиняемых в совершении уголовно наказуемых деяний.

Развитие Российского государства и общества в условиях реформирования уголовно-исполнительной системы и реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы России

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р (ред. от 27 мая 2023 г.) «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года».

до 2030 года¹ потребовало пересмотра подходов к информационно-правовому обеспечению деятельности соответствующих учреждений и органов государства, совершенствования механизмов аккумулирования, обработки и обеспечения защиты информации конфиденциального характера об участниках общественных отношений в УИС, значимой для реализации функций и задач субъектов публичной власти, обеспечения и защиты личных, информационных прав как сотрудников УИС, так и осужденных, подозреваемых, обвиняемых. Повсеместная цифровизация, обусловившая расширение использования информационных технологий и усиление правового поля по линии упорядочения информационных отношений [4], усилила потребности в модификации правового регулирования обращения конфиденциальной информации различных видов, к которым относятся и персональные данные. Данные тенденции коснулись и уголовно-исполнительной системы России, связанной с соблюдением нормативных основ конфиденциальной информации, в том числе персональных данных осужденных, используемых в работе учреждений УИС.

Оперирование понятием персональные данные и связанным с ним понятийно-категориальным аппаратом в различных сферах общества и государства базируется на Федеральном законе от 27 июля 2006 г. (ред. от 31 июля 2025 г.) № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон № 152-ФЗ), устанавливающем правовой режим персональных данных как разновидности конфиденциальной информации и положения о ее обработке. Согласно ст. 3 данного Федерального закона, персональные данные – это «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных). Правовой режим обращения информации предполагает обработку пер-

социальных данных. Нормы об обработке персональных данных в соответствии с Федеральным законом № 152-ФЗ носят общий характер, не акцентирующий внимание на особенностях «носителей информации» применительно к той или иной сфере общественных отношений: в буквальном виде обработка трактуется как любые действия, проводимые с персональными данными различных видов без использования средств автоматизации или с их использованием, с учетом новейших тенденций цифровизации. В числе таковых действий закон называет сбор, запись, систематизация, накопление, хранение, уточнение и ряд иных, базирующихся на закрепленных в Федеральном законе № 152-ФЗ терминах и правовых положениях.

Названные определения понятий в своем содержании универсальны, они не акцентируют внимания на специальных субъектах общественных отношений, действовавших в деятельности уголовно-исполнительной системы. Вместе с этим, специфика их правового статуса и нахождение в ситуации правоограничений разного рода, в том числе в связи с осуждением за совершение преступления, оказывают влияние и на правовое регулирование юридического (правового) режима их персональных данных.

Приведенный выше перечень действий в области обращения информации регулируется с позиции процессуальных действий уполномоченных должностных лиц, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы специальными для УИС нормативными правовыми актами, применительно к заявленной нами теме – например, Постановлением Правительства РФ от 31 марта 2010 г. № 198 «Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными² Приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 (ред. от 22 августа 2024 г.) № 142²

к наказанию в виде ограничения свободы» (содержит ряд норм, относимых к режиму защиты получаемой в ходе контроля и надзора информации), Приказом Федеральной службы исполнения наказаний от 23 июня 2020 г. № 417 «Об обработке персональных данных в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (далее –Приказ ФСИН России от 23 июня 2020 г. № 417, содержит нормативные положения, применительно к обработке информации в УИС). Названный приказ ФСИН России является основным применительно к «наполненности» правового института персональных данных в УИС нормативных содержанием, но не единственным. В иных приказах ФСИН России, Минюста России содержится целый ряд правовых норм, имеющих отношение к персональным данным осужденных, при этом напрямую связанным с идеями информационного законодательства, заложенными в правовые основы уголовно-исполнительной системы РФ и организации режима исполнения конкретных видов наказаний.

Так, например, с учетом положений федерального законодательства об информатизации, учреждения и органы уголовно-исполнительной системы используют для обработки персональных данных различных видов информационные системы в ответ на развитие цифровизации УИС. Например, уголовно-исполнительные инспекции ведут автоматизированную базу, в которые вносятся сведения об осужденных, порядке и условиях отбывания ими наказаний, результаты контроля за их поведением – согласно п. 5.1 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной Приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. (ред. от 22 августа 2024 г.) № 142².

В силу прямого указания норм уголовно-исполнительного права персональные данные осужденных как вид кон- от 22 августа 2024 г.) «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества».

фиденциальной информации подлежат включению в анкеты осужденных, их личные дела, учетные карточки, учитываются дневниках индивидуальной воспитательной работы с осужденными и иных формируемых учреждениями и органами УИС документах конфиденциального характера (по анализу приложений № 5, 16 Приказа Минюста России и Минздрава России от 7 июля 2015 г. № 169/425н «Об утверждении порядка осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией»; раздела 9 утвержденной инструкции Приказа Минюста России от 11.10.2010 № 258 (ред. от 2 ноября 2016 г.) «Об утверждении инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы»).

Получение персональных данных о лицах, поставленных на индивидуальный профилактический учет, правонарушений результатах выполняет превентивную роль в силу указания специальных нормативных правовых актов – профилактику правонарушений в УИС, на что обращает внимание Минюст России (Приказ от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы»).

Также активно развивается практика принятия территориальными органами ФСИН России нормативных правовых актов, регулирующих организацию обработки информации в управлениях ФСИН России по субъектам РФ. Эти акты, в числе прочих моментов, затрагивают отдельные вопросы правового режима персональных данных осужденных (например, контроль за наличием в должностных инструкциях сотрудников обязанности по обработке и сохранности персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей – п. 3 Приказа УФСИН России по Вологодской области от 10 июня 2019 г.

№ 309 «Положение об организации обработки персональных данных в УФСИН России по Вологодской области»; ограничение полномочий сотрудников на получение и обработку персональных данных осужденных – п. 5 приложения № 1 Приказа УФСИН России по Орловской области от 31 октября 2012 г. № 439 «О защите персональных данных в Управлении Федеральной службы исполнения наказания по Орловской области»).

В свою очередь, существует целый ряд примеров актов и документов территориальных органов ФСИН России, в которых вопрос использования и обработки персональных данных осужденных практически не урегулирован (например, Приказ УФСИН России по Тульской области от 26 января 2016 г. № 28 «Об утверждении Политики УФСИН России по Тульской области в отношении обработки и защиты персональных данных», «Политика УФСИН России по Воронежской области в отношении обработки персональных данных» базируется на Приказе ФСИН России № 417 и др.). По нашему мнению, их содержание целесообразно углубить, расширить акцентированием внимания на особенностях обработки персональных данных осужденных с опорой на иные нормы уголовно-исполнительного и информационного законодательства Российской Федерации.

С позиции правового воздействия на обращение информации, возможного использования информационных технологий в деятельности УИС в условиях цифровизации проанализированные ведомственные нормативные правовые акты должны всецело отвечать существенному воздействию на информационные отношения федерального законодательства, представленному специальными источниками информационного права.

Исходя из представленного системного анализа нормативной базы, правовой институт персональных данных осужденных носит комплексный характер не толь-

ко с позиции своей сущности как правовое образование со специфическим объектом воздействия межотраслевой значимости (разновидность конфиденциальной информации, касающейся личности осужденных в целях применения к ним уголовных наказаний), но и с позиции массива источников права, соответствующий вопрос и общественные отношения регламентирующих. Система применяемых, соблюдаемых, исполняемых источников права в сфере персональных данных осужденных представлена не только, собственно, источниками уголовно-исполнительного права, но и источниками информационного права.

Персональные данные осужденных как разновидность информации о соответствующих лицах – категория межотраслевого значения и, как следствие, содержания.

С одной стороны, к правовому статусу данных субъектов и всему, что прямо или косвенно с ним связано, в том числе обработке персональных данных, применимы положения, находящиеся в правовом поле норм уголовно-исполнительного права. Данный вопрос урегулирован Приказом ФСИН России от 23 июня 2020 г. № 417 и иными актами, касающимися вопросов деятельности учреждений и органов УИС, применяемым в совокупности с законодательством о персональных данных. Это означает, что специфика действия норм уголовно-исполнительного права имеет место и когда речь идет об информационной составляющей правового статуса осужденных, подозреваемых, обвиняемых, применительно к рассматриваемой теме – их прав на соблюдение режима персональных данных о своей личности в связи с исполнением наказаний.

С другой стороны, характеристики различных видов персональных данных осужденных, подозреваемых, обвиняемых основаны на правовом воздействии норм права различной отраслевой принадлежности, в зависимости от подразумеваемого

объекта регулирования и разрешаемого вопроса, своего рода, «объекта информации», что требует взаимосвязанного регулирования и устранения в связи с этим пробелов. Так, например, вопросы выполнения налоговых обязанностей осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми (связаны с персональными данными о наличии у них долговых обязательств), имущественные права и обязанности осужденных, подозреваемых, обвиняемых (персональные данные о наличии у них имущества в собственности, алиментных обязательств, иных долговых обязательств и т.д.), их права на разнообразные формы социального обеспечения (персональные данные о получении дополнительных денежных выплат социального характера, социальных основаниях получения поддержки из бюджета) служат предметом регулирования иных отраслей права в системе права России, отличных от права уголовно-исполнительного и даже информационного (финансовое право, налоговое право, гражданское право, семейное право, право социального обеспечения и иных). Другое дело, что механизм реализации разнообразных прав и свобод, интересов рассматриваемых субъектов в значительной степени связан с реализацией уголовно-исполнительных ограничений и запретов. Однако вне зависимости от вида персональных данных и связанности персональных данных с теми или иными отраслевыми отношениями, персональных данных лиц, вне зависимости от отнесения их к категории осужденных, подозреваемых, обвиняемых, подлежат правовой защите (от неразглашения, соблюдения правил сбора, обработки, распространения). Как следствие, учреждения и органы УИС должны соблюдать положения информационно-правового характера, регулирующие условия сбора и обработки соответствующей информации, соблюдать конфиденциальность персональных данных осужденных и обеспечивать их защиту, что составляет определенные сложности.

сти в условиях расширения использования информационных ресурсов.

Ввиду обоснованной связи уголовно-исполнительного и информационного права по линии регламентации особенностей режима персональных данных осужденных считаем необходимым модифицировать содержание специальных источников регулирования обращения информации в уголовно-исполнительной системе – а именно приказов ФСИН России. Так, например, предлагаем дополнить приложение № 1 Приказа ФСИН России № 417 пунктом 1.1, предусматривающим определение понятий, используемых в тексте Приказа ФСИН России № 417. В числе прочих определяемых понятий («оператор персональных данных», «информационная система персональных данных» и иных, рассмотрение которых не входит в объект настоящего исследования, но отметим, идеологически базируется на положениях информационного законодательства) включить в п. 1.1 приложения № 1 нормативные положения, определяющие понятия персональных данных осужденных, подозреваемых, обвиняемых и обработки персональных данных, изложив их в следующей редакции:

«1.1. В настоящих Правилах используются следующие основные понятия:

Персональные данные осужденных за совершение преступления (подозреваемых в совершении преступления, обвиняемых в совершении преступления) – это информация, относящаяся прямо или косвенно к личности конкретного осужденного за совершение преступления (подозреваемого в совершении преступления, обвиняемого в совершении преступления), подлежащая обработке учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в объеме, в котором это необходимо для выполнения полномочий, задач и функций учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Обработка персональных данных в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации – это действия (операции), совокупность действий (операций), реализуемых в пределах полномочий Федеральной службы исполнения наказаний, ее органов, учреждений УИС Российской Федерации, с целью получения ими информации, необходимой для выполнения полномочий, задач и функций учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.».

Таким образом, персональные данные осужденных являются одновременно категорией уголовно-исполнительного и информационного права, несмотря на явную абсолютную причастность его к понятийно-категориальному аппарату именно уголовно-исполнительского права в системе отраслей российского права. В функционировании учреждений и органов и уголовно-исполнительной системы надлежит обеспечить меры информационно-правовой и связанной с ними личной безопасности, контроль за обращением информации в силу идеологических требований актов информационного законодательства, обеспечить ее неприкосновенность и конфиденциальность уже с позиции организации выполнения возложенных на УИС функций и задач, исполнения наказаний в аспекте функционирования различных режимных учреждений УИС, деятельность которых основана, собственно, на нормах уголовно-исполнительного права. В свою очередь, институт персональных данных осужденных как специальной категории субъектов информации, будучи комплексным правовым образованием, нуждается в дальнейшем совершенствовании с позиции содержания охватываемых им норм права. Комплекс проблем, связанных с обращением конфиденциальной информации в уголовно-исполнительной системе, в том числе персональных данных осужденных, в рамках деятельности учреждений и органов УИС объясняется нерешенностью

соответствующих вопросов в правовом поле. Обозначенные проблемы требуют совершенствования правового регулирова- ния отношений в УИС, направленного на минимизацию рисков возникновения соответствующих ситуаций на практике.

Литература

1. Белогорцева Х.В. Социально-гуманитарные основы применения финансового и налогового права в уголовно-исполнительной системе. – Воронеж: Научная книга, 2021. – 160 с.
2. Заводчиков М.Н. Вопросы правового регулирования использования персональных данных осужденных и лиц, содержащихся под стражей, в деятельности учреждений и органов УИС // Cyberleninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pravovogo-regulirovaniya-ispolzovaniya-personalnyh-dannyh-osuzhdennyh-i-lits-soderzhaschihsyapod-strazhey-v-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 22.10.2025).
3. Одинцов А.И. Проблемы правового регулирования использования в деятельности учреждений и органов УИС персональных данных осужденных и лиц, находящихся под стражей // Пенитенциарная наука. – Вып. 3. – С. 84–86.
4. Полякова Т.А. Информационное право и цифровая реальность: развитие, приоритеты и проблемы в условиях цифровой трансформации / Т.А. Полякова, Н.А. Троян // Правовая информатика. – 2025. – № 2. – С. 31–37.

References

1. *Belogortseva Kh.V. Sotsial'no-gumanitarnye osnovy primeneniya finansovogo i nalogovogo prava v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme.* – Voronezh: Nauchnaya kniga, 2021. – 160 s.
2. *Zavodchikov M.N. Voprosy pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya personal'nykh dannykh osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhSYA pod strazhej, v deyatel'nosti uchrezhdenij i organov UIS // Cyberleninka.* – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-pravovogo-regulirovaniya-ispolzovaniya-personalnyh-dannyh-osuzhdennyh-i-lits-soderzhaschihsyapod-strazhey-v-deyatelnosti/viewer> (data obrashcheniya: 22.10.2025).
3. *Odintsov A.I. Problemy pravovogo regulirovaniya ispol'zovaniya v deyatel'nosti uchrezhdenij i organov UIS personal'nykh dannykh osuzhdennykh i lits, nakhodyashchikhSYA pod strazhej //Penitentsiarnaya nauka.* – Vyp. 3. – S. 84–86.
4. *Polyakova T.A. Informatsionnoe pravo i tsifrovaya real'nost': razvitiye, prioritety i problemy v usloviyakh tsifrovoj transformatsii / T.A. Polyakova, N.A. Troyan // Pravovaya informatika.* – 2025. – № 2. – S. 31–37.

Сведения об авторе

Белогорцева (Пешкова) Христина Вячеславовна: ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России (г. Воронеж, Российская Федерация), профессор кафедры административно-правовых и процессуальных дисциплин, доктор юридических наук, доцент. E-mail: peshkova1@yandex.ru.

Information about the author

Belogortseva (Peshkova) Kristina Vyacheslavovna: Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Voronezh, Russian Federation), Professor of the Department of Administrative, Legal and Procedural Disciplines, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: peshkova1@yandex.ru.

А. Ю. Беляков

**О ПОВЫШЕНИИ РОЛИ
ПОДГОТОВКИ ОСУЖДЕННЫХ К ОСВОБОЖДЕНИЮ
В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**

В статье аргументируется необходимость совершенствования законодательства в сфере подготовки осужденных к освобождению от наказания в виде лишения свободы. Данный вопрос сопрягается с пробацией. Речь идет прежде всего о пенитенциарной пробации. Автор рассматривает обозначенный вопрос шире, чем пробация. Им предлагается тему подготовки осужденных к освобождению рассматривать шире, чем пенитенциарная пробация. Речь идет не только о пробации, которая применяется по волеизъявлению самого осужденного, но и лицах, которые не изъявляют такого желания. Именно с их стороны стоит прежде всего ждать совершения новых преступлений. Речь идет об осужденных, за которыми установлен административный надзор, больных наркоманией, алкоголизмом, другими социально-опасными заболеваниями и др.

Одним из путей оптимизации существующих норм права в сфере подготовки осужденных к освобождению, повышения сопряженности с нормами, установленных в probationном законодательстве, определяется совершенствование их законодательной техники. Речь в частности идет об их конкретизации, максимальном сокращении возможностей субъективного подхода при их применении.

Ключевые слова: предупреждение рецидивной преступности, пробация, пенитенциарная пробация, подготовка к освобождению, осужденный.

A. Yu. Belyakov

**ON THE INCREASE OF THE ROLE
OF PREPARATION OF CONDEMNED PERSONS
FOR RELEASE IN THE PREVENTION OF RECIDIVIST CRIME**

The article argues for the need to improve legislation in the field of preparing convicts for release from imprisonment. This issue is related to probation. In particular, it refers to penitentiary probation. The author considers this issue in a broader context than probation. They propose to view the topic of preparing convicts for release in a broader sense than penitentiary probation. This includes not only probation, which is applied at the discretion of the convict, but also individuals who do not express a desire for it. It is from these people that we should expect new crimes to be committed. We are talking about convicts who are under administrative supervision, people with drug and alcohol addiction, and other socially dangerous diseases.

One of the ways to optimize the existing legal norms in the field of preparing convicts for release and to increase their compatibility with the norms established in probation legislation is to improve their legislative technique. This includes their specification and the reduction of subjective approaches in their application.

Keywords: prevention of recidivism, probation, penitentiary probation, preparation for release, convict.

О роли подготовки осужденного к освобождению в предупреждении рецидивной преступности говорить не приходится. Данное направление выделено в качестве самостоятельного в Федеральном законе от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». Оно получило название «Пенитенциарная пробация». Значение данного закона в свете темы, обозначенной автором, заключается в том, что в нем в значительной степени систематизированы существующие нормы, направленные на подготовку осужденного к освобождению, и определены новые меры, направленные на решение основной задачи данного вида пробации – предупреждение новых преступлений лицами, освобожденными от дальнейшего отбывания наказания.

Следует отметить, что принятые до указанного закона меры в рассматриваемом аспекте принесли определенные результаты. С 2021 года наметилась положительная динамика в количестве лиц преступлений, ранее совершившими преступление. В 2021-2024 годах оно составило соответственно: 493 813, 483 683, 439 504, 375 086 человек. Их снижение в 2024 году составило 14,7%¹. Тем не менее данная тема продолжает оставаться актуальной. Удельный вес указанных лиц в совершении преступлений все еще остается значительным. В 2024 году он составил 56,3%². Поэтому с учетом новых направлений, обозначенных в законе о пробации представляется целесообразным рассмотреть и действующие нормы с тем, чтобы выявить имеющиеся резервы в их оптимизации и сопряжении оправдывших себя законодательных установлений с новыми.

Одним из таких резервов, по мнению автора, является уточнение и определенность понятийного аппарата, используемого в сфере предупреждения рецидивной преступности. Речь в частности идет о по-

нятии места жительства, которое используется при решении вопроса, связанного с обеспечением осужденного при проезде к месту жительства.

В соответствии со ст. 181 УИК РФ осужденные, освобождаемые из исправительных учреждений, обеспечиваются бесплатным проездом к месту жительства, а также продуктами питания или деньгами на время проезда в порядке, установленном Правительством РФ. В развитие этого законодательного положения было принято Постановление Правительства России «О порядке обеспечения продуктами питания или деньгами на время проезда к месту жительства осужденных, освобождаемых от отбывания наказания (от 24 октября 1997 г.)». В комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными указывается, что под «местом жительства» следует понимать, как правило, место жительства до осуждения. С учетом этого далее утверждается, что осужденный не может требовать предоставления ему бесплатного проезда в любой регион страны, и, если вновь избранное место жительства значительно удалено от места отбывания наказания и того населенного пункта, где он проживал до ареста, администрация исправительного учреждения вправе удержать разницу в стоимости проезда.

С такой трактовкой мы согласиться не можем. Во-первых, ни в Уголовно-исполнительном кодексе РФ, ни в указанном постановлении Правительства РФ ничего не говорится о каких-либо ограничениях в части избрания осужденным места жительства после освобождения из исправительного учреждения. И это вполне объяснимо, поскольку в реальной жизни складываются самые разные обстоятельства, которые могут изменить место жительства освобожденного (переезд семьи, наличие или отсут-

¹ Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития. – М.: В НИИ МВД России, 2025. С. 10.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года. – М.: ГИАЦ МВД России, 2025. С. 52.

ствие работы и др.). Кроме того, понятие «значительной удаленности», учитывая географические масштабы России, является усомнительным.

В деле пробации осужденных после освобождения от дальнейшего отбывания наказания значительная роль принадлежит их профессионально-технической подготовке. В настоящее время данный фактор носит абсолютно субъективный характер. Нормы законодательства не предусматривают в качестве обязательного указывать в характеристиках на осужденных, ходатайствующих об условно-досрочном освобождении, замене неотбытой части наказания более мягким его видом, факт получения ими специальности и степень решения вопроса о трудоустройстве после освобождения из исправительного учреждения.

Для того, чтобы бывший осужденный мог конкурировать на рынке труда, он должен иметь, по меньшей мере, востребованную специальность. В этом отношении важное значение имеет приобретение осужденными в ИУ такой специальности, которую он сможет использовать после освобождения, и которая позволит ему быстрее включиться в трудовой процесс. Профессионально-техническое обучение осужденных следует ориентировать с учетом, прежде всего, этого обстоятельства, т.е. учитывать не только нужды производства конкретного вида ИУ, но и потребности в квалифицированной рабочей силе того региона, где осужденный намеревается постоянно проживать после освобождения. Однако на практике, как показали наши исследования, 10,3 % освобождается из ИУ без специальности, около 40 % из них не получают рабочую квалификацию в силу уважительных причин (состояние здоровья, преклонный возраст и др.). С точки зрения рецидива эти группы представляют по указанной причине наибольшую опасность. Следует, на наш взгляд, законодательно закрепить, что освобождение лиц из ИУ без рабочей специальности, во всяком случае, условно-досрочно, может носить

лишь исключительный характер.

В научной литературе, посвященной проблеме общего и профессионального образования, имеют место предложения по совершенствованию подхода к нему [2; 7; 8]. Так, например, Я. С. Иваченко вносит предложение по уточнению понятия «профессиональное обучение» и отнесение его к основным средствам исправления осужденных [2].

На сегодняшний день законодательство, которое бы аккумулировало в себе нормы, регламентирующие вопросы постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, нет. Пробационное законодательство предусматривает оказание содействия только в отношении осужденных, обратившихся за такой помощью. Оно никоим образом не предусматривает принятие соответствующих мер к лицам, которые не обращаются за ней, но они объективно в ней нуждаются. Речь в частности идет об осужденных, за которыми установлен административный надзор, больные наркоманией, алкоголизмом, другими социально опасными заболеваниями.

В данном случае в целях должно- го правового обеспечения в сфере постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предупреждения постпенитенциарного рецидива преступлений, представляется целесообразным систематизировать нормы, их регламентирующие. В данный систематизированный свод могли бы войти нормы, содержащиеся в уголовном, уголовно-исполнительном, административном и ином законодательстве, относящиеся к категории социальных. Данное предложение согласуется с мнением других авторов [9; 11].

Интерес, в частности, представляет точка зрения А. Я. Гришко относительно формирования системного постпенитенциарного законодательства и образования на этой основе постпенитенциарного права. Предмет регулирования данного законодательства, специфические методы, используемые при решении вопросов по-

степенитенциарной адаптации, особенные субъекты, их осуществляющие, позволяют, по его мнению, сделать заключение о необходимости выделения новой комплексной отрасли законодательства, название которой – постпенитенциарное право [1], – пишет он.

Соискатель разделяет данную точку зрения. Действительно трудно сказать, какой отраслью права не регламентируются вопросы постпенитенциарной адаптации. Здесь имеют место нормы конституционного права – ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации (все равны перед законом), гражданского права – ст. 30 ГК РФ (ограничение дееспособности); социального права – ч. 4 ст. 19 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (прием освобожденных из исправительных учреждений, за которыми установлен административный надзор и которые утратили способность к самообслуживанию в стационарные организации социального обслуживания со специальным социальным обслуживанием) и других частно-публичных отраслей права [3].

Кроме того, учитывая, что лица, освобожденные из мест лишения свободы, в значительной степени склонны к рецидиву преступлений, к ним, применяются меры специально-предупредительного характера, способствующие ресоциализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы:

- возложение определенных обязанностей на лиц, освобожденных условно-досрочно (ч. 2 ст. 79 УК РФ), осуществление за ними контроля уголовно-исполнительными инспекциями (п. 1 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314, в редакции Указа от 2 июля 2021 г.);

- установление административного надзора в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы (ст. 173.1 УИК РФ);

- установление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»).

Федеральный закон «О полиции» наделяет полицию правом применения мер наблюдения за ходом реабилитации лиц, освобожденных из мест лишения свободы (п. 11 ст. 13).

Специальные меры, способствующие ресоциализации указанных лиц, имеют место в ведомственных нормативных правовых актах. Так, например, согласно Инструкции по исполнению участковыми полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке, утвержденной приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205, за лицами, состоящими под административным надзором, осуществляется наблюдение участковый полиции (п. 9.6). Следует также заметить, что указанную и другие меры могут применять только уполномоченные органы, ими являются главным образом, правоохранительные органы³.

Безусловно, указанные меры нельзя отнести к социальным отраслям права. В тоже время они занимают весьма значимое место в постпенитенциарной адаптации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Только в комплексе общесоциальных мер и мер специально-криминологического характера можно целенаправленно строить работу по постпенитенциарной адаптации на твердой правовой и организационной основе, максимально сократить субъективно-усмотрительный подход к ней.

Здесь необходимо обратить внимание еще на один момент, связанный с созданием системы пробации. Закон о пробации

³ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 28.06.2016. (ст. 17).

предполагает наличие различных субъектов, ее осуществляющих. При этом она не предполагает установления управомоченного органа в этой сфере.

Безусловно, отсутствие такого органа децентрализует деятельность в сфере probation, будет способствовать различному подходу к ее реализации, заключающейся в различном понимании форм и методов реализации закона. Закон определяет полномочия уголовно-исполнительных инспекций в части оказания помощи в вопросах занятости, обеспечения жильем, психологической и правовой помощи только лицам, освобожденным от отбывания наказания условно-досрочно. Из закона не ясно, о каких полномочиях идет речь, не определен субъект, который решал бы аналогичные вопросы в отношении других категорий, освобожденных из мест лишения свободы. Данные и другие вопросы должны быть решены на законодательном уровне. В противном случае обширное количество вопросов, решение которых предполагает усмотрение субъектов, его обеспечивающих, может подорвать саму суть системы предупреждения рецидивной преступности, не систематизировать, а наоборот еще в большей мере дезориентировать действующее законодательство в сфере реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания.

Сокращение усмотрительного подхода к решению вопросов предупреждения преступности лиц, освобожденных из мест лишения свободы, требует не только совершенствования законодательства, но и ее организационного обеспечения. В этих целях предлагается создание специализированной службы [4-6; 10].

В заключение следует сделать вывод, что в целом ряде случаев на законо-

дательном и ином нормативном правовом уровнях не получили развитие нормы уголовно-исполнительного права, имеющие пробационное значение, направленные на ресоциализацию лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Это привело к тому, что правоприменитель был поставлен в особые условия, с одной стороны, применять их по собственному усмотрению, с другой стороны, не применять их, так как действующие законодательные и иные нормативные правовые акты напрямую не обязывают это делать. Речь в частности идет о предоставлении свиданий с проживанием вне исправительного учреждения (ч. 1 ст. 89 УИК РФ); о разрешении осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях исправительной колонии общего режима, проживать и работать под надзором администрации исправительного учреждения (ч. 3 ст. 121 УИК РФ) и др.

Такой усмотрительный подход стал возможен по двум основным причинам:

1) декларативность законодательных норм в уголовно-исполнительном кодексе. Отсылка, например, к случаям, предусмотренным в УИК РФ, когда возможно предоставление длительного свидания с проживанием вне исправительного учреждения (ч. 1 ст. 89 УИК РФ), не состоятельна, так как указанные случаи в УИК РФ не определены.

2) наличие субъективного подхода при реализации уголовно-исполнительных норм на ином нормативном правовом уровне. Причем такой усмотрительный ведомственный подход идет явно в разрез с законодательными установками. Он не только не развивает последние, не обеспечивает их соответствующим механизмом реализации, но и в определенной степени препятствует их осуществлению.

Литература

1. Гришко А.Я. А.Л. Ременсон о постпенитенциарном рецидиве и постпенитенциарное право // Уголовная юстиция. – 2020. – № 15.
2. Ивасенко Я.С. Общее и профессиональное образование, профессиональное обучение как средства исправления осужденных к лишению свободы : автореф. дис. ...

канд. юрид. наук. – Рязань, 2014.

3. Ирисханов С.А. Противодействие преступности частно-правовыми средствами: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань, 2015.

4. Кириллов М.А. Социальная обусловленность норм уголовно-исполнительного права и проблемы его совершенствования : дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2002.

5. Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики: дис. ... докт. юрид. наук. – Саратов, 2001.

6. Савченко С.М. Вопросы совершенствования ресоциализации судимых / С.М. Савченко, Е.А. Милушкин // Уголовное наказание и проблемы его исполнения в условиях перестройки деятельности органов внутренних дел : сб-к науч. трудов. – М., 1990.

7. Тарабрина С.Е. Исправительные программы для осужденных к лишению свободы: зарубежный и отечественный опыт : автореф. дис. ... канд. педаг. наук. – Рязань, 2004.

8. Тюгаева Н.А. Общее и профессиональное образование осужденных в воспитательной системе исправительных учреждений : автореф. дис. ... докт. педаг. наук. – М., 1998.

9. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 2. – С. 39-43.

10. Филимонов О.В. Посткриминальный контроль: теоретические основы правового регулирования. – Томск, 1991. – 179 с.

11. Южанин В.Е. Проблемы правового регулирования преемственности работы по подготовке осужденных к освобождению и управлению их социальной адаптации к условиям свободы // Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: (к 20-летию принятия Конституции Российской Федерации): сб. тез. выступлений участников. – Рязань: Академия ФСИН России, 2013.

References

1. Grishko A.Ya. A.L. Remenson o postpenitentsiarnom retsidive i postpenitentsiarnoe pravo // Ugolovnaya yustitsiya. – 2020. – № 15.
2. Ivasenko Ya.S. Obshchee i professional'noe obrazovanie, professional'noe obuchenie kak sredstva ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Ryazan', 2014.
3. Iriskhanov S.A. Protivodejstvie prestupnosti chastno-pravovymi sredstvami: dis. ... kand. yurid. nauk. – Ryazan', 2015.
4. Kirillov M.A. Sotsial'naya obuslovленnost' norm ugolovno-ispolnitel'nogo prava i problemy ego sovershenstvovaniya : dis. ... dokt. yurid. nauk. – M., 2002.
5. Rybak M.S. Resotsializatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody: problemy teorii i praktiki: dis. ... dokt. yurid. nauk. – Saratov, 2001.
6. Savchenko S.M. Voprosy sovershenstvovaniya resotsializatsii sudimykh / S.M. Savchenko, E.A. Milushkin // Ugolovnoe nakazanie i problemy ego ispolneniya v usloviyakh perestrojki deyatel'nosti organov vnutrennikh del : sb-k nauch. trudov. – M., 1990.
7. Tarabrina S.E. Ispravitel'nye programmy dlya osuzhdennykh k lisheniyu svobody: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt : avtoref. dis. ... kand. pedag. nauk. – Ryazan', 2004.
8. Tyugaeva N.A. Obshchee i professional'noe obrazovanie osuzhdennykh v vospitatel'noj sisteme ispravitel'nykh uchrezhdenij : avtoref. dis. ... dokt. pedag. nauk. – M., 1998.
9. Utkin V.A. Ugolovno-ispolnitel'naya deyatel'nost' i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. – 2016. – № 2. – S. 39-43.
10. Filimonov O.V. Postkriminal'nyj kontrol': teoreticheskie osnovy pravovogo

regulirovaniya. – Tomsk, 1991. – 179 s.

11. *Yuzhanin V.E. Problemy pravogo regulirovaniya preemstvennosti raboty po podgotovke osuzhdennykh k osvobozhdeniyu i upravleniyu ikh sotsial'noj adaptatsii k usloviyam svobody // Mezhdunarodnyj penitentsiarnyj forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie»: (k 20-letiyu prinyatiya Konstitutsii Rossijskoj Federatsii): sb. tez. vystuplenij uchastnikov. – Ryazan': Akademiya FSIN Rossii, 2013.*

Сведения об авторе

Беляков Александр Юрьевич: Рязанский филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (г. Рязань, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук. E-mail: Aleksander1984rzn@yandex.ru.

Information about the author

Belyakov Alexander Yurievich: Ryazan branch of the Federal State State-Owned Educational Institution of Higher Education «Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot» (Ryazan, Russian Federation), Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology, Candidate of Law. E-mail: Aleksander1984rzn@yandex.ru.

УДК 343.988

Н. А. Гришко

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ УИС

В статье рассматриваются профессиональные виктимологические характеристики сотрудников УИС. Определяется комплексная проблема профессиональной виктимности сотрудников УИС как особой категории работников правоохранительной системы, подвергающихся повышенному риску насилия, психологического давления и криминального воздействия в связи с исполнением служебных обязанностей. Автор показывает, что, несмотря на снижение общей преступности в учреждениях УИС, факты посягательств на персонал остаются многочисленными, а уровень латентности таких случаев – чрезвычайно высоким.

На основе анализа статистических данных, научных исследований и авторского анкетирования 295 сотрудников УИС из различных регионов (Кемеровская, Томская, Кировская, Кировская, Смоленская, Рязанская области) выявлены основные детерминанты виктимности, включающие организационные, социально-культурные, персональные, поведенческие и институциональные факторы. Особое внимание уделено распределению виктимных случаев между различными подразделениями.

Представлена многоуровневая структура самовиктимного поведения, включающая когнитивный, эмоциональный, мотивационно-ценостный, поведенческий, социальный, рефлексивный и интегративный компоненты. Эти уровни проявляются в недооценке угроз, пассивности, чувствах вины, конформизме и профессиональной

зависимости от агрессора.

В статье предлагается типология профессиональной виктимности сотрудников УИС, включающая шесть основных типов: пассивно-конформный, зависимо-обвинительный, компенсаторно-агрессивный, самоотверженно-жертвенный, цинично-оборонительный и рефлексивно-трансформационный. Каждый из них характеризуется специфическими психологическими признаками, рисками и рекомендациями для психокоррекционной работы.

Проведённый анализ позволяет не только систематизировать факторы профессиональной виктимности сотрудников УИС, но и предложить практические меры для снижения их уязвимости и укрепления институциональной безопасности уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: профессиональная виктимность, жертвы, самовиктимность, факторы, профилактика.

N. A. Grishko

VICTIMOLOGICAL FEATURES OF PES EMPLOYEES

The article examines the professional victimological characteristics of the PES staff. The complex problem of professional victimization of PES employees is defined as a special category of law enforcement officers who are at increased risk of violence, psychological pressure and criminal impact in connection with the performance of official duties. The author shows that, despite the decrease in overall crime in correctional institutions, the facts of assaults on staff remain numerous, and the latency level of such cases is extremely high.

Based on the analysis of statistical data, scientific research and author's survey of 295 employees of the penal system from various regions (Kemerovo, Tomsk, Kirov, Smolensk, Ryazan regions) The main determinants of victimization have been identified, including organizational, socio-cultural, personal, behavioral, and institutional factors. Special attention is paid to the distribution of victim cases between different departments.

A multilevel structure of self-destructive behavior is presented, including cognitive, emotional, motivational-value, behavioral, social, reflexive and integrative components. These levels manifest themselves in underestimation of threats, passivity, feelings of guilt, conformity, and professional dependence on the aggressor.

The article proposes a typology of professional victimization of PES employees, which includes six main types: passive-conformal, dependent-accusatory, compensatory-aggressive, selfless-sacrificial, cynical-defensive and reflexive-transformational. Each of them is characterized by specific psychological signs, risks, and recommendations for psychocorrective work.

The analysis makes it possible not only to systematize the factors of professional victimization of prison staff, but also to propose practical measures to reduce their vulnerability and strengthen the institutional security of the penal system.

Keywords: professional victimization, victims, self-victimization, factors, prevention.

Несмотря на общий спад преступности в учреждениях УИС в последние годы, факты насилия в отношении персонала остаются многочисленными (исчисляются сотнями случаев ежегодно), притом

сохраняется высокий уровень их латентности [1]. В причинном комплексе пенитенциарной преступности выделяется особый виктимный компонент – свойства потенциальной жертвы (сотрудника), облегчающие

или провоцирующие посягательство.

Профессиональная виктимность сотрудников УИС – это их подверженность становиться жертвами противоправных посягательств и негативных воздействий в связи с исполнением служебных обязанностей. Исследователи выделяют невиновную (непроизвольную) виктимность, обусловленную специфическими условиями пенитенциарной службы, и виновную (произвольную) виктимность, связанную с неправомерным или неосторожным поведением самих сотрудников. При переносе на профессиональную сферу особую роль играет ролевой статус сотрудника: чем более публичной, конфликтной или «контактной» является профессиональная роль, тем выше вероятность становления виктимом.

Данная проблема крайне актуальна, поскольку условия службы в учреждениях УИС сопряжены с постоянным контактом с преступниками, многие из которых обладают высоким уровнем агрессии и криминальным опытом.

Согласно официальным данным ФСИН России, ежегодно фиксируются сотни случаев насилия в отношении персонала исправительных учреждений [1]. 52,4% пострадавших от преступных посягательств – это лица 30–39 лет, т.е. уже имеющие значительный стаж службы [2]. Предполагается, что именно в этом возрасте накопленная профессиональная деформация (утрата бдительности, снижение психологической гибкости и т.д.) приводит к росту виктимных качеств личности сотрудника, повышая его уязвимость [2].

Сотрудники моложе 30 лет составляют около 20% жертв (в частности, 25–29 лет – 20,6%); для них фактором риска является недостаток опыта и профессиональных навыков, что прямо влияет на уровень виктимности [2]. Таким образом, молодые сотрудники более подвержены опасности из-за профессиональной неготовности, а зрелые – из-за психологических изменений и «притупления» осторожности. При этом исследования показывают, что среди пострадавших преобладают сотрудники «некритичного» типа – не склонные к агрессивному поведению [2]. Иными словами, жертвами чаще становятся сотрудники, добросовестно выполняющие свои обязанности и не провоцирующие конфликты.

Виктимность распределяется неравномерно между различными службами и должностями УИС. Наиболее уязвимы те категории персонала, которые непосредственно контактируют с осуждёнными и обеспечивают режим. В таблице 1 приведено распределение случаев виктимизации персонала по основным подразделениям ИУ согласно обобщённым данным исследований [2]. Видно, что более 70% пострадавших – это сотрудники отделов безопасности (караульная служба, надзор) и оперативных отделов, то есть те, кто напрямую поддерживает режим и пресекает правонарушения. Значительно реже жертвами становятся сотрудники воспитательной службы (воспитатели, психологи) и тем более административно-хозяйственных, производственных подразделений.

**Распределение случаев виктимизации сотрудников ИУ
по служебным подразделениям**

Подразделение (служба)	Доля пострадавших сотрудников, %
Отдел безопасности (режимный)	42,26 %
Оперативный отдел	28,71 %
Воспитательная служба	14,19 %
Производственные службы	8,71 %
Прочие подразделения	6,13 %

Данные таблицы 1 свидетельствуют, что именно «линия фронта» – режимные и оперативные службы – несёт основную нагрузку виктимности. Это закономерно: работники караула, дежурные смены, оперуполномоченные чаще других вынуждены применять строгие меры к нарушителям порядка, противодействовать криминальной активности осуждённых, пресекать побеги, изымать запрещённые предметы и т.д., что ставит их в наиболее опасное положение. Воспитатели, психологи и другие специалисты, контактируя с осуждёнными в менее конфронтационных ситуациях, реже подвергаются прямому насилию, хотя тоже могут испытывать психологическое давление.

В дополнение к уже имеющимся исследованиям автором было проведено анкетирование 295 сотрудников уголовно-исполнительной системы, проходящих службу на территориях ряда регионов (Кемеровская, Томская, Кировская, Смоленская, Рязанская области). В качестве указанных экспертов выступили начальники отрядов, оперативные сотрудники, сотрудники отделов безопасности, психологи, сотрудники отделов кадров.

Респонденты назвали следующие категории сотрудников, наиболее подверженных воздействию со стороны организованных преступных формирований: оперативные сотрудники (26,9%); руководство исправительных учреждений (21,8%); начальники отрядов (20,5%); сотрудники отделов безопасности (17,9%); контролеры и другие сотрудники младшего начсостава (12,9%). Представляется, что приведенные результаты опроса должны быть взяты на вооружение сотрудниками отделов собственной безопасности, отделов кадров. Опрос показал, что наибольшее влияние со стороны организованных преступных формирований на сотрудников уголовно-исполнительной системы оказывается со стороны так называемого «воровского дви-

жения» – на это указали 2,1% экспертов.

По мнению респондентов, ключевыми детерминантами выделяются: низкая заработная плата (38,3%); низкий уровень социальной защищенности (21,7%), не-пристижность службы в уголовно-исполнительной системе (19,1%); отсутствие должного контроля за поведением сотрудников (15,7%); отсутствие у сотрудников должных нравственных ценностей и другие (5,2%). Приведенные данные позволяют не только на более системной основе вырабатывать меры по предупреждению организованной преступности с вовлечением в нее сотрудников уголовной-исполнительной системы, но и определить приоритеты в системе кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы.

Профессиональную виктимность сотрудника уголовно-исполнительной системы можно структурировать следующим образом:

- личностный компонент, содержащий индивидуальные психологические качества человека;
- антропологический, обусловленный наличием физиологических особенностей, делающих жертву уязвимой перед преступником;
- социально-ролевой компонент, отражающий положение сотрудника в социуме;
- атрибутивный, вызванный наличием у жертвы предметов, заманчивых для преступника (оружия, ключей и т. п.).

С точки зрения факторного подхода важно определить группу показателей и их ключевых переменных, определяющих влияние на профессиональную виктимность сотрудников ФСИН. Среди них:

1. Организационно-регламентные: тип учреждения (ИК, СИЗО, ЛИУ), плотность населения, режим безопасности, материально-техническое обеспечение, контроль и надзор. В учреждениях строгого режима и в переполненных колониях риск

выше.

2. Социально-культурные: криминальная субкультура осуждённых, наличие «авторитетов», неформальных лидеров, контакты внутри коллектива заключённых. Давление со стороны криминальных структур усиливает риск профессиональной виктимности сотрудников.

3. Персональные: возраст, стаж, образование, психологическая устойчивость, стрессоустойчивость, коммуникативные навыки, юридическая грамотность. Эти характеристики определяют, как сотрудник реагирует в кризисной ситуации.

4. Поведенческие: стиль взаимодействия с заключёнными (авторитарный/деловой), склонность к конфронтации, активность в пресечении нарушений, применение силы, документирование инцидентов. Более агрессивные или импульсивные сотрудники могут провоцировать агрессию.

5. Институциональные: политика руководства, мотивационные механизмы, внутренний контроль, дисциплинарная практика, психологическая поддержка, учет инцидентов, открытость статистики. Отсутствие системной защиты и поддержки усиливает виктимность.

Интегральное личностное свойство, проявляющееся в готовности, склонности или внутреннем допущении быть жертвой негативных обстоятельств сегодня важно определять как самовиктимность. Она имеет сложную психолого-поведенческую структуру, включающую несколько уровней: когнитивный, эмоциональный, мотивационно-ценостный, поведенческий, социальный и рефлексивный.

1. Когнитивный (интеллектуально-оценочный уровень) Отражает особенности восприятия и интерпретации опасных или стрессовых ситуаций.

Человек с выраженной самовиктимностью искажённо оценивает риск, неадекватно интерпретирует поведение других и

свои собственные возможности. В качестве признаков отмечаются: недооценка угроз и чрезмерный оптимизм («со мной ничего не случится»); искажение причинно-следственных связей («я виноват, что меня оскорбили»); иррациональные убеждения («лучше промолчать, чтобы не было хуже»); внутреннее оправдание агрессора или ситуации насилия. Проявление для сотрудников УИС: сотрудник не воспринимает угрозу от осуждённого как реальную, не сообщает о провокации, считая это «рабочей нормой».

2. Эмоциональный уровень связан с устойчивыми чувствами, предрасполагающими к виктимным сценариям. Эмоциональное состояние закрепляет привычную роль жертвы – человек испытывает внутреннее удовлетворение от страдания как подтверждения своей «правоты» или «жертвенности». В качестве признаков отмечаются: чувство вины, стыда, беспомощности; страх наказания, неодобрения, конфликта; заниженное чувство самоуважения; потребность в страдании (мученическая позиция). Проявление для сотрудников УИС: сотрудник, подвергшийся оскорблению или давлению, может «смириться» с этим, испытывая страх или вину за ситуацию, не пытается защитить себя.

3. Мотивационно-ценостный уровень формирует внутреннюю готовность к жертвенному поведению. Это уровень, на котором человек сознательно допускает возможность страдания ради иллюзорного «мира», «справедливости» или «служебного долга». Среди признаков: установка «лучше промолчать, чем усугубить»; стремление заслужить одобрение ценой самопожертвования; готовность принять несправедливость ради поддержания статуса-кво; выбор страдания как «нравственно правильного» пути. Для сотрудников УИС проявляется в принятии грубости начальства, унижения от заключённых или бездействия коллег как неизбежной части

службы.

4. Поведенческий уровень характеризует реальные действия и паттерны поведения, способствующие виктимизации. Признаки: нарушение правил безопасности и субординации; доверчивость к осуждённым, раскрытие личной информации; отказ от обращения за помощью; избегание конфронтации даже при угрозе насилия; пассивность, зависимость от чужих решений. Сотрудник УИС, подвергшийся провокации, не докладывает руководству, надеясь «само рассосётся», тем самым создавая условия для повторного конфликта.

5. Социальный уровень отражает влияние социальных норм и ролевых ожиданий. Сотрудник принимает виктимное поведение как социально приемлемое, если это поддерживается корпоративной культурой. Признаками выступают: коллективная толерантность к унижению («все через это проходили»); замалчивание жалоб; давление со стороны группы («не выноси сор из избы»); стигматизация обращения за психологической помощью. Самовиктимность становится для сотрудника УИС элементом профессиональной субкультуры – формируется норма терпимости к боли и угрозам.

6. Рефлексивный уровень определяет способность осознавать собственную виктимную позицию и готовность к её изменению. Признаки: отрицание своей виктимности («я не жертва»); перенос ответственности на обстоятельства («так устроена служба»); привычка к страданию как норме. Чем ниже уровень рефлексии, тем устойчивее самовиктимное поведение. Высокая рефлексия, напротив, является фактором профилактики — человек способен замечать повторяющиеся сценарии и изменять поведение.

7. Интегративный уровень, при котором внутренне усвоенная роль жертвы: формируется устойчивая модель личности, склонной к самоподавлению, подчинению и пассивности. Признаки: хроническое

чувство вины и беспомощности; отказ от борьбы за свои права; психологическая зависимость от агрессора; самообвинение и снижение самоценности; внутренняя установка на «недостойность защиты». Для сотрудника ФСИН проявляется в психическом состоянии, при котором виктимное (жертвенное) поведение становится устойчивой частью профессиональной идентичности сотрудника.

В отличие от бытовой или ситуативной виктимности, самовиктимность носит устойчивый, регламентированный характер, формирующийся под воздействием профессиональной среды, организационных норм и стиля управления.

Основные факторы профессиональной виктимности можно разделить на три группы:

1) Объективные факторы:

- высокий уровень опасности службы;
- контакт с криминальной средой;
- возможность физического насилия, угроз, шантажа;
- недостаточная кадровая обеспеченность.

2) Субъективные факторы:

- личностная тревожность и эмоциональная лабильность;
- низкая стрессоустойчивость;
- склонность к авторитарному или, напротив, излишне уступчивому поведению;
- профессиональная деформация (цинизм, безразличие, агрессивность).

3) Организационно-управленческие факторы:

- несовершенство психологического сопровождения сотрудников;
- формализация профилактической работы;
- культура замалчивания проблем внутри коллектива.

Типологию профессиональной виктимности сотрудников УИС можно рассма-

трявить на примерах 6 типов:

1. Пассивно-конформный.

Основные психологические и поведенческие признаки: подчиненность, покорность, избегание ответственности; страх конфликта; установка «лучше промолчать»; внешняя зависимость от мнения начальства.

Риски и последствия: манипуляции со стороны коллег и осужденных; потеря инициативы; эмоциональное выгорание.

Возможные направления коррекции: формирование внутреннего локуса контроля; тренинг уверенного поведения; развитие навыков самоутверждения

2. Зависимо-обвинительный.

Основные психологические и поведенческие признаки: склонность к жалобам, ропоту, обвинению внешних сил; чувство беспомощности; поиск сочувствия.

Риски и последствия: потеря авторитета; хронический стресс; снижение эффективности деятельности.

Возможные направления коррекции: психокоррекция ответственности; развитие навыков решения проблем; укрепление самоуважения.

3. Компенсаторно-агрессивный.

Основные психологические и поведенческие признаки: агрессивность; жесткость; ригидность как форма защиты; скрытая неуверенность; потребность в контроле.

Риски и последствия: конфликты в коллективе; злоупотребление властью; риск дисциплинарных проступков.

Возможные направления коррекции: развитие эмоционального интеллекта; обучение управлению гневом; работа с самооценкой.

4. Самоотверженно-жертвенный.

Основные психологические и поведенческие признаки: гиперответственность; трудоголизм; игнорирование личных потребностей; идеализация долга.

Риски и последствия: психосомати-

ческие заболевания; истощение; эксплуатация со стороны системы.

Возможные направления коррекции: обучение стресс-менеджменту; развитие навыков самоподдержки и личностных границ.

5. Цинично-оборонительный.

Основные психологические и поведенческие признаки: эмоциональное оценение; равнодушие; ирония; девальвация ценностей службы; отрицание эмпатии.

Риски и последствия: потеря смысла деятельности; дегуманизация; риск нарушений служебной этики.

Возможные направления коррекции: возвращение профессионального смысла; групповая супервизия; восстановление эмоциональной чувствительности.

6. Рефлексивно-трансформационный (условно конструктивный).

Основные психологические и поведенческие признаки: осознание собственных уязвимостей; способность к саморефлексии; стремление к развитию.

Риски и последствия: эмоциональное перенапряжение при недостатке поддержки.

Возможные направления коррекции: психологическое сопровождение; развитие профессиональной зрелости и устойчивости.

Представленная типология демонстрирует, что профессиональная виктимность сотрудников УИС не является однородным явлением, а включает разные типы личностного реагирования, требующие индивидуального подхода в психопрофилактике и коррекционной работе.

Анализ представленной проблемы позволяет выделить ряд устойчивых тенденций и проблемных аспектов профессиональной виктимности работников УИС:

1. Сохранение высокой угрозы жизни и здоровью сотрудников. Несмотря на некоторое снижение общего числа осужденных в последние годы, риск на-

сильственных посягательств на персонал остаётся стабильно высоким. Ежегодно регистрируются десятки тяжких преступлений против сотрудников УИС и множество эпизодов угроз и насилия, многие из которых не получают огласки [1].

В 2023–2024 гг. не зафиксировано качественного улучшения ситуации: сообщается о продолжении случаев нападений (в т.ч. групповых) на сотрудников колоний, особенно при подавлении беспорядков или проведении режимных мероприятий. Правозащитники и представители СПЧ указывают, что пенитенциарная система остаётся одной из самых травмоопасных сфер правоохранительной деятельности.

2. Рост внимания к психологической составляющей виктимности. Руководство ФСИН России и общественные организации в последние годы открыто говорят о проблеме эмоционального выгорания кадров УИС. «Моральный износ» персонала признан фактором, косвенно влияющим на безопасность: уставший, выгоревший сотрудник менее внимателен, хуже реагирует на угрозы, чаще совершает ошибки. В 2023 г. ответственные лица (например, члены Общественной наблюдательной комиссии) предложили приравнять сотрудников УИС по льготам и соцгарантиям к сотрудникам полиции, обосновывая это чрезвычайным напряжением и опасностью их службы¹. Таким образом, социальный статус и обеспечение работников УИС признаны недостаточными для условий, в которых они служат. Во ФСИН России предпринимаются усилия по усилению психологической службы, мониторингу состояния сотрудников, внедряются программы психопрофилактики. Однако проблема выгорания пока далека от решения, учитывая сохраняющиеся перегрузки и кадровый дефицит.

3. Криминальная субкультура и кон-

фликтность среды. Существенным фактором, поддерживающим виктимность сотрудников, остаётся противостояние с криминальной субкультурой заключённых. Во многих колониях продолжают действовать неформальные иерархии осуждённых («воровские понятия»), лидеры преступной среды стремятся оказывать давление на администрацию [2].

4. Недостатки подготовки и обеспечения кадров. Современные исследования и ведомственный анализ выявляют слабые места в системе подготовки сотрудников УИС. Молодые сотрудники порой недостаточно обучены методам деэскалации конфликтов, правомерному применению силы, психологической саморегуляции. Кроме того, материально-техническое обеспечение безопасности в ряде учреждений оставляет желать лучшего: не хватает современных средств связи, видеонаблюдения, индивидуальной защиты для сотрудников. Сказывается нехватка опытных кадров – молодые сотрудники быстрее выгорают и увольняются, на смену им приходят ещё менее опытные. Эта кадровая турбулентность поддерживает круговой процесс: недостаток опыта → рост виктимности → отток кадров → недостаток опыта в подразделениях.

5. Латентность и проблемы учёта. Значительная часть случаев виктимизации сотрудников остаётся неучтённой официально. Многие эпизоды угроз и психологического давления не попадают в отчёты, так как не оформляются как преступления. Реальный уровень виктимности персонала УИС выше официально отражённого. Такой разрыв – сам по себе проблема, требующая решения через повышение транспарентности и объективности ведомственной статистики.

Решение проблемы виктимизации сотрудников УИС требует системного,

¹ В ОНК предложили приравнять сотрудников ФСИН к полицейским: [новостной материал]. // РИА Новости: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://ria.ru/20230516/fsin-1872096649.html> (дата обращения: 10.10.2025).

многоуровневого подхода. Опираясь на выявленные тенденции и научные рекомендации, можно сформулировать следующие меры профилактики:

1. Совершенствование нормативно-правовой защиты персонала. Необходимо усилить правовые гарантии сотрудников УИС при выполнении ими обязанностей. В частности, предлагается повысить ответственность за преступления против сотрудников исправительных учреждений (ужесточить наказание за нападения, угрозы и т.д. в Уголовном кодексе) и обеспечить неотвратимость наказания. Одновременно следует чётко регламентировать порядок применения силы сотрудниками: закон должен защищать работника, действующего законно при пресечении противоправных действий осуждённого. Целесообразно рассмотреть инициативы по приравниванию статуса сотрудников УИС к статусу сотрудников полиции по уровню социальных гарантий, страхования жизни и здоровья². Это не только повысит престиж службы, но и позволит работникам чувствовать большую защищённость и поддержку государства.

2. Повышение уровня профессиональной подготовки. Профилактика виктимности немыслима без всестороннего обучения персонала. Необходимо улучшать программы подготовки и повышения квалификации сотрудников УИС, делая упор на:

- тактику безопасного поведения при общении с осуждёнными (дезактивация конфликтов, распознавание признаков агрессии, реагирование на угрозы);

- юридическую грамотность – знание своих прав и полномочий, умение документировать противоправные действия заключённых, что поможет сотрудникам уверенно действовать в рамках закона;

- психологическую устойчивость – тренинги стресс-менеджмента, развитие

коммуникативных навыков, обучение способам снижения эмоционального напряжения.

В образовательных учреждениях ФСИН России рекомендуется ввести специальные курсы по профилактике виктимного поведения. Кураторы и наставники молодых сотрудников должны уделять внимание привитию навыков самозащиты без превышения полномочий. Практический опыт показывает, что чем выше профессиональная компетентность сотрудника, тем ниже его личная виктимность [2].

3. Улучшение условий службы и мотивации персонала. Снижение виктимности невозможно без укрепления кадрового потенциала. Требуется комплекс мер по профилактике эмоционального выгорания: нормирование рабочего времени и нагрузки, обеспечение полноценных отпусков, психологическая разгрузка (ротация из сложных участков, обязательные консультации с психологом для групп риска). В учреждениях целесообразно создавать службы психологической поддержки персонала, куда сотрудники могли бы анонимно обращаться при признаках стресса или после травмирующих инцидентов. Важнейшее значение имеет повышение материальной мотивации: конкурентоспособное денежное довольствие, расширение льгот (например, за выслугу лет, за службу в особых условиях) снижает текучесть кадров и уменьшает соблазн коррупционных связей [2]. Как показывают данные, низкий социальный статус и оплата труда провоцируют отдельных сотрудников на незаконные контакты с осуждёнными, повышая их виктимность [2]. Поэтому инвестиции в кадры – не только социальная мера, но и фактор безопасности.

4. Укрепление дисциплины и профилактика правонарушений среди сотрудников. Каждый сотрудник должен чётко осознавать, что собственное противоправ-

² См. Там же.

ное поведение повышает его уязвимость. Необходимо усилить внутриведомственный контроль за соблюдением законности: своевременно выявлять факты коррупции, злоупотреблений, жестокого обращения с осуждёнными и жёстко их пресекать. Рекомендуется развивать в коллективах атмосферу нетерпимости к нарушениям – например, поощрять сотрудников, сообщающих о готовящихся противоправных действиях коллег (эффективные программы защиты информаторов). Комиссии по служебной этике и безопасности могли бы анализировать причины дисциплинарных проступков с позиций виктимологии, разрабатывая меры предотвращения рецидивов. Таким путём будет снижаться уровень криминогенности внутри персонала, а вместе с тем – и уровень их виктимизации [2]. Особое внимание следует уделять моло-

дым сотрудникам: как видно из статистики, они чаще становятся объектами влияния преступной среды [2]. Наставничество, регулярные проверки, ротация между подразделениями помогут уберечь новичков от попадания в зависимость от осуждённых.

5. Повышение прозрачности и учёт всех инцидентов. Для правильной профилактики важно знать реальный масштаб проблемы. ФСИН России следует совершенствовать систему регистрации и анализа случаев посягательств на сотрудников. Каждый факт угрозы или нападения, даже если обошлось без серьёзных последствий, должен фиксироваться, расследоваться и приводить к организационным выводам. Рекомендуется наладить обмен информацией с правозащитными структурами (ОНК, СПЧ) – это поможет выявлять латентные проблемы.

Литература

1. Гришко Н.А. Пенитенциарная преступность: виктимологический аспект // Человек: преступление и наказание. – 2024. – Т. 32. – № 2. – С. 240–246.
2. Шитяков И.Н. Обеспечение виктимологической безопасности сотрудников уголовно-исполнительной системы от криминальных посягательств осужденных: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. – Акад. права и упр. Федер. службы исполнения наказаний. – Рязань, 2011. – 24 с.

References

1. Grishko N.A. Penitentsiarnaya prestupnost': viktimologicheskij aspekt // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2024. – T. 32. – № 2. – S. 240–246.
2. Shityakov I.N. Obespechenie viktimologicheskoy bezopasnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy ot kriminal'nykh posyagatel'stv osuzhdennykh: avtoref. dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk. – Akad. prava i upr. Feder. sluzhby ispolneniya nakazanij. – Ryazan', 2011. – 24 s.

Сведения об авторе

Гришко Наталья Александровна: Российский университет транспорта (г. Москва, Российская Федерация), доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и правоохранительной деятельности, кандидат юридических наук. E-mail: grish.nat88@yandex.ru.

Information about the author

Grishko Natalia Alexandrovna: Russian University of Transport (Moscow, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement, PhD in Law. E-mail: grish.nat88@yandex.ru.

Ф. В. Грушин, И. Е. Теренков, О. Г. Демидов

ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ
НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ
КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕГО ПРИНЦИПА
УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматривается правовая природа принципа неприкосновенности личности, как естественного права человека в уголовном процессе, которая требует системно-комплексного изучения, исходя из сложного и многоступенчатого характера его возникновения и развития.

Актуальность темы исследования состоит в том, что проблема обеспечения и защиты прав и свобод человека представляет одну из основных проблем правовой теории и практики. В первую очередь это связано с тем, что в данном вопросе существенно проявляются различия между теоретическими взглядами, действующим уголовно-процессуальным законодательством и правоприменительной практикой.

Методологическая основа настоящего исследования представлена различными методами научного познания: сравнительно-правовым, системно-структурным, логико-юридический, а так же анализа и синтеза.

Автором предложено дополнить действующее уголовно-процессуальное законодательство новой статьей с перечнем мотивов задержания лица в качестве подозреваемого, которые в свою очередь лягут в основу законного и обоснованного решения, связанного с ограничением конституционного права гражданина, а так же смогут помочь при разрешении проблемных моментов, возникающих при реализации принципа неприкосновенности личности на стадии уголовного процесса.

Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования и внесения изменений и дополнений в действующие нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы, связанные с соблюдением и реализацией каждого уголовно-процессуального принципа в отдельности и системы принципов в целом, что будет являться гарантией реализации демократических основ, заложенных в верховном законе нашего государства.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, принципы, неприкосновенность личности, мотивы задержания лица.

F. V. Grushin, I. E. Terenkov, O. G. Demidov

PROBLEMS OF OBSERVING PERSONAL INVINCIBILITY
AS A FUNDAMENTAL PRINCIPLE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

This article examines the legal nature of the principle of personal inviolability as a natural human right in criminal proceedings, which requires a systemic and comprehensive study, given the complex and multi-stage nature of its origin and development.

The relevance of this research topic lies in the fact that the problem of ensuring and protecting human rights and freedoms represents a fundamental challenge in legal theory and practice. This is primarily due to the significant differences between theoretical views, current

© Грушин Ф.В., Теренков И.Е., Демидов О.Г., 2025

© Grushin F.V., Terenkov I.E., Demidov O.G., 2025

criminal procedure legislation, and law enforcement practice in this area.

The methodological basis of this study is represented by various methods of scientific inquiry: comparative legal, systemic-structural, logical-legal, as well as analysis and synthesis. The author proposes supplementing the current criminal procedure legislation with a new article listing the grounds for detaining a person as a suspect. This, in turn, would form the basis for a lawful and justified decision regarding the restriction of a citizen's constitutional rights and could also help resolve issues that arise in implementing the principle of personal inviolability during criminal proceedings.

A conclusion has been made regarding the need for further improvement, amendments, and additions to the current regulatory legal acts governing issues related to the observance and implementation of each individual criminal procedural principle and the system of principles as a whole, which will serve as a guarantee for the implementation of the democratic foundations laid down in the supreme law of our state.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, principles, personal inviolability, reasons for detention of a person.

Реальную защиту естественных прав личности в процессе осуществления участниками уголовного судопроизводства своей профессиональной деятельности, можно осуществить только в правовой системе, признающей принцип личной неприкосновенности как основную идею и устанавливающий механизм его правомерной реализации.

Уголовно-процессуальный принцип неприкосновенность личности – это, в первую очередь, особая правовая гарантия, которая заключается в защите личности от произвольного лишения свободы. Согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации – «каждому гарантируется право на свободу и личную неприкосновенность». Недопустимо любое незаконное ограничение личности. Рассматриваемый принцип ставит своей первостепенной целью – защиту личности от произвольного лишения свободы, сохранение физической, психической и нравственной неприкосновенности.

Уголовно-процессуальное право содержит санкции, обеспечивающие соблюдение правовых предписаний по неприкосновенности личности и соблюдению ее прав и свобод. Система принципов уголовно-процессуального права, как основополагающая категория, выражающая основные общие требования, определяющая построение всех стадий уголовно-процессуаль-

ного права, защищающая права человека и гражданина в процессе осуществления уголовного судопроизводства. Принципы определяют содержание, сущность, а также назначение уголовного процесса в целом и имеют реальное значение. Принципы, образуя сложноподчиненную систему, взаимодействуют и тесно связаны между собой.

Исходя из этого, классификация принципов по различным основаниям, по степени значимости, деятельности, не целесообразна, так как принципы равны между собой при реализации назначения уголовного судопроизводства. Принцип неприкосновенности личности, находясь в системе уголовно-процессуального права, соотносится со всеми имеющимися принципами в тесном взаимодействии и действует согласно назначению уголовного судопроизводства.

Как научно-обобщенная идея, принцип неприкосновенности личности, закреплен в качестве законодательной основы, в ч. 1 ст. 10 УПК РФ. Иллюстрируя мнение законодателя, указанный принцип содержит группу правовых категорий, касающиеся задержания лица, помещения в медицинский стационар, порядок содержания лица под стражей.

Задержание лица по подозрению в совершении преступления возможно

только при наличии законных оснований. В англо-американской понятийной терминологии «задержание» – *policedetention* [1, с. 50-54] – кратковременное или долговременное ограничение физической свободы человека, возникающее при наличии условии, когда субъект, имеющий «полномочия» (правоохранительные органы) не просто владеют информацией о возможном факте совершения противоправного действия, но собственоручно сталкиваются лицом к лицу с субъектом его совершившим (фактическим подозреваемый). Беря во внимание все международно-правовые императивы, любое вмешательство в личную свободу человека возможно только при наличии судебного решения, но фактически, получение судебного решения возможно далеко не всегда.

Полиция соприкасается с физическим пресечением преступления, с немедленным реагированием на месте, что, прежде всего, зависит от характера преступного действия и мерой ограниченного количества времени.

Процессуальная природа задержания образует уверенность властных структур в том, что действие лица:

1) запрещено уголовным законом;

2) влечет наказание в виде лишения свободы, иначе вмешательство в личную свободу человека будет незаконным и должно быть немедленно прекращено.

Согласно ч. 2 ст. 22 Конституции РФ лишение человека свободы на срок более 48 часов возможно только по судебному решению, что составляет общий срок задержания. Следует принять во внимание, что 48-часовой срок задержания исчисляется с момента фактического задержания лица до принятия судебного решения. Но при этом, суд принимает решение о заключении задержанного под стражу в срок не менее восьми часов, с момента поступления материалов уголовного дела. Из этого следует, что фактически орган дознания и следователь располагают лишь 40-часами для завершения досудебной части задержания

лица. Поэтому суд имеет право продлить срок задержания до 72 часов при решении вопроса о заключении лица под стражу.

К тому же, помещение лица в медицинский стационар возможно только на основании судебного решения. Согласно Закону «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», принудительное лечение в медицинском учреждение (стационаре) может производиться в отношении лица, страдающего психическим расстройством при применении мер медицинского характера. При этом закон обращает внимание на то, что наличие психического расстройства у лица обуславливается тяжелым состоянием личности:

1) беспомощность – неспособность лица удовлетворять жизненные потребности;

2) опасность для окружающих;

3) опасность для самого себя.

Диагностировать данные состояния личности имеет право только врач-психиатр, что указывается в анамнезе больного.

Заключительная часть принципа неприкосновенности личности регламентирует порядок содержания лица под стражей. Федеральный закон от 15 июля 1995 года «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» устанавливает правила, посредством которых недопустимо посягательство на физическую, психическую, нравственную неприкосновенность личности, а так же гуманное обращение. Условия содержания лица под стражей должны быть нормированы и не создавать угрозу жизни и здоровья лица, находящегося под стражей.

Кроме этого, анализируемый нормативный правовой акт содержит ответственность администрации органов или учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест задержанных или заключенных под стражу, за соблюдением данных

норм (соблюдение санитарных норм, сохранением законности и правопорядка). Санитарные правила должны соответствовать норме исходя из того, чтобы каждый заключенный мог удовлетворить свои естественные потребности (сон, пища, питьевая вода).

Задержанное лицо не должно подвергаться пыткам или жестокому обращению, так же ему предоставляется медицинское обследование и лечение на бесплатной основе всякий раз, когда это необходимо. Исходя из пола, возраста и характера совершенного деяния, выделяют различные категории учреждений.

Законность содержания лиц под стражей, а так же условия их содержания, является предметом прокурорского надзора. О чем закреплено пп. 1 и 3 ст. 33 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Прокуроры и их заместители следят за исполнением законов администрацией органов или учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест задержанных или заключенных под стражу. Прокуроры и их заместители вправе и обязаны освободить постановлением лиц, чьи права были нарушены.

Полагаем, что рассматриваемый принцип уголовного судопроизводства, затрагивает не только права подозреваемого или обвиняемого во время задержания или избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Речь о проведении освидетельствования или личного обыска, где, зачастую, допускаются ограничения прав участников уголовного судопроизводства. Отметим, что во время проведения данных следственных действий подозреваемый или обвиняемый имеют право на физическую, психическую, нравственную неприкосновенность, в том числе и личную безопасность.

Реальную защиту интересов личности в уголовном процессе можно осуществить только в правовой системе,

признающей принцип личной неприкосновенности. Понятие «законность» употреблено в противовес обычного значения данной правовой категории. Законность, по мнению советских ученых, это огромный пласт правовых установок и принципов, подлежащих неукоснительному исполнению и применению всеми субъектами права.

Анализ юридической литературы позволяет утверждать, что большинство ученых разделяют мнение о том, что личная неприкосновенность состоит из [2, с. 15-18] :

1) физической неприкосновенности (запрет на пытки, истязания, защита половой неприкосновенности);
2) нравственной неприкосновенности (честь – осознание человеком своего значения в обществе, достоинство – уважение к самому себе, воля – способность принимать решения);

3) психической неприкосновенности (стабильное течение психических процессов);

4) личной безопасности (свободно распоряжаться своим временем, пространством; запрет на контроль, наблюдение, ограничение).

Физическая (телесная) неприкосновенность личности представляет собой комплекс запретов, основанных на Конституции РФ, и охраняющих «телесную» неприкосновенность человека, в том числе в процессе осуществления уголовного судопроизводства. Любое применение насилия недопустимо, это защищается Конституцией РФ и иными нормативно-правовыми актами.

Сотрудники полиции, согласно ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3 «О полиции», имеют право лично, либо в составе группы применять к гражданам физическую силу в соответствии с комплексом оснований, прописанных в данной статье. Основания применения физической силы (боевые приемы борьбы) содержат в себе запрет на совер-

шения преступлений и административных правонарушений, а так же запрет на противодействия законным требованиям сотрудника полиции.

Важно отметить, что основания применения физической силы начинают действовать только в том случае, когда не-силовыми способами (разъяснение лицу важности повиновения, уговор, просьба) не позволяют полиции выполнить социальный заказ общества. Согласно нормам уголовного законодательства, применение насилия сотрудниками полиции без законных на то оснований является преступлением и квалифицируется по ч. 3 ст. 286 УК РФ – совершение действий явно выходящих за пределы полномочий лица, нарушающих права и свободы граждан, в том числе с применением насилия.

Достоинство личности охраняется государством, и ничто не может послужить основанием умаления человеческого достоинства. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, жестокому и унижающему человеческое достоинство обращению.

Часть 3 ст. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 года № 3 «О полиции» содержит в себе запрет на производство сотрудником полиции пыток, насилия или иного жестокого обращения. Кроме этого, сотрудник полиции обязан пресекать действия, которыми гражданину умышленно причиняется вред (физическое или нравственное страдание).

Согласно ч. 1 ст. 10 УПК РФ законодателем закреплено, что никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. В свою очередь, до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Таким образом, задержание, произведенное с различными нарушениями (задержание неуполномоченным лицом, нарушение сроков и т.д.), является незаконным и нарушает принцип неприкосновенности

личности.

В ст. 85 УПК РФ указывается, что процесс доказывания состоит в сборе, проверке и оценке собранных по делу доказательств. При этом, каждое доказательство подлежит оценке согласно относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ст. 88 УПК РФ). В своей деятельности следователи должны четко соблюдать требования закона. Итак, процессуальная деятельность следователя строго регламентирована законом. Нарушение установленных требований неминуемо влечет к признанию данной деятельности незаконной. Однако, встречаются требования уголовно-процессуального закона, которые в нормах УПК РФ некорректно изложены или недостаточно обоснованы, что создает разную правоприменительную практику и порождает дискуссионность того или иного законодательного требования.

К примеру, в ч. 2 ст. 92 УПК РФ законодателем указаны требования по составлению протокола задержания, а точнее информации, которая обязательно должна быть там отражена следователем (дознавателем). Речь о мотивах задержания, которые не нашли своего законодательного закрепления ни в ст. 5 УПК РФ, ни в главе 12 УПК РФ.

Отметим, что мотивы задержания представляют собой факты объективной действительности, подкрепляющие закрепленные в ст. 91 УПК РФ основания задержания. Мотив задержания лица можно сформулировать из материалов уголовного дела, он создает у органов предварительного расследования реальное опасение, что подозреваемое лицо, может уклониться от следствия (дознания) или каким-либо образом помешать установлению истины по уголовному делу. В результате возникает стремление следователя (дознавателя) пресечь совершение возможных противоправных действий. Это и есть мотив задержания лица, то есть объективная причина, которая обуславливает применение меры процессуального принуждения.

В свою очередь, как уже было отмечено, в нормах уголовно-процессуального закона отсутствуют требования к единообразному пониманию мотивов задержания, что, в свою очередь, создает коллизию в уголовно-процессуальном праве и вызывает дискуссионность в рассматриваемом вопросе.

Решение обозначенной проблемы правоприменительной практики видится в дополнении норм уголовно-процессуального права новой нормой – 91.1 «Мотивы задержания подозреваемого», которую необходимо изложить в следующей редакции:

«Орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии следующих мотивов:

- 1) пресечение преступного деяния лица;
- 2) лишение возможности лица скрыться от органов предварительного следствия, дознания и суда;
- 3) лишение возможности лица уничтожить доказательства;
- 4) лишение возможности лица иными способами воспрепятствовать установлению обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию по уголовному делу.»

Законодательное закрепление мотивов задержания существенно облегчит правоприменительную практику в вопросах понимания и соблюдения требований ч. 2 ст. 92 УПК РФ.

Обратим внимание, что указание в протоколе задержания подозреваемого мотивов задержания есть неотъемлемый элемент законности и обоснованности принимаемого решения по уголовному делу.

Тем самым мотивами задержания лица будут выступать сведения, указывающие на то, что подозреваемый: имеет возможность скрыться от органов предварительного расследования и суда, будет

угрожать свидетелям или иным участникам, уничтожит доказательства, или иными способами будет препятствовать производству по уголовному делу.

Таким образом, можно утверждать, что мотивы задержания подозреваемого – это обоснованные сомнения, уполномоченного лица, о том, что подозреваемый может совершить иное преступление или препятствовать раскрытию уже совершенного.

Обозначим следующее направление развития рассматриваемого принципа. Составляя обвинительное заключение, большинство следователей ограничиваются лишь перечислением списка имеющихся в материалах дела доказательств, пренебрегая составлением логических выводов и обоснований, связывающих совершенное деяние с конкретным человеком.

К сожалению, включение в обвинительное заключение лишь перечня доказательств, личная характеристика субъекта и квалификации недостаточно, так как это нарушает ч. 4 ст. 7 УПК РФ, то есть принцип законности, который говорит о том, что любые решения следователя (прокурора) должны быть обоснованы и мотивированы.

В заключении нашего исследования необходимо отметить тот факт, что изменения, вносимые в уголовно-процессуальный закон за последние несколько лет, позволяют констатировать, что система принципов уголовного судопроизводства (в данном случае принцип неприкосновенности личности) распространяется на все стадии уголовного процесса с учетом их специфики.

Проанализировав нормы отечественного уголовно-процессуального законодательства, мнение ученых процессуалистов, в частности, можно с уверенностью утверждать, что принцип неприкосновенности личности не позволяет следователю и другим уполномоченным должностным лицам лишить свободы участников уголовного процесса без законных на то оснований, а также иными способами ограничивать их личные права, в том числе и право на физическую неприкосновенность.

Литература

1. Генадьев А.Д. Личность в уголовном процессе // Научная мысль: перспективы развития. – 2023. – С. 50–54.

2. Славко А.А. Личность в уголовном процессе // Право и закон. – 2021. – № 3. – С.15–18.

References

1. Genad'ev A.D. Lichnost' v ugolovnom protsesse // Nauchnaya mysl': perspektivy razvitiya. – 2023. – S. 50–54.

2. Slavko A.A. Lichnost' v ugolovnom protsesse // Pravo i zakon. – 2021. – № 3. – S.15–18.

Сведения об авторах

Грушин Федор Владимирович: ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва, Российская Федерация), главный научный сотрудник НИЦ-1; Академия ФСИН России (г. Рязань, Российская Федерация), профессор кафедры уголовно-исполнительного права, доктор юридических наук, доцент. E-mail: fedor062@yandex.ru.

Теренков Игорь Евгеньевич: Московский областной филиал Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя» (г. Руза, Российская Федерация), доцент кафедры криминалистики, преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук. E-mail: terenkov72@bk.ru.

Демидов Олег Геннадьевич: Псковский филиал Университета ФСИН России (г. Псков, Российская Федерация), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, кандидат юридических наук. E-mail: demidov-Oleg-Gen@yandex.ru.

Information about the authors

Grushin Fyodor Vladimirovich: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation), Chief Researcher, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation), Professor of the Department of Penal Enforcement Law, Doctor of Law, Associate Professor. E-mail: fedor062@yandex.ru.

Terenkov Igor Evgenievich: Moscow Regional Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot» (Ruza, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Forensic Science, Lecturer of the Department of Criminal Procedure, Candidate of Legal Sciences. E-mail: terenkov72@bk.ru.

Demidov Oleg Gennadievich: Pskov Branch of the University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pskov, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines and the organization of the execution of punishments not related to the isolation of convicts from society, Candidate of Law Sciences. E-mail: demidov-Oleg-Gen@yandex.ru.

Е. В. Кашкина

**МОБИЛЬНЫЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ
АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СМЫСЛ
И ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

В представленной работе исследуется уголовно-правовое значение института мобильных исправительных центров в Арктической зоне Российской Федерации как инновационной формы исполнения наказания в виде принудительных работ. Отдельное внимание уделено оценке ресоциализирующего потенциала мобильных центров, их роли в достижении целей наказания, закрепленных в статье 43 УК РФ, а также соответствию принципам гуманизма и законности. Показано, что мобильные исправительные центры позволяют обеспечить трудовую занятость осужденных в реальных экономических процессах, создают условия для их социальной адаптации и снижают уровень рецидивной преступности. Одновременно обосновывается необходимость нормативного закрепления данной формы исполнения наказаний, включая внесение изменений в УИК РФ, разработку подзаконных актов, регламентирующих функционирование мобильных подразделений, и формирование многоуровневой системы гарантий прав осужденных. В статье подчеркивается стратегическая значимость учреждения мобильных исправительных центров для социально-экономического освоения Арктики, развития пенитенциарной инфраструктуры и укрепления гуманистических основ уголовного права. Делается вывод о том, что данный институт представляет собой качественно новую модель исполнения наказаний, ориентированную на реабилитацию личности, практическое восстановление социальной справедливости и повышение эффективности предупреждения преступлений.

Ключевые слова: мобильные исправительные центры, Арктическая зона Российской Федерации, уголовная политика, стратегические цели, трудовой потенциал, осужденные, социально-экономическое развитие, территориальное развитие.

Е. V. Kashkina

**MOBILE CORRECTIONAL CENTERS IN THE ARCTIC ZONE
OF THE RUSSIAN FEDERATION:
CRIMINAL LAW MEANING AND REGULATORY ISSUES**

The presented work examines the criminal law significance of the institution of mobile correctional centers in the Arctic zone of the Russian Federation as an innovative form of execution of punishment in the form of forced labor. Special attention is paid to assessing the resocializing potential of mobile centers, their role in achieving the goals of punishment enshrined in Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as their compliance with the principles of humanism and legality. It is shown that mobile correctional centers allow for the employment of convicts in real economic processes, create conditions for their social adaptation, and reduce the level of recidivist crime. At the same time, the need to regulate this form of punishment is substantiated, including amendments to the Penal Code

© Кашкина Е.В., 2025

© Kashkina E.V., 2025

of the Russian Federation, the development of bylaws regulating the functioning of mobile units, and the formation of a multi-level system of guarantees for the rights of convicts. The article emphasizes the strategic importance of establishing mobile correctional centers for the socio-economic development of the Arctic, the development of penitentiary infrastructure, and the strengthening of the humanistic foundations of criminal law. It concludes that this institution represents a qualitatively new model of punishment execution that focuses on personal rehabilitation, the practical restoration of social justice, and the enhancement of crime prevention.

Keywords: mobile correctional centers, Arctic zone, criminal policy, strategic goals, labor potential, convicts, socio-economic development, territorial development.

Уголовно-правовое значение института мобильных исправительных центров в Арктической зоне Российской Федерации следует рассматривать сквозь призму эволюции системы исполнения наказаний, тенденций гуманизации уголовной политики и потребности в новых формах реализации наказаний, альтернативных лишению свободы, что подтверждается научными трудами З. Р.о. Мустафаева и П. В. Тепляшина. Данный институт представляет собой качественно новый элемент уголовно-исполнительной инфраструктуры, направленный на достижение целей наказания, предусмотренных статьей 43 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), – восстановления социальной справедливости, исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

Прежде всего, мобильные исправительные центры обладают существенным ресоциализирующим потенциалом, поскольку в их основе лежит принцип трудовой занятости осужденных в социально полезных видах деятельности. В отличие от стационарных учреждений, изолирующих осужденных от социальной среды, мобильные центры создают условия для их участия в реальных экономических и инфраструктурных процессах, что обеспечивает постепенную социализацию, развитие трудовых компетенций и формирование ответственности перед обществом. Тем самым институт мобильных исправительных центров выступает эффективным инструментом реализации превентивной функции

уголовного наказания, обеспечивая снижение уровня рецидивной преступности и устойчивое возвращение осужденных в правовое поле.

Во-вторых, данный институт обладает значимым правообеспечивающим потенциалом. Его внедрение требует нормативного закрепления новой формы исполнения наказания в виде принудительных работ в условиях, не ограниченных территориально рамками стационарных исправительных учреждений. Это предполагает уточнение содержания норм Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), в частности статьи 60.1, и введение самостоятельного правового статуса мобильных исправительных центров, регулирующего порядок их функционирования, территориальную мобильность, режим труда и быта осужденных, систему надзора и гарантий их правового положения.

С уголовно-правовой точки зрения мобильные исправительные центры воплощают концепцию адаптивного исполнения наказаний, при которой степень пространственной и социальной изоляции осужденного соразмеряется с общественной опасностью совершенного деяния, личностью виновного и целями исправления. Такая модель соответствует принципам индивидуализации наказания и дифференциации уголовно-правового воздействия, предусмотренным в статьях 6 и 60 УК РФ.

В-третьих, рассматриваемый институт имеет выраженное системное значение для модернизации уголовно-исполнитель-

ной политики государства. Его внедрение способствует рационализации пенитенциарной сети, перераспределению трудовых и материальных ресурсов и расширению спектра наказаний, не связанных с лишением свободы. В условиях дефицита рабочих мест и инфраструктурных мощностей в Арктической зоне Российской Федерации¹ мобильные исправительные центры становятся связующим звеном между уголовной политикой государства и задачами его социально-экономического и территориального развития.

Следовательно, уголовно-правовое значение мобильных исправительных центров заключается не только в их роли как формы исполнения наказания, но и в их комплексной задачи, соединяющей правовую, социальную и стратегическую функции государства. Они воплощают современное понимание наказания как многоуровневого механизма правового регулирования, где коррекция поведения правонарушителя осуществляется не через репрессию, а через вовлечение в созиативную деятельность, имеющую общественно полезный результат. Институционализация мобильных исправительных центров в Арктической зоне Российской Федерации, следовательно, становится важным направлением уголовно-правовой инновации, обеспечивающей переход от формального исполнения наказаний к их содержательному, целеполагающему исполнению. Это не только укрепляет гуманистические основы уголовного права, но и подтверждает его функциональную связь с обеспечением национальной безопасности, экономического развития и социальной устойчивости государства.

Как нами было упомянуто ранее, в соответствии со статьей 43 УК РФ, целями наказания являются восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Указанные цели

имеют системный характер и реализуются прежде всего через формирование у осужденного устойчивой правовой мотивации, социальной ответственности и способности к законопослушному поведению. В этом контексте институт мобильных исправительных центров в Арктической зоне Российской Федерации получает особое уголовно-правовое значение, проявляющееся в его способности конкретно и содержательно реализовывать каждую из названных целей.

1. Восстановление социальной справедливости. Мобильные исправительные центры воплощают новую форму реализации идеи социальной справедливости, заключающуюся не в репрессивном возмездии, а в социально полезном возмещении ущерба обществу, о чем упоминал в своей научной работе З.Р.о. Мустафаев, говоря об общественно полезной деятельности осужденных в рамках воспитательной работы [2, с. 15,27]. Труд осужденных в рамках мобильных подразделений направлен на выполнение общественно значимых задач – строительство инфраструктуры, объектов энергетики и связи, освоение северных территорий. Следовательно, восстановление социальной справедливости осуществляется не символически, через наказание, а практически – через вклад осужденного в развитие государства. Мобильные центры тем самым способствуют трансформации самого понимания наказания – от возмездного [1] к восстановительно-трудовому, что усиливает гуманистическую направленность уголовного права.

2. Исправление осужденного. В отличие от традиционных пенитенциарных учреждений, мобильные центры обеспечивают реальное включение осужденного в социально полезную деятельность, создавая условия для трудовой, психологической и социальной адаптации. Труд в естественных производственных и коллективных условиях способствует формирова-

¹ О стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645.

нию у осужденного навыков ответственно-го поведения, развитию профессиональных компетенций и внутренней мотивации к за-конопослушной жизни. Исправление здесь достигается не принуждением, а деятель-ностью, что соответствует как современ-ным принципам уголовно-исполнительно-го права, так и международным стандартам обращения с осужденными [2, с. 23-24].

3. Предупреждение совершения новых преступлений. Превентивная цель наказания реализуется в деятельности моби-льных исправительных центров в двух аспектах – индивидуальном (реальное уча-стие в производственных и общественно полезных процессах снижает криминоген-ные установки, а приобретенные трудовые навыки способствуют успешной реинтегра-ции после освобождения) и общем (демон-страция обществу возможность гуманно-го, но при этом эффективного исполнения наказаний). Как справедливо отмечает З. Р. о. Мустафаев «такая форма организа-ции принудительных работ способствует большей ресоциализации и исправлению осужденных, что подтверждается сравни-тельно низким уровнем рецидива среди та-ких осужденных» [2, с. 12-13].

Таким образом, институт моби-льных исправительных центров в Арктиче-ской зоне Российской Федерации пред-ставляет собой инновационное средство достиже-ния целей наказания, закреплен-ных в статье 43 УК РФ. Он не только обе-спечивает их реальное воплощение, но и формирует новое качество уголовно-пра-вового регулирования – сочетание гумани-стических принципов, социальной эфек-тивности и стратегической значимости для государства. В этом заключается его фун-даментальное уголовно-правовое значение и потенциал дальнейшего нормативного развития.

Следующее, что требует отдельного внимания – это рассмотрение правовой ин-ституционализация мобильных исправи-тельных центров сквозь призму новой мо-дели реализации фундаментальных начал

уголовного права, посредством двух осно-вополагающих начал – принципа гуманиз-ма и законности.

Как отмечает З. Р. о. Мустафаев, ор-ганизация исполнения наказаний в виде принудительных работ должна осущест-вляться «не по принципу наличия орга-низаціонно-материальных возможностей органа УИС, а по наличию потребности в рабочей силе осужденных» [2, 22-23]. В этом тезисе гуманизм получает практи-ческое измерение – осужденный рассма-тривается не как объект изоляции, а как субъект, способный приносить общству пользу. Здесь, труд осужденных в моби-льных исправительных центрах становится не средством наказания, а инструментом социальной реабилитации. Он способ-ствует восстановлению внутреннего до-стоинства личности, формированию у нее устойчивой мотивации к правомерному поведению и ощущению собственной со-циальной значимости. Кроме того, функ-ционирование мобильных центров в экстремаль-ных климатических условиях Арктики требует создания безопасных бытовых и трудовых условий, медицинского сопрово-ждения, надлежащего жилищно-бытового обеспечения, о чем мы скажем далее, что также является материальным выражением гуманистического подхода в уголовно-ис-полнительной практике. Гуманизм в дан-ном случае – это не послабление режима, а утверждение приоритета человеческого достоинства в рамках законного исполне-ния наказания.

Принцип законности, закрепленный в статье 3 УК РФ, представляет собой осно-ву легитимности и справедливости приме-нения уголовно-правовых мер. В отноше-нии мобильных исправительных центров он приобретает особое значение, посколь-ку именно законность обеспечивает пра-вовую устойчивость и контролируемость данного инновационного института. Как акцентировал внимание П. В. Тепляшин, ха-рактеризуя мобильные исправительные центры как «комплексную модель, вклю-

чающую ряд аспектов» одним из которых является правовой аспект предполагающий «... соответствующие коррективы в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство» [3, с. 180-181], что гарантирует законность их применения. Соответственно, создание мобильных исправительных центров требует строгого соблюдения нормативных рамок:

- законодательного закрепления новой категории исправительных учреждений в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации;

- установления правового режима, порядка создания, функционирования и ликвидации мобильных подразделений;

- детальной регламентации гарантий прав осужденных и порядка их привлечения к труду;

- определения механизмов межведомственного взаимодействия между ФСИН России, органами местного самоуправления и хозяйствующими субъектами.

Подобные нормативные воплощения видятся в соблюдении трехуровневой системы гарантий осужденных, отбывающих принудительные работы в мобильных исправительных центрах Арктической зоны Российской Федерации:

1. Нормативно-правовой аспект, о чем упоминал П. В. Тепляшин, говоря об институционализации функционирования мобильных исправительных центров, когда реализация подобного «...потребует внесения соответствующих корректив в уголовное, уголовно-исполнительное и возможно иное законодательство» [3, с. 180]:

- 1) закрепление базовых гарантий в УИК РФ и подзаконных актах;

- 2) соответствие трудовому законодательству и нормам охраны труда;

- 3) медико-правовые гарантии, а именно:

2. Организационно-технические гарантии, предусматривающие климатические, санитарно-гигиенические и иные аспекты:

- 1) стандарты жилищно-бытовых ус-

ловий:

- 2) средства индивидуальной защиты и техническое обеспечение;

- 3) медицинское сопровождение и экстренная эвакуация;

- 4) охрана и безопасность: баланс контроля и соблюдения прав.

3. Контрольный механизм, подразумевающий под собой внутренний и независимый мониторинг:

- 1) внутренний контроль (администрация мобильного центра);

- 2) внешний независимый мониторинг.

Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования исполнения наказания в виде принудительных работ, обеспечения гибкости и адаптивности механизмов привлечения осужденных к социально значимому труду в отдаленных и труднодоступных регионах Российской Федерации, представляется целесообразным дополнить статью 60.1 УИК РФ новой частью 3.2 следующего содержания (представляется как пример):

«3.2. В целях обеспечения размещения осужденных к принудительным работам в труднодоступных, отдаленных или не имеющих стационарных исправительных центров районах, допускается создание мобильных исправительных центров. Мобильный исправительный центр представляет собой временное структурное подразделение уголовно-исполнительной системы, оснащенное необходимыми жилыми, производственными и режимными помещениями, обеспечивающее исполнение наказания в форме принудительных работ в условиях, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации.

Порядок создания, перемещения, функционирования и ликвидации мобильных исправительных центров, а также требования к условиям содержания осужденных, охране и использованию их труда утверждаются федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим

функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний.

Мобильные исправительные центры могут создаваться как самостоятельные подразделения уголовно-исполнительной системы, так и на базе действующих исправительных центров, изолированных участков или участков, расположенных вне центров, с указанием территории их временного размещения и срока функционирования».

Также возможно внести редакционное изменение в часть 3.1 ст. 60.1 УИК РФ после слов «расположенные вне исправительных центров» дополнить словами «в том числе в форме мобильных исправительных центров».

Представленные дополнения и изменения направлены на формирование правовых основ функционирования мобильных исправительных центров как новой организационно-правовой формы исполнения наказания в виде принудительных работ. Однако, для ее эффективной реализации потребуется дальнейшая нормативная детализация на уровне подзаконных актов, обеспечивающих институционализацию данной формы в системе исполнения наказаний в Арктической зоне Российской Федерации, к примеру:

1. Приказы Министерства юстиции Российской Федерации, регламентирующие порядок размещения, режим, надзор, материально-бытовое обеспечение осужденных, взаимодействие с местными органами власти и хозяйственными организациями. Инструкции ФСИН России, определяющие особенности транспортировки, конвоирования, размещения, охраны и использования мобильных комплексов при низких температурах, ограниченной видимости и сезонной изоляции территорий.

2. Приказы МЧС России, устанавлива-

ющие нормы пожарной и промышленной безопасности, порядок эвакуации, требования к системам отопления, энергообеспечения, хранению топлива, а также аварийным комплектам выживания. Методические рекомендации МЧС России, определяющие совместные действия при чрезвычайных ситуациях, маршруты эвакуации, формы отчетности и аварийной связи.

3. Приказы Министерства здравоохранения Российской Федерации, включающие нормы по медицинскому осмотру, вакцинации, психофизиологическому отбору осужденных для работы в экстремальных климатических условиях, а также регламентирует порядок оказания первичной медико-санитарной помощи и дистанционного медицинского наблюдения (телемедицина²).

4. Приказы Минтруда России, определяющие нормы рабочего времени, допустимые климатические нагрузки, обеспечение спецодеждой, защитными средствами, нормами питания и отопления. Методические рекомендации Роструда, регламентирующие контроль за соблюдением трудовых прав осужденных, привлекаемых к принудительным работам в Арктической зоне.

5. Приказы Минтранса России, определяющие порядок перевозки по зимникам, использование авиа- и водного транспорта, требования к сопровождению, безопасности и охране.

6. Совместное приказы Минюста, МЧС, Минздрава и Минтруда России о межведомственном взаимодействии при организации деятельности мобильных исправительных центров в Арктической зоне Российской Федерации и т.д.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что институт мобильных исправительных центров в Арктической зоне Российской Федерации представляет собой не частное организационное нововведение, а содержательную трансформацию

² Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий: приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 11 апреля 2025 г. № 193н.

концепции исполнения наказаний, формирующую современную парадигму уголовно-правового воздействия. Его появление обусловлено не только объективными потребностями социально-экономического развития северных территорий, но и глубокими изменениями в понимании целей и средств уголовной репрессии, что соответствует тенденциям гуманизации и индивидуализации уголовной политики, отмечаемым в научных работах З. Р.о. Мустафаева и П. В. Тепляшина.

Мобильные исправительные центры демонстрируют способность интегрировать трудовую, воспитательную и социально адаптирующую функции наказания, обеспечивая их практическое воплощение в условиях, исключающих излишнюю изоляцию осужденных от общества. Их правовая природа отражает эволюцию от репрессивного понимания наказания к восстановительно-трудовой модели, где ключевыми инструментами воздействия становятся труд, участие в общественно значимых проектах и постепенное возвращение осужденного в социально-нормативное пространство. Тем самым достигается комплексное выполнение всех целей наказания, закрепленных в статье 43 УК РФ, – от восстановления социальной справедливости до предупреждения рецидива.

Введение мобильных исправительных центров одновременно требует

качественного пересмотра нормативного регулирования исполнения наказания в виде принудительных работ. Их функционирование невозможно без закрепления в УИК РФ самостоятельного статуса таких подразделений, определения правового режима их деятельности, гарантий прав осужденных и механизмов межведомственного взаимодействия. Принцип законности в этой сфере приобретает системообразующее значение, обеспечивая легитимность, прозрачность и контролируемость новой формы исполнения наказания. Принцип гуманизма, в свою очередь, проявляется в признании труда осужденного как средства восстановления его социального потенциала и человеческого достоинства.

Резюмируя, отметим, мобильные исправительные центры формируют новое качество уголовно-исполнительной политики – основанное на синтезе гуманизма, законности и эффективности, ориентированное на реабилитацию личности и на создание условий для ее полноценной реинтеграции в общество. Перспективы дальнейшего нормативного развития данного института неизбежны и необходимы, поскольку именно он демонстрирует потенциал перехода от формального исполнения наказаний к их содержательному, социально ориентированному и стратегически значимому осуществлению в интересах личности, общества и государства.

Литература

1. Дворянков И.В. Концептуальные проблемы целей наказания. Пенитенциарная наука. – 2021. – т. 15. – № 2 (54). – С. 247–259.
2. Мустафаев З. Р.о. Исполнение принудительных работ вне исправительных центров : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. –М., 2025. – 32 с.
3. Тепляшин П.В. Перспективы правовой институционализации функционирования «мобильных» исправительных центров // В сборнике: Уголовно-исполнительная система: законодательство, теория и практика. материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста, заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О. В. Филимонова: в 2 ч., Самара 2025. – С. 178–181.

References

1. Dvoryanskov I.V. Kontseptual'nye problemy tselej nakazaniya. Penitentsiarnaya

nauka. – 2021. – т. 15. – № 2 (54). – С. 247–259.

2. *Mustafaev Z. R.o. Ispolnenie prinuditel'ny rabot vne ispravitel'nykh tsentrov* : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – М., 2025. – 32 s.

3. *Teplyashin P.V. Perspektivy pravovoj institutsionalizatsii funktsionirovaniya «mobil'nykh» ispravitel'nykh tsentrov* // В sbornike: Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: zakonodatel'stvo, teoriya i praktika. materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoj pamyati rossijskogo uchenogo-penitentsiarista, zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federatsii doktora yuridicheskikh nauk, professora O. V. Filimonova: v 2 ch., Samara 2025. – С. 178–181.

Сведения об авторе

Кашкина Екатерина Валерьевна: ФКУ НИИ ФСИН России (г. Москва, Российская Федерация), ведущий научный сотрудник НИЦ-2, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: 000049@bk.ru.

Information about the author

Kashkina Ekaterina Valerievna: Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service (Moscow, Russian Federation), Leading Researcher of Research Center-2, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor. E-mail: 000049@bk.ru.

УДК 343.98:343.85

А. Ю. Марков

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПРОСА ОСУЖДЕННЫХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Предметом настоящего исследования являются правовые и тактические аспекты проведения опроса как оперативно-розыскного мероприятия в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (далее – УИС) в отношении осужденных иностранных граждан.

Цель работы заключается в комплексном анализе проблем правового регулирования и практики проведения опроса в контексте растущей численности осужденных иностранных граждан в УИС и выработке научно обоснованных предложений по совершенствованию данного института.

Методология исследования включает формально-юридический анализ норм действующего законодательства, а также изучение эмпирических данных, полученных в ходе опроса сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов УИС.

Результаты исследования выявили системные пробелы и противоречия в правовом регулировании опроса, в том числе неопределенность в вопросах получения согласия, разъяснения права против самообвинения и обеспечения участия адвоката; отсутствие четкого механизма использования результатов опроса в качестве доказательств; правовая неопределенность при проведении опроса с использованием современных

© Марков А.Ю., 2025

© Markov A.Yu., 2025

средств коммуникации. Особо выделены проблемы, обусловленные языковым барьером и культурно-религиозными особенностями иностранных граждан.

Область применения результатов: выводы и предложения исследования могут быть использованы для совершенствования законодательной базы оперативно-розыскной деятельности, разработки ведомственных инструкций и методических рекомендаций для сотрудников оперативных подразделений УИС, а также в учебном процессе образовательных организаций ФСИН России.

Настоятельно необходима системная модернизация правового регулирования опроса. Ключевым выводом является обоснование целесообразности разработки и принятия оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации, который позволил бы комплексно урегулировать все спорные вопросы, включая процедуру опроса, трансформацию его результатов в доказательства и использование цифровых технологий. Дополнительно требуется конкретизация прав осужденных иностранных граждан в УИК РФ и развитие централизованной системы обеспечения перевода в учреждениях УИС.

Ключевые слова: опрос, оперативно-розыскная деятельность, осужденные иностранные граждане.

A. Yu. Markov

SOME ASPECTS OF CONDUCTING INTERVIEWS WITH CONVICTED FOREIGN CITIZENS IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM

Subject of this research is the legal and tactical aspects of conducting the interview as an operational-search measure in institutions of the penal system of the Russian Federation (hereinafter – PS) concerning convicted foreign citizens.

Purpose of the work is a comprehensive analysis of the problems of legal regulation and practice of conducting interviews in the context of the growing number of convicted foreign citizens in the PS and the development of scientifically based proposals for improving this institution.

Methodology of the research includes a formal legal analysis of the norms of current legislation, as well as the study of empirical data obtained from a survey of employees of operational units of PS institutions and bodies.

Results of the study revealed systemic gaps and contradictions in the legal regulation of the interview, including uncertainty regarding obtaining consent, explaining the right against self-incrimination, and ensuring the participation of a lawyer; the lack of a clear mechanism for using interview results as evidence; and legal uncertainty when conducting interviews using modern means of communication. Problems caused by the language barrier and cultural-religious characteristics of foreign citizens are specifically highlighted.

Application area: the conclusions and proposals of the research can be used to improve the legislative framework of operational-search activities, develop departmental instructions and methodological recommendations for employees of operational units of the PS, as well as in the educational process of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia.

A systemic modernization of the legal regulation of the interview is urgently needed. A key conclusion is the justification for the expediency of developing and adopting an Operational-Search Code of the Russian Federation, which would comprehensively regulate all contentious

issues, including the interview procedure, the transformation of its results into evidence, and the use of digital technologies. Additionally, it is required to specify the rights of convicted foreign citizens in the Penal Code of the Russian Federation and to develop a centralized system for providing translation services in PS institutions.

Keywords: interview, operational-search activity, convicted foreign citizens.

Оперативно-розыскная деятельность (далее – ОРД) является неотъемлемым элементом обеспечения безопасности и правопорядка в учреждениях. Среди мер, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), опрос занимает первое место (ч. 1 ст. 6), что подчеркивает его распространенность и оперативную значимость. Данный факт подтвержден результатами проведенного нами опроса сотрудников оперативных подразделений учреждений и органов УИС в рамках проводимого исследования «Противодействие преступлениям, совершаемым иностранными гражданами, отбывающими наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы».

В условиях роста численности осужденных иностранных граждан в учреждениях УИС России – по состоянию на 01.04.2025 их насчитывалось 32 808 человек, преимущественно из республик Узбекистан, Таджикистан и Киргизия, – проведение опроса указанной категории сотрудников приобретает особую актуальность и сопряжено с рядом специфических проблем.

Правовое регулирование опроса отличается наличием пробелов и оценочных категорий, что создает почву для дискуссий в теории и сложностей в правоприменильной практике. Ключевые вопросы, требующие разрешения, касаются: необходимости получения согласия опрашиваемого; обязательности разъяснения ст. 51 Конституции Российской Федерации; обеспечения участия адвоката; допустимости использования результатов опроса в качестве доказательств; а также правомерности и процессуального оформления опроса, проведенного с использованием современ-

ных средств коммуникации (мессенджеры, видеосвязь).

Целью настоящей статьи является комплексный анализ указанных проблем в контексте работы с осужденными иностранными гражданами и выработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правового регулирования и тактики проведения данного оперативно-розыскного мероприятия.

Опрос в УИС проводится на основании уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного законодательства и направлен на предупреждение, раскрытие и расследование пенитенциарных преступлений. Его задачи включают выявление причин и условий, способствующих преступлениям, установление лиц, причастных к их совершению или подготовке, а также обнаружение каналов поступления запрещенных предметов.

Однако при проведении опроса возникают фундаментальные правовые коллизии.

Согласие и права опрашиваемого. Дискуссионным является вопрос о необходимости получения согласия на проведение гласного опроса. Представляется обоснованной позиция, согласно которой гласный опрос, результаты которого в дальнейшем могут быть оформлены в виде объяснения и потенциально использованы в уголовном процессе, должен проводиться только с добровольного согласия лица, выраженного устно или письменно.

В этом случае опрашиваемому должна быть разъяснена ст. 51 Конституции Российской Федерации, гарантирующая право не свидетельствовать против себя самого. Если же опрашиваемый настаивает на участии адвоката, то его участие должно быть обеспечено, поскольку

это прямо вытекает из принципа уважения прав и свобод человека, закрепленного в ст. 1 и 5 ФЗ «Об ОРД».

Использование результатов в доказывании. Наиболее острый вопрос – возможность использования материалов опроса в качестве доказательств по уголовному делу. Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает такой возможности напрямую. Материалы ОРД могут быть использованы в качестве оснований для возбуждения уголовного дела, а также для подготовки и осуществления следственных действий (ст. 11 ФЗ «Об ОРД»).

Однако, как справедливо отмечается в анализируемом материале, при соблюдении определенных условий (гласность, добровольность, разъяснение прав, фиксация с помощью видео- или аудиотехники) результаты опроса могли бы быть трансформированы в доказательства, например, путем приобщения к делу оформленного письменного объяснения. Это требует прямого законодательного закрепления.

Опосредованный опрос и современные технологии. Развитие коммуникационных технологий ставит вопрос о квалификации опосредованного общения как опроса. Является ли опросом обмен текстовыми сообщениями в реальном времени или с паузами?

Правовой анализ приводит к выводу, что переписка через мессенджеры, учитывая позицию Конституционного Суда Российской Федерации, может подпадать под понятие «тайны связи». Следовательно, ее фиксация без судебного решения могут быть признаны нарушением. Таким образом, для проведения негласного опроса в цифровой среде, результаты которого планируется использовать в дальнейшем, необходимо получение судебного разрешения, что является нетривиальной задачей для правоприменителей и требует четкой

регламентации в законе.

Высокая концентрация иностранных граждан в учреждениях УИС, особенно в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах, создает уникальный комплекс проблем.

Основной проблемой является языковой барьер. Согласно ч. 5 ст. 12 УИК РФ, осужденные иностранные граждане имеют право в необходимых случаях пользоваться услугами переводчиков для дачи объяснений, ведения переписки и обращения в государственные органы. Однако понятие «необходимые случаи» законодательно не определено, что приводит к произволу на практике и нарушению прав осужденных.

Проведенное ФКУ НИИ ФСИН России исследование показало, что почти половина опрошенных сотрудников (47,3%) считают предоставление переводчика необходимым при постановке осужденного на учет, когда разъясняются его права и обязанности. Лишь 19,7% экспертов полагают, что переводчик нужен во всех случаях общения. Такая практика делает невозможной полноценную реализацию прав осужденных на медицинскую помощь, подачу жалоб и, что особенно важно, на эффективное участие в оперативно-розыскных мероприятиях, включая опрос [2, с. 210].

Культурные и религиозные особенности также оказывают значительное влияние на оперативную обстановку. Наблюдается тенденция к объединению выходцев из среднеазиатских республик в группы по национальному и религиозному признаку, попытки внедрения норм шариата, требования предоставления «халильной» пищи. Эти группы часто противопоставляют себя основной массе осужденных и администрации учреждений, создавая предпосылки для конфликтов и массовых беспорядков, примеры которых имели место в 2024 году¹.

Иностранные граждане, особенно

¹ Что привело к третьему за лето захвату заложников в российских колониях: [новостной материал]. // ГК РБК: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/08/2024/66c875f49a7947a3a8cf6142?ysclid=mge32v3ezz517898651> (дата обращения: 25.09.2025).

из Средней Азии, часто обладают связями и опытом в сфере незаконного оборота наркотиков, что обуславливает их активность в организации каналов поступления запрещенных предметов в учреждения УИС. Кроме того, данная категория представляет повышенный риск с точки зрения распространения радикальной идеологии и вербовочной деятельности, чему способствует социальная изолированность и психологическая уязвимость многих осужденных.

В связи с этим тактика опроса осужденных иностранных граждан требует особого подхода. Классификация опроса по степени гласности и уровню зашифровки цели (гласный/негласный, с зашифровкой/без зашифровки) остается базовой, однако ее применение должно быть гибким.

Помимо стандартных категорий (причастные к преступлению и обладающие информацией), круг опрашиваемых должен включать лиц, которые в силу своих культурных и языковых особенностей могут быть вовлечены в деятельность этнических или религиозных группировок. Сбор сведений о таких лицах затруднен, но необходим.

Ключевым условием успешного опроса является установление доверительного контакта. При работе с иностранными гражданами это особенно сложно из-за языкового барьера, недоверия к представителям власти и боязни мести со стороны земляков. Опрос должен проводиться в форме развернутого диалога, где основным методом воздействия является убеждение.

Участие квалифицированного переводчика не только является требованием закона, но и тактической необходимостью. Переводчик должен не только точно передавать смысл вопросов и ответов, но и понимать контекст, включая тюремную субкультуру и специфическую терминологию. Опыт зарубежных стран (Канады, Великобритании, Австрии) [3, с. 240-243] показывает, что наиболее эффективной моделью является аутсорсинг услуг переводчиков через специализированные агентства, что

позволяет гибко реагировать на волнообразный спрос на разные языки. Создание же штатного института «тюремных» переводчиков в УИС России на сегодняшний день представляется экономически и организационно затруднительным.

Анализ выявленных проблем свидетельствует о системном характере недостатков в регулировании ОРД. Точечные изменения в ФЗ «Об ОРД» не способны разрешить накопившиеся противоречия. В связи с этим представляется целесообразным разработка и принятие оперативно-розыскного кодекса.

Такая инициатива уже имела место [1]. Кодекс позволил бы комплексно урегулировать все аспекты ОРД, включая спорные моменты, связанные с опросом:

четко закрепить процедуру проведения опроса, включая получение согласия, разъяснение прав и фиксацию хода мероприятия;

определить условия и порядок преобразования результатов опроса в доказательства, приемлемые для уголовного судопроизводства;

урегулировать проведение опроса с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, определив правовой статус таких действий и порядок судебного контроля за ними.

Конкретизация прав иностранных граждан в УИК РФ.

Необходимо устраниТЬ неопределенность формулировки «в необходимых случаях» в ч. 5 ст. 12 УИК РФ, закрепив исчерпывающий перечень ситуаций, когда предоставление переводчика является обязательным. Этот перечень должен включать все ключевые моменты исполнения наказания: постановку на учет, получение медицинской помощи, подачу жалоб и заявлений, проведение с ним бесед оперативными сотрудниками и воспитателями.

Развитие системы обеспечения перевода в УИС.

Федеральной службе исполнения наказаний целесообразно рассмотреть

возможность создания централизованной базы переводчиков (как штатных, так и привлекаемых по договорам) для языков, наиболее востребованных в учреждениях УИС (узбекский, таджикский, киргизский, азербайджанский и др.). Это позволит оперативно и качественно обеспечивать проведение не только опросов, но и иных процессуальных и административных действий.

Проведение опроса осужденных иностранных граждан представляет собой сложный, многогранный вид оперативно-розыскной деятельности, находящийся на стыке уголовно-исполнительного, оперативно-розыскного и уголовно-процессуального права. Существующее правовое регулирование отстает от вызовов времени, порожденных как развитием технологий, так и изменением структуры пенитенциарного контингента.

Разрешение проблем, связанных с добровольностью, правами личности, использованием доказательств и проведением опроса в цифровой среде, требует не ведомственных разъяснений, а качественных законодательных изменений. Принятие оперативно-розыскного кодекса видится единственным системным решением, способным обеспечить баланс между эффективностью оперативно-розыскной деятельности и неукоснительным соблюдением прав и свобод человека, в том числе осужденных иностранных граждан.

Игнорирование же научно обоснованных разработок в этой сфере, как это нередко происходит сегодня, ведет к росту правового нигилизма, снижению эффективности работы УИС и создает реальные угрозы безопасности внутри пенитенциарных учреждений.

Литература

1. *Луговик В.Ф.* Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1 (31). – С. 109–135.

2. *Первозванский В.Б.* К вопросу о реализации соблюдения прав и законных интересов осужденных из числа иностранных граждан и лиц с ограниченными возможностями здоровья / В.Б. Первозванский, Ю.Н. Стrogovich // Сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции. – Том 3. – Академия ФСИН России. – 2017. – С. 206–211.

3. *Первозванский В.Б.* К вопросу о соблюдении права осужденных из числа иностранных граждан на получение услуг переводчика / В.Б. Первозванский, Ю.Н. Стrogovich // Сборник тезисов выступлений и докладов участников IV Всероссийской научно-практической конференции / СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». – Краснодар : Издательский Дом ЮГ, 2018. – С. 236–245.

References

1. *Lugovik V.F.* Operativno-razysknoj kodeks Rossijskoj Federatsii (avtorskij projekt federal'nogo zakona) // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. – 2015. – № 1 (31). – S. 109–135.

2. *Pervozvanskij V.B.* K voprosu o realizatsii soblyudeniya praw i zakonnykh interesov osuzhdennykh iz chisla inostrannykh grazhdan i lits s ogranicennymi vozmozhnostyami zdorov'ya / V.B. Pervozvanskij, Yu.N. Strogovich // Sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Tom 3. – Akademiya FSIN Rossii. – 2017. – S. 206–211.

3. *Pervozvanskij V.B.* K voprosu o soblyudenii prava osuzhdennykh iz chisla inostrannykh grazhdan na poluchenie uslug perevodchika / V.B. Pervozvanskij, Yu.N. Strogovich // Sbornik tezisov vystuplenij i dokladov uchastnikov IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii

/ SKF FGBOUVO «Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya». – Krasnodar : Izdatel'skij Dom Yug, 2018. – S. 236–245.

Сведения об авторе

Марков Александр Юрьевич: Университет ФСИН России (г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Российская Федерация), преподаватель кафедры организации режима юридического факультета. E-mail: akademyfsin@yandex.ru.

Information about the author

Markov Alexander Yuryevich: University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Saint Petersburg, Pushkin, Russian Federation), lecturer at the Department of Regime Organization of the Faculty of Law. E-mail: akademyfsin@yandex.ru.

УДК 343.8

А. С. Морозов, М. С. Красильникова, К. А. Шиняев

**ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ АУЕ
НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ КРИМИНАЛЬНОЙ ЗАРАЖЕННОСТИ**

Предмет исследования – правила поведения в криминальной среде, криминологические признаки участника МОД АУЕ; Цель исследования – изучение динамики восприятия и развития норм экстремистской субкультуры у участников МОД АУЕ. В процессе исследования использовался хронологический, формально-юридический методы, метод анализа, синтеза и метод дедукции. В результате исследования был установлен доманифестационный, манифестационный и пенитенциарный этапы приобретения криминальной зараженности и развития криминальной заразности личности участников экстремистских ячеек МОД АУЕ. При исследовании каждого из этапов выделены присущие им криминологические характеристики личности участников, исследованы правила их поведения, происходящие изменения во внешности и поведении.

Ключевые слова: экстремизм, криминальная субкультура, преступность несовершеннолетних, АУЕ, организованная преступность, преступное сообщество, преступная организация.

A. S. Morozov, M. S. Krasilnikova, K. A. Shinyaev

**RULES OF CONDUCT FOR PARTICIPANTS OF THE AUE
INTERNATIONAL PUBLIC MOVEMENT AT VARIOUS STAGES
OF CRIMINAL INFECTION**

The subject of the study is the rules of behavior in a criminal environment, criminological characteristics of a MOD AUE participant; The purpose of the study is to study the dynamics of perception and development of norms of extremist subculture among MOD AUE participants. The research used chronological, formal legal methods, the method of analysis, synthesis and the method of deduction. As a result of the study, the pre-demonstration, demonstration and

© Морозов А.С., Красильникова М.С., Шиняев К.А., 2025

© Morozov A.S., Krasilnikova M.S., Shinyaev K.A., 2025

penitentiary stages of the acquisition of criminal infection and the development of criminal infection of the personality of the participants of extremist cells of the MOD were established. In the study of each of the stages, the criminological characteristics of the participants' personalities inherent in them were identified, the rules of their behavior, the changes in appearance and behavior were investigated.

Keywords: extremism, criminal subculture, juvenile delinquency, AUE, organized crime, criminal community, criminal organization.

Нормы поведения в криминальной среде в России исторически лежали вне сферы правового регулирования, имели не юридический, а криминологический характер. Нормативно-правовое закрепление общественных отношений в преступной сфере берет начало с 2009 года, когда федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» впервые введено понятие и установлена уголовная ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии в качестве квалифицирующего признака ч. 4 ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». При этом, уголовная ответственность за сам факт лидерства такого лица в преступной иерархии уголовным законом не предусматривалась, а была введена лишь в 2019 году в результате принятия 01.04.2019 федерального закона № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности», дополнившего уголовное законодательство России статьей 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии», предусматривающей уголовную ответственность в отношении «воров в законе», «положенцев», «смотрящих» и прочих лидеров уголовно-преступной среды.

Одним из последних этапов правового регулирования социальных отношений в преступной среде стало признание

Международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» (далее – МОД АУЕ), запрещенным в Российской Федерации на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514С и внесение Министерством юстиции Российской Федерации в Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», под номером 78.

Предпринимаемые государством меры по противодействию распространению криминальной идеологии свидетельствуют о высокой степени актуальности данной проблемы, значимости профилактики замещения правовых ценностей ценностями противоправными.

В правовой доктрине получило распространение понимание МОД АУЕ, как молодежной организации, а отдельными авторами оно прямо именуется «молодежное общественное движение АУЕ». В основе такого суждения лежат криминологические сведения о направленности деятельности данной организации, преимущественно, в отношении лиц несовершеннолетнего возраста.

Парадокс состоит в том, что лица, вовлеченные в деятельность экстремистской организации одновременно являются потерпевшими от совершения в отношении них преступления, предусмотренного п. 1.1 ч. 1 ст. 282.1

УК РФ «Склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества», и автоматически – субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282.1 УК РФ «Участие в экстремистском сообществе».

Другими словами, несовершеннолетний или иное лицо, вовлеченное в деятельность экстремистской организации, является одновременно и «объектом», и субъектом преступления экстремистской направленности. Обращает на себя внимание тот факт, что субъект преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ является общим: уголовная ответственность по ст. 282.1 наступает с 16, а не с 14 лет, что, безусловно, не исключает несовершеннолетних из числа потенциальных субъектов данного преступления, но сужает их круг до лиц, достигших 16-ти летнего возраста, что косвенно может свидетельствовать о том, что законодатель не воспринимает участников МОД АУЕ в качестве исключительно несовершеннолетних.

С. С. Галахов определяет МОД АУЕ как неформальное объединение (сообщество), участники которого пропагандируют тюремный закон и криминальный образ жизни, подражают традициям и обычаям криминальной среды, используют их в своей повседневной деятельности, под физическим, психологическим и материальным воздействием принуждают иных лиц к одобрению и выполнению чуждых данным лицам криминальных субкультурных требований, к совершению преступлений и иных правонарушений. По некоторым признакам МОД АУЕ автор относит к деструктивной секте, использующей манипулятивные приемы в целях физической, психологической и финансовой эксплуатации своих членов: данная организация в большой степени контролирует мысли, поведение и эмоции каждого члена, посредством психологического воздействия из каждого завербованного способна сделать послушного, лояльного раба, готового отдать все, в том числе свою жизнь, ради признания в

качестве «своего» [2, с. 82-84].

А. В. Агарков, являясь одним из виднейших ученых-пенитенциаристов, занимающихся вопросами криминальной субкультуры, оперативно-розыскного противодействия лидерам уголовно-преступной среды, справедливо отмечает, что МОД АУЕ представляет собой децентрализованную организацию, состоящую из множества взаимосвязанных групп (ячеек), участники которых объединены общими целями обеспечения своей жизнедеятельности путем ведения противоправной деятельности, следования экстремистской идеологии, основанной на правовом нигилизме, допустимости и желательности противоправного поведения, ненависти и вражды к представителям органов государственной власти и гражданам, не разделяющим данные воззрения [1, с. 82].

Субкультурные нормы поведения в криминальной среде, традиции, обычаи преступного мира, психолого-криминологические характеристики участников МОД АУЕ во многом зависят от степени вовлеченности лица в деятельность данной организации, стадии его криминальной зараженности. Несмотря на то, что колыбелью формирования криминально-субкультурных норм поведения являются пенитенциарные учреждения, первоначальное ознакомление с нормами поведения в преступной среде и выбор соответствующей модели поведения нередко происходит за пределами мест изоляции от общества. В этой связи с достаточной степенью условности этапы становления личности участников МОД АУЕ можно классифицировать на внепенитенциарный (до пенитенциарный) и пенитенциарный.

Внепенитенциарный этап, в свою очередь, связан со стадиями 1) вовлечения лица в деятельность экстремистского сообщества; 2) участия в экстремистском сообществе. Пенитенциарный этап является логическим продолжением первых двух и выражается в криминальной «профессионализации» личности в местах лишения

свободы: закреплении ранее полученных знаний умений и навыков, формировании преступных компетенций.

Внепенитенциарный этап развития личности представителя экстремистской организации в целом и участника МОД АУЕ в частности, был исследован В. В. Орловым в рамках масштабного психологического исследования, направленного на установление изменений в поведении лиц, вовлеченных в деятельность экстремистского сообщества. При проведении данного исследования осуществлялись беседы и наблюдение за поведением 270 лиц, разделяющих националистические взгляды, идеологию радикального ислама и пропагандирующих криминально-субкультурные нормы поведения. Автором выделялись доманифестационный период, связанный с внутренним принятием экстремистских взглядов (уяснение квазинормативных социальных регуляторов) и манифестационный период, выражавшийся в их активной пропаганде (разъяснение квазинормативных социальных регуляторов). Продолжительность перехода от первого этапа ко второму зависит как от личностных морально-психологических качеств личности, так и от условий внешней среды. В рамках данного этапа происходят первоначальные, пока еще обратимые изменения в поведении новообращенного. Независимо от того, что послужило почвой для развития экстремистской идеологии (чувство патриотизма, религиозные взгляды или правила поведения осужденных в местах лишения свободы), у каждого неофита выделяются следующие характерные признаки [3, с. 110]:

1. Изменения круга общения – реже происходят контакты со старыми друзьями, они реже упоминаются в разговорах; о новых друзьях неофит рассказывает неохотно, нередко не знает даже их имен; уходит от вопросов о том, чем занимается новая компания; в новом окружении большое количество лиц из другой возрастной группы.

2. Изменения в поведении – увеличивается продолжительность нахождения вне дома, образовательного учреждения или работы; может начать читать, резко сократить время пребывания в интернете, заняться спортом, начать курить или, наоборот, бросить, если курил ранее; может приобрести одежду определенного стиля или производителя, которой раньше не интересовался; изменить музыкальные пристрастия.

3. Изменения в общении – теряет интерес к ранее интересовавшим темам; в речи появляются новые слова и выражения; высказывает свежие, но явно заимствованные мысли; на критику новых идей реагирует крайне болезненно.

4. Внешние изменения – в гардеробе появляются вещи и атрибуты, характерные для данной субкультуры, хотя для завершения формирования соответствующего образа еще далеко; к нанесению себе тематических татуировок еще не готов, но активно украшает символикой движения обложки тетрадей и учебников, линейки, пеналы, может что-то нарисовать или написать на руке; начинает подражать старшим членам движения.

5. Окончание доманифестационного периода знаменуется тем, что персистирующие в сознании неофита идеи получают внешнее оформление, поскольку экстремизм «выражает специфическую идентичность определенных групп людей, которые находятся в ситуации открытого несогласия с нормами и ценностями доминирующей культуры. Подобная идентичность обнаруживает себя различными путями: вызывающим жизненным стилем, отличающейся одеждой, жаргоном и т.п.».

Манифестационный период участников МОД АУЕ характеризуется закреплением и развитием указанных выше признаков и сопровождается следующими внешними проявлениями [3, с. 112-119; 4, с. 63; 5, с. 100-101]:

1) Короткая прическа, но волосы полностью не удаляются, чтобы тюремно-

му парикмахеру было что состричь (установка «там обреют»).

2) Основным атрибутом одежды являются: спортивный костюм («пацанских» цветов – синий, черный, реже коричневый), кроссовки (преимущественно производства «Адидас», но чаще более дешевые подделки под «Адидас»); кожаные куртки темных цветов; головной убор – кепка или вязаная шапка (носится надвинутой на глаза).

3) Наличие татуировок на открытых частях тела (кистях рук), как правило, связанных с аббревиатурами «АУЕ», «СЛОН», «ACAB», «ЛХВС». При этом, «взрослые» татуировки не характерны, так как считаются знаком доблести, который надо заслужить – существует мнение, что за незаслуженную татуировку «на зоне» осуществляется «спрос».

4) Факультативные атрибуты: фиксы, «воровские четки»; массивные золотые (чаще «под золото») перстни («гайки») и нашейные цепи («голды»).

5) Резкое сужение круга интересов, сокращение круга общения до пределов ячейки, при этом адепт может не знать имен новых «друзей», называя их только по кличкам («погонялам»); пониженная эмоциональная идентификация члена группы с группой в целом.

6) Грубый, агрессивный стиль общения, речь изобилует жаргонизмами и стандартными тюремными афоризмами (типа «Кто не был – тот будет, кто был – не забудет» и т.п.), при разговоре активно используются жестикуляция («распальцовка»), сплевывание, «цыканье зубом».

7) Отношение к здоровью парадоксальное – может одновременно начать «качаться» и курить; отношение к алкоголю и курению положительное, их употребление воспринимается как доказательство взрослости и пригодности состоять в движении; картежные игры и алкоголизм выступают средствами сплочения преступной группы; распространено употребление наркотиков (гашиш, синтетические наркотики); по-

редничество в покупке наркотиков.

8) Отношение к женскому полу показательно пренебрежительное, подчеркнуто-потребительское, но при этом, девушки в движении присутствуют («жучки» и «ждули»).

9) К музыкальным предпочтениям относится тюремно-воровская разновидность шансона («бллатота»).

10) Личностными ориентирами, образцами для подражания выступают «воры в законе».

11) Высокая склонность к насилию: насилие в движении поощряется, так как используется для сбора «грева» и вовлечения лица в противоправную деятельность с целью дальнейшего им манипулирования; жестокость по отношению к более слабым, отсутствие чувства сострадания.

12) Вымогательство у лиц, стоящих на низших ступенях групповой иерархии. У новых участников может наблюдаться изменение финансового положения: обнаруживаться суммы денег, происхождение которых он объяснить не может, заявляет, что это не его деньги.

13) Паразитизм и тунеядство.

14) Родственными группировками (симбиотами) выступают «Анархисты», на почве неприятия официальных «властей», системные антагонисты отсутствуют.

15) Отношение к представителям правоохранительных органов крайне негативное: полный отказ от сотрудничества («отрицалово») по любым вопросам.

16) Поведение при задержании агрессивное, с ярко выраженным демонстративным компонентом.

17) Наиболее распространенными ритуалами в данной субкультуре являются: коллективное нанесение татуировок; спор на выносливость, например, держание рук над зажженными свечами; «варка», или «кровное стояние», – нанесение удара по надутой щеке с целью искупления какого-либо незначительного проступка; использование друга («близкого») в качестве заместителя при силовом разрешении

конфликтов или споров; сбор «грева» для заключенных; наличие прозвища; обряд «опускания».

18) К числу субкультурных навыков участников группировок АУЕ относится: умение говорить на воровском жаргоне («ла-лакать по фене»). умение побеждать («вывозить») в споре; участие в драках («выход раз на раз»); знание оснований разрешения споров; знание местных криминальных авторитетов; знание истории и традиций криминального сообщества.

19) Факторами, повышающими авторитет участника группировки АУЕ являются: победа в драке; совершение краж у лиц, не принадлежащих к субкультуре; умение силовым или мирным способом решать конфликты.

20) Факторами, приводящими к потере авторитета участника группировки АУЕ, являются: извинение на камеру; признание своей неправоты; прощение обиды; воровство у своих («крысятничество»).

Характеристика участников МОД АУЕ в пенитенциарных учреждениях отличается более глубокой степенью деформированности, деструктивности, антисоциальной направленности их взглядов и поступков. При исследовании данного этапа А. В. Агарковым, Д. Ю. Степановой и В. Г. Шакуриной были установлены следующие признаки ячеек экстремистской организации МОД АУЕ, функционирующих на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов [1, с. 82; 6, с. 185; 7, с. 153]:

1) Стратификация (иерархическое деление группы на социальные роли: куратор – старший – рядовой участник); высокая степень консолидации участников ячейки, обусловленная наличием внутригрупповой иерархии, распределением социальных ролей и функций.

2) Наличие у лидера ячейки особого неформального социального статуса в уголовно-преступной среде («вора в законе», «смотрящего», «положенца» и др.), обуславливающего занятие им высокого

устойчивого привилегированного (но не всегда высшего) положения в преступной (тюремной, криминальной) иерархии, выступает факультативным признаком, так как в некоторых случаях явно выраженного лидера нет, а действия ячейки планируются и реализуются группой лиц, занимающих привилегированное положение в криминальной иерархии («бродягами», «арестантами» и др.). На жаргоне криминального мира подобная ситуация носит название «лагерь на братве».

3) Сбор денежных средств в так называемый «общак»; негативное отношение к любому труду; возможность быстрого обогащения за счет преступной деятельности и т.п.; финансирование деятельности экстремистской организации «АУЕ» осуществляется за счет участников: лидеры уголовно-преступной среды и другие неустановленные лица регулярно (не реже одного раза в месяц) осуществляют незаконный сбор денежных средств на подконтрольные банковские счета с лиц, содержащихся под стражей, в том числе под угрозой применения насилия (в пенитенциарных учреждениях – в натуре в виде денежных средств, наркотиков, сигарет и других запрещенных или разрешенных предметов); распределение средств «общака» между нуждающимися представителями преступного сообщества.

4) Организация и проведение на территории пенитенциарного учреждения азартных игр с последующим направлением части вырученных денежных средств в «общак», разъяснение важности и необходимости этих мероприятий.

5) Приверженность участников ячейки экстремистской организации МОД АУЕ неформальным нормам – воровскому укладу, выражаящаяся в воспроизведении и насаждении ими криминальных правил и традиций (так называемых понятий) в местах принудительной изоляции от общества, осуществлении контроля за их соблюдением подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, а также в применении мер

воздействия к нарушителям неформальных предписаний и запретов. Доведение до заключенных путем проведения бесед идеологии и основных традиций МОД АУЕ, обоснование необходимости следовать данным нормам, контроль за их исполнением и применение к лицам, нарушившим криминальные установки, мер ответственности различного характера.

6) Участие в поддержании функционирования несанкционированных администрацией исправительных учреждений каналов связи между осужденными, а также связи лиц, содержащихся в исправительном учреждении с лицами, находящимися за его пределами, направленных на функционирование деятельности МОД АУЕ, в том числе путем составления и использования особой документации (нелегальной корреспонденции) и проведения собраний («сходок»).

7) Совместное совершение противоправных действий участниками ячейки экстремистской организации МОД АУЕ; культивация насилия и проявление агрессии (в том числе к представителям власти и желающим выйти из движения), проявляющей, как правило, в групповых действиях, взаимопомощь при групповых нападениях на сотрудников правоохранительных органов. Призывы других осужденных к противостоянию сотрудникам УИС и их законным действиям, к массовым беспорядкам, неповиновению, отказу от приема пищи, организации бунтов, уничтожению и повреждению имущества исправительных учреждений и иным нарушениям правил внутреннего распорядка, непосредственная реализация этих действий. Возбуждение вражды и ненависти по отношению к заключенным, сотрудничающим с администрацией учреждения УИС.

8) Наличие коммуникативной атрибутики в виде приветствий «Aye!», «Aye! Жизнь ворам!», «Фарту масти!», «Жизнь ворам – смерть мусорам!», «АУЕ! Ворам свободу!» и т.п.; жаргона («арго», «феня», «бллатная музыка»); кличек, прозвищ

(«людских имен») для идентификации участников ячейки экстремистской организации МОД АУЕ.

9) Изготовление, использование, хранение, распространение АУЕ-символики и АУЕ-атрибутики: перманентные рисунки (татуировки) в виде восьмиконечной звезды, нанесенные, как правило, на плечи, правую кисть руки и колени; татуировка в виде гусарского погона (эполета) и головы тигра; перстовые татуировки с надписями «АУЕ», «ЛХВС». Кроме того, участники группы наносят символику на предметы быта, мебель, постельные принадлежности, стены помещений, бумагу и т.д. Характеризуя последний показатель, необходимо отметить, что непосредственно МОД АУЕ имеет свою символику в виде восьмиконечной звезды с черно-белыми лучами и эполетом с головой тигра, восьмиконечной звездой, крыльями и свастикой. Таким образом, относить непосредственно к символике движения МОД АУЕ иные характерные для криминальной среды символы представляется неверным: такие признаки могут свидетельствовать лишь о принадлежности лица к криминальной субкультуре, но не к ее экстремистской составляющей в виде МОД АУЕ.

Рассмотренные признаки, безусловно, не являются исчерпывающими. Точная количественно-качественная характеристика норм поведения в криминальной среде МОД АУЕ, во многом зависит от исторического периода оценки таких норм (1990-е и современный этап значительно отличаются), территориального нахождения отдельно взятой ячейки МОД АУЕ, состава ее участников и их индивидуальных особенностей, степени влияния общественных институтов по профилактике данного негативного явления и т.д.

Таким образом, представленная характеристика правил поведения к среде участников МОД АУЕ и в дальнейшем будет претерпевать значительные изменения наряду с изменениями, происходящими в обществе и государстве.

Литература

1. *Агарков А.В.* Оперативно-розыскное документирование деятельности лидеров уголовной среды и членов экстремистской организации «АУЕ» // Пенитенциарная наука. – 2022. – Т. 16. – № 1 (57). – С. 77–86.
2. *Галахов С.С.* «Арестантское уголовное единство» – проблемы и практика организации оперативно-розыскного противодействия // Научный портал МВД России. – 2021. – № 1 (53). – С. 79–86.
3. *Орлов В.В.* Специфика внешних проявлений склонности к вступлению в экстремистское сообщество // В сборнике: Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург, 2024. – С. 109–120.
4. *Рядчикова Е.Н.* Признаки субкультурной принадлежности к преступной организации «АУЕ» (из практики проведения психолого-лингвистических экспертиз) / Е.Н. Рядчикова, Е.А. Белан // Судебная экспертиза Беларуси. – 2024. – № 1 (18). – С. 62–66.
5. *Самойлов С.Ф.* Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде // Вестник Краснодарского университета МВД России. – № 2 (44). – 2019. – С. 99–103.
6. *Степанова Д.Ю.* Социально-психологический портрет участника экстремистской организации «АУЕ», представляющего оперативный интерес в местах лишения свободы // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. – 2021. – С. 183–187.
7. *Шакурина В.Г.* Анализ судебной практики по привлечению к уголовной ответственности лиц за участие в деятельности экстремистского международного общественного движения «АУЕ» (ч. 2 ст. 282.2 УК РФ): уголовно-правовые и криминологические аспекты // В сборнике: Применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства в практике Следственного комитета Российской Федерации: актуальные проблемы и рекомендации по их решению. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2024. – С. 149–156.

References

1. *Agarkov A. V.* Operativno-rozysknoe dokumentirovanie deyatel'nosti liderov ugolovnoj sredy i chlenov ekstremistskoj organizatsii «AUE» // Penitentsiarnaya nauka. – 2022. – T. 16. – № 1 (57). – S. 77–86.
2. *Galakhov S.S.* «Arrestantskoe ugolovnoe edinstvo» – problemy i praktika organizatsii operativno-rozysknogo protivodejstviya // Nauchnyj portal MVD Rossii. – 2021. – № 1 (53). – S. 79–86.
3. *Orlov V.V.* Spetsifika vneshnikh proyavlenij sklonnosti k vstupleniyu v ekstremistskoe soobshchestvo // V sbornike: Aktual'nye voprosy obespecheniya natsional'noj bezopasnosti. Materialy II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Sankt-Peterburg, 2024. – S. 109–120.
4. *Ryadchikova E.N.* Priznaki subkul'turnoj prinadlezhnosti k prestupnoj organizatsii «AUE» (iz praktiki provedeniya psikhologo-lingvisticheskikh ekspertiz) / E.N. Ryadchikova, E.A. Belan // Sudebnaya ekspertiza Belarуси. – 2024. – № 1 (18). – S. 62–66.
5. *Samojlov S.F.* Kritika kriminal'noj ideologii kak sredstvo profilaktiki organizovannoj prestupnosti v molodezhnoj srede // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – № 2 (44). – 2019. – S. 99–103.

6. Stepanova D.Yu. Sotsial'no-psikhologicheskij portret uchastnika ekstremistskoj organizatsii «AUE», predstavlyayushchego operativnyj interes v mestakh lisheniya svobody // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo. – 2021. – S. 183–187.

7. Shakurina V.G. Analiz sudebnoj praktiki po privlecheniyu k ugolovnoj otvetstvennosti lits za uchastie v deyatel'nosti ekstremistskogo mezhdunarodnogo obshchestvennogo dvizheniya «AUE» (ch. 2 st. 282.2 UK RF): ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty // V sbornike: Primenenie ugolovnogo i ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva v praktike Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federatsii: aktual'nye problemy i rekomendatsii po ikh resheniyu. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Moskva, 2024. – S. 149–156.

Сведения об авторах

Морозов Алексей Сергеевич: Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), доцент кафедры организации режима, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: morozovlalex@yandex.ru.

Красильникова Марина Сергеевна: Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук. E-mail: krasilnik80@yandex.ru.

Шиняев Клим Александрович: Университет ФСИН России (г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), доцент кафедры организации режима, кандидат юридических наук. E-mail: shinyaev.k.a@fsin.gov.ru.

Information about the authors

Morozov Alexey Sergeevich: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Regime Organization, Candidate of Law, Associate Professor. E-mail: morozovlalex@yandex.ru.

Krasilnikova Marina Sergeevna: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Candidate of Law. E-mail: krasilnik80@yandex.ru.

Shinyaev Klim Alexandrovich: University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Regime Organization, Candidate of Law. E-mail: shinyaev.k.a@fsin.gov.ru.

УДК 343.812

Н. И. Нарышкина

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ТЮРЕМ В ПОЛЬШЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена анализу возникновения и эволюции тюремных учреждений на территории Польши в период с X–XII вв. до конца XVII столетия и представляет собой комплексную попытку реконструкции ранней истории польских тюрем. Констатируется, что, несмотря на значительный интерес к истории Польши, ранний период становления

тюремного дела остается недостаточно изученным. Представленный материал восполняет этот пробел, анализируя происхождение, цели, типологию первых тюрем в Польше и условия содержания в них, а также их место в системе наказаний того времени. Автор ставит целью реконструировать исторический контекст появления тюрем, их правовой статус, социальное назначение и материально-бытовые условия содержания заключенных. Рассматривается генезис польских тюрем, акцентируется внимание на типологии и функциях тюрем, предложена социальная стратификация наказаний. Проанализированы существовавшие альтернативные формы наказания, ограничивавшие свободу преступника, но не являвшиеся полноценным тюремным заключением. Особое внимание уделяется сравнительному аспекту – параллелям с тюремами Древнерусского государства, Великого княжества Литовского и средневековой Германии. Исследование опровергает распространенное мнение о позднем возникновении тюрем в Польше, доказывая их существование на этапе формирования польской государственности.

Ключевые слова: средневековое право, тюрьма, заключенный, башня, наказание, подземелье.

N. I. Naryshkina

THE FUNCTIONING OF PRISONS IN POLAND: THE HISTORICAL ASPECT

This article analyzes the emergence and evolution of prison institutions in Poland from the 10th–12th centuries to the late 17th century and represents a comprehensive attempt to reconstruct the early history of Polish prisons. It is stated that, despite considerable interest in the history of Poland, the early period of the development of prison science remains insufficiently studied. The presented material fills this gap by analyzing the origins, purposes, typology of the first prisons in Poland, the conditions of detention within them, as well as their place in the penal system of that time. The author aims to reconstruct the historical context of the emergence of prisons, their legal status, social purpose, and the material and living conditions of prisoners. The author examines the genesis of Polish prisons, focusing on the typology and functions of prisons, and proposes a social stratification of punishments. An analysis is made of existing alternative forms of punishment that limited the freedom of the offender, but did not constitute full-fledged imprisonment. Particular attention is given to the comparative aspect – parallels with the prisons of the Old Russian state, the Grand Duchy of Lithuania, and medieval Germany. The study refutes the widespread belief that prisons emerged late in Poland, proving their existence during the formation of Polish statehood.

Keywords: medieval law, prison, prisoner, tower, punishment, dungeon.

О первых тюрьмах в Польше, функционировавших в XII в., известно из рукописного жития Святой Ядвиги Силезской, датируемого 1353 г., в котором говорится: «Не имея возможности лично посещать преступников, она посыпала им еду, питье и достаточно одежды через посланников, чтобы узники не страдали от чрезмерного холода. Чтобы их не мучили черви, она снабжала их сменной одеждой и нижним

бельем, а также давала свечу, чтобы свет рассеивал ужасный мрак темницы» [7, с. 301; 13, с. 19].

Полагаем, что фактически тюрьмы появились еще раньше, одновременно с появлением польского государства (X в.). Наше мнение основано на том, что тюрьма была создана государством в качестве одного из инструментов борьбы с преступностью. Кроме того, на стадии своего

возникновения она явилась своеобразным социальным компромиссом в отношениях между преступником и потерпевшим. Преступник совершает преступление и желает избежнуть негативных для себя последствий, связанных с местью и наказанием, либо существенно минимизировать их. Потерпевший, со своей стороны, хочет покарать преступника в зависимости от вреда, причиненного ему или его близким, вплоть до физического уничтожения последнего. Возникает конфликтная ситуация. Долгое время эти отношения преступника и пострадавшего регулировались институтом кровной мести по принципу талиона («око за око, зуб за зуб»).

Но на определенной стадии общественного развития государство вмешивается в отношения потерпевшего и преступника, создавая тюрьму, которая должна удовлетворить интересы всех сторон конфликта. Так, потерпевшему, который не мог лично осуществить месть, делалась уступка, что преступник будет изолирован от общества на срок до суда, который и определит ему справедливое наказание, и за это время не скроется и не причинит вред себе или иным лицам. Преступнику, в свою очередь, гарантировалось, что он не пострадает от руки потерпевшего, и в конечном итоге, возможно, суд определит ему более гуманное наказание, чем то, которое бы последовало в результате кровной мести, или вообще оправдает его. Например, в нашей стране тюрьмы также были известны еще в период существования Древнерусского государства, но в правовых источниках долгое время не упоминались, хотя фигурировали в текстах летописей [5, с. 112–116].

Первые польские тюрьмы, равно как и тюрьмы Древнерусского государства, не отвечали главенствующей цели наказания, которой провозглашалось скорейшее возмещение причиненного ущерба, и не являлись превалирующими среди мер государственного принуждения, отдавая первенство системе композиций (штрафов). Впоследствии тюрьмы в Польше, так же

как и в России, вновь считались недостаточной карательной мерой с точки зрения тогдашних взглядов на цель наказания – устрашение и месть (возмездие, кара) и основной принцип его исполнения – публичность, уступая по частоте применения смертной казни, телесным болезненным и членовредительным наказаниям.

По мнению различных исследователей [10, с. 670; 11, с. 26; 13, с. 18, 20; 15, с. 412,], польские тюрьмы предназначались для реализации следующих целей:

- исполнение самостоятельного наказания за определенные деяния (редко);
- реализация предварительного заключения под стражу до суда и исполнения назначенного наказания (преимущественно).

Эти роли тюрьмы выполняли сначала в Силезии, затем в Великой и Малой Польше;

- устранение неугодных лиц (к таким могли относиться политические и религиозные противники, личные враги, военнопленные и т. д.);
- причинение страданий.

Тюрьмы могли находиться под юрисдикцией светских и духовных властей, также были частные тюрьмы. Тюрьмы в основном относились к, так называемому, приспособленному типу, когда помещения для содержания заключенных оборудовались в крепостях, замках, монастырях, поместьях, арендованных для этой цели постоянных дворах, собственном жилье осужденных и т. д. Тюрьма в Польше называлась «wiezienie». Но, мы полагаем, что это было общим, родовым понятием по аналогии с русским «тюрьма». Это наблюдение подтверждается определением «wiezienie», данным в словаре польского языка, где под тюрьмой понимается место, где держат в узах, заключении. С позиции этимологии слово «wiezienie» происходит от польского «wieza», что в переводе означает «башня». Причем слово «wieza» является одним из обозначений тюрьмы [14, с. 966].

Вообще, языки восточнославянской

и западнославянской ветвей очень близки при определении названия тюремы, производного от вежи: вежа, вязень (ст. рус.) = в'язница (укр.) = вежа, вязница (белор.) = wieza, więzienie (польск.) = vězení (чешск.) = väzenia (словац.).

Как мы видим, использовалось родовое понятие тюремы – «wiezienie», но были и другие разные обозначения тюрем, которые мы рассмотрим более подробно. Определенные тюремы именовались «loch», что переводится как «темница», «подземелье», «полость». Подземные тюремы находились в ведении церкви [10, с. 671; 14, с. 337,]. Кстати, это обозначение подземной тюремы использовалось и в Германии в средние века, где слово «loch» буквально переводилось с немецкого как «дыра», «отверстие» [2, с. 194].

Помимо этого, в Польше практиковалось, так называемое, «башенное наказание» или «наказание башней» (poena turris) в упомянутых выше wieze (мн. число) – круглых или иных башнях, которые располагались в городах или других укрепленных поселениях (крепостях, замках, поместьях и др.), причем, оно разделялось на заключение в верхней башне и заключение в нижней башне [10, с. 671; 14, с. 966; 15, с. 412].

Временем начала использования «наказания башней» исследователи указывают как XIV в. [1, с. 40], так и XV в. [9, с. 680; 15, с. 412].

Использование «башенного наказания» некоторые авторы называют «отличительной польской чертой» [15, с. 412], с чем мы не можем согласиться, хотя в Польше оно появилось, возможно, раньше, чем в других странах. Так, например, заключение в вежах практиковалось в Великом княжестве Литовском в соответствии с Волынским Статутом 1566 г. (далее: второй статут) (упоминалось в нем и о земляных тюремах и их глубине), а в Новом Литов-

ском Статуте 1588 г. (далее: третий статут) тюремное заключение уже разделялось на заточение в «верхних» («вышних») вежах и в подземных тюремах («у вежи земленой», «у вежи на дне шесть сажен в земли», «у вежи на дне»). Необходимо уточнить, что Великое княжество Литовское, несмотря на тесные социально-экономические, политические и иные связи с Королевством Польским, а также несмотря на принятие в 1569 г. Люблинской унии, нарушившей территориальную целостность Великого княжества Литовского, все же не утратило государственной обособленности и использовало нормы третьего статута, тогда как на территориях, отошедших к Польше, продолжал действовать второй статут [3, с. 22–23; 4, с. 24–27; 6, с. 81, 86, 91].

Кстати, некоторые современные польские исследователи считают правовые документы Великого княжества Литовского (Привилей Казимира IV Ягеллона 1447 г, Судебник Казимира IV Ягеллона 1468 г, литовские статуты) источниками польского права [11, с. 25].

Согласиться с этим в полной мере нельзя: нормативные акты хоть и издавались от имени польского короля, но предназначались для Великого княжества Литовского и регулировали общественные отношения на его территории. В подобной ситуации не стоит удивляться тому, что и тюремы Великого княжества Литовского некоторые авторы считают польскими местами заключения [13, с. 19–20].

К числу польских правовых документов, регулировавших вопросы назначения наказаний, относится Польская Правда («Эльблонская книга»), относившаяся к середине XIII века¹. О назначении тюремного заключения в Польской Правде не говорится, но в ст. 4 человека от вины (неявка в назначенный срок перед судьей) освобождал факт его заточения, а в ст. 11 заточение чело-

¹ Польская правда : [свод законов]. // Восточная литература: [информационный портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Polen/XIII/Pol_Pravda/frametext1.htm (дата обращения: 10.06.2025).

века являлось основанием его освобождения от уплаты пени. То есть, «заточение» (а в другом варианте переводя ст. 4 Польской Правды от 1961 г. «тюремное заключение»²) существовало, но каким образом реализовывалось остается не ясным.

Отметим черты, свойственные заключению в верхнюю и нижнюю башни:

– не носило сословного характера, хотя преимущественно применялось к представителям привилегированных сословий (дворянам):

а) в верхней башне – за незначительные преступления, такие как непреднамеренное убийство или вызов на дуэль.

б) в нижней башне – в случае совершения тяжких преступлений (в частности, убийство, уничтожение королевских грамот), и фактически данное заключение было альтернативой смертной казни.

Исследователи отмечают, что башня была тюрьмой для знати, но в исключительных случаях там содержались и другие граждане, не принадлежавшие к привилегированным слоям населения (таких заключенных, как правило, содержали в городских темницах, крепостях и подвалах усадеб).

Вообще, изначально тюремное заключение носило в целом позорящий характер, наносило ущерб репутации и имени человека, ему подвергнутого, но в конце XV – начала XVI вв. произошло разделение наказаний на уголовные и полууголовные. Полууголовные наказания, к которым относилось и заключение в верхней и нижней башнях, не считались позорящими санкциями, сначала применялись к дворянству, а затем и к людям из других сословий;

– заключение в верхней башне было более щадящим и легким, чем в нижней башне (как и в Великом княжестве Литовском). Вывод об этом можно сделать исходя из материально-бытовых условий содержания заключенных, которые состояли в том, что:

а) они носили собственную одежду;

б) могли готовить себе пищу;
в) их жилые помещения имели окна и двери, а значит, не препятствовали проникновению свежего воздуха, естественного освещения, а также не исключали контактов с третьими лицами. Исследователи указывают, что заключенные могли принимать гостей и, следовательно, устраивать застолья. По сути, ограничение их свободы заключалось в запрете покидать комнату;

г) у богатого человека, заключенного в верхнюю башню, мог быть слуга, который выполнял его поручения.

Вообще, состоятельные заключенные не только обеспечивали свое содержание, но и могли его существенно улучшать. Есть сведения, что узники даже могли выходить в город (вероятно, за соответствующее вознаграждение тюремщикам).

Заключение в нижней башне было самым суровым, поскольку наносило значительный ущерб здоровью осужденного из-за суровых условий жизни под землей: сырости и темноты, а зимой – сильного мороза, ввиду чего могло закончиться смертью. В течение всего срока наказания заключенному на веревке спускали только воду и хлеб, и, по возможности, по этому же пути удаляли испражнения. В случае болезни заключенный не мог рассчитывать на медицинскую помощь. Исследователи указывают, что глубина нижней башни в Польше была 9 метров (12 локтей), тогда как глубина литовской башни составляла целых 11 метров (6 саженей). Даже несмотря на небольшие сроки заключения, которые варьировались от одного часа до одного года и шести недель (по другим сведениям, от одной недели до года и шести воскресений, а в исключительных случаях – даже до четырех лет), нахождение человека в подобных условиях было губительным для его здоровья.

О привилегированности «башенного наказания» и об отсутствии уничижительного характера такого заточения свидетельствовало то, что заключенные обеих

² См. Там же.

башен:

– не носили кандалов, хотя практика заковывания лиц, содержащихся в тюрьмах, в цепи и кандалы в тот период времени была повсеместной и реализовалась в определенных целях (например, причинение дополнительных мучений (пытка), исключение возможности совершения побега и т. д.);

– не привлекались к труду;

– обычно сами являлись для отбывания наказания. Это называлось «засесьце» (занятие башни). В начале и в конце отбывания наказания осужденный делал заявление для протокола суда. Это всегда происходило в присутствии судебного пристава и двух свидетелей из числа шляхты. Эти меры не преследовали никаких воспитательных целей; характерная форма «засесьце», имевшая значение манифеста, подчеркивала формулу самонаказания.

Как мы видим, «башенное наказание» носило индивидуальный характер, предполагая одиночное содержание осужденных как в верхней, так и в нижней башнях. Но вообще, одиночное заключение не было распространено, так как:

– во-первых, не было достаточно большого числа тюрем для обеспечения индивидуального размещения осужденных;

– во-вторых, содержание имеющихся тюрем было сопряжено с очень высокими расходами.

Полной противоположностью «башенному наказанию» было наказание, связанное с помещением в городскую тюрьму (*carceribus*), которое позорило честь и применялось в коллективной форме. Заключенные содержались под постоянной охраной и в кандалах, их подвергали пыткам, приуждали к каторжным работам, известным как обязательные общественные работы (на насыпях, возведении и ремонте замков и городских зданий, уборке грязи и мусора и т. д.). *Carceribus* занимало особое место в городском праве, становясь все более распространенной санкцией с конца XVII в.

В польских городах преступники, которые подавали надежду на исправление, приговаривались к тюремному заключению и общественным работам. Общественные работы, чаще всего выполняемые в кандалах, представляли собой форму покаяния за совершенное преступление. Работа на городскую общщину также рассматривалась как элемент компенсации за причиненный вред, но прежде всего это был механизм экономической эксплуатации дешевой рабочей силы.

По оценкам, к началу XVII в. дневной заработка каторжников (так называли заключенных, выведенных на работу) составлял от трети до половины вольного заработка чернорабочего [1, с. 40; 8, с. 23–33; 9, с. 680–682; 11, с. 26; 13, с. 19–20; 15, с. 412].

Конечно, идея исправления лиц, содержащихся в тюрьмах, в тот период времени не звучала, и критерии раздельного содержания заключенных не регламентировались, но предпринимались отдельные попытки внедрения и первого, и второго элементов. Так, известна инструкция канцлера Оцеского, данная старосте Равы-Мазовецкой в 1550 г., которая содержала рекомендации по классификации заключенных с целью предотвращения взаимной деморализации, а также положения, касающиеся оказания религиозного влияния на них.

В частности, в данной инструкции указывалось, что:

– те, кто совершают преступления не умышленно, а по неосторожности («в спешке»), могут быть заключены вместе, потому что они могут исправить друг друга через взаимную скорбь, особенно если они раскаиваются;

– те, кто совершают преступления умышленно, осознанно («по уму»), должны быть отделены, потому что они не раскаиваются и, выйдя из тюрьмы, продолжат заниматься преступной деятельностью;

– заключенным следует давать духовные наставления и следить за их нравственностью.

К сожалению, это указание не нашло практического применения из-за нехватки тюремных помещений и персонала [11 с. 26–27].

Помимо тюремного заключения, как классической формы лишения свободы, в Польше практиковались иные карательные меры, которые были также сопряжены с лишением или существенным ограничением личной свободы и свободы передвижения правонарушителя. К их числу можно отнести:

– *klatka* – клетка. Наказание клеткой применялось преимущественно в городах, реже в деревнях. Рядом с ратушей обычно устанавливалась специальная клетка, чтобы все могли ее хорошо видеть. На ней также были таблички с указанием причин наказания. Наказание накладывалось на срок от одного часа до одной недели; на практике чаще всего использовался один день;

– *kłoda* – колода, колодка, бревно. Представляла собой расколотый надвое пень с вырезами для рук и ног, которые затем скреплялись специальными зажимами. Это наказание обычно было кратковременным и применялось за воровство или неповиновение;

– *kuna żelazna* – железная куница, которая состояла из железного обруча, одеваемого на шею или руку человека, к которому прикреплялась цепь, прикованная к стене церкви или ратуши. Это наказание играло значительную роль в городской и сельской практике и применялось за неповиновение, оскорбления и тому подобное;

– *gąsior* – гусак – приспособление, при помощи которого осужденного привязывали за шею и ставили на четвереньки. Его применяли к простолюдинам за неповиновение, оскорбления или распитие спиртных напитков в трактире. Срок наказания обычно составлял до трех суток.

Линде С. Б. в своем словаре польского языка указывает *kłoda*, *kuna* и *gąsior* как аналоги тюрьмы;

– *biskup* – епископ – процедура помещения осужденного в специально высеч-

ченное дерево, которое затем запиралось двумя шестами таким образом, чтобы осужденный был вынужден стоять;

– *dyba* – дыба, представлявшая собой бревно с отверстиями для рук и ног;

– *areszt domowy* – домашний арест, когда осужденного оставляли дома под надзором солдатской охраны и запрещали покидать его [9, с. 680; 12, с. 686, 1020, 1182; 14, с. 158, 190, 268, 311].

Как мы видим, эти меры носили краткосрочный и преимущественно публичный характер, и несмотря на мнение Линде считать их аналогом тюрьмы, полагаем, нельзя.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что:

– тюрьмы в Польше появились, скорее всего, одновременно с появлением первого польского государства или вскоре после этого, но в правовых документах долгое время не упоминались, хотя фигурировали в литературных источниках;

– тюрьмы и тюремное заключение не соответствовали бытовавшим в тот период времени целям наказания, поэтому в качестве наказания за совершенное преступление применялись реже, чем в качестве места предварительного содержания под стражей;

– тюрьмы находились под юрисдикцией светских и духовных властей, а также частных лиц и в основном относились к местам заключения приспособленного типа;

– помимо родового обозначения тюрьмы – «*więzienie*» применялись и другие ее названия, причем в основу этих названий зачастую был заложен внешний облик тюрьмы, материалы, из которых она была изготовлена, а также условия содержания заключенных;

– при исследовании эволюции польских тюрем, их видов и условий содержания в них мы усматриваем определенные сходства с тюрьмами Древнерусского государства, средневековыми немецкими

тюрьмами, тюрьмами Великого княжества Литовского, причем последние, равно как источники правового регулирования их деятельности некоторые современные польские исследователи считают польскими (хотелось бы отметить, что, к сожалению, довольно мало польских авторов сегодня исследуют тюрьмы своего государства

именно в ранний период их появления и функционирования);

— также необходимо отметить, что в Польше практиковались и иные наказания, которые нельзя в полной мере считать тюремным заключением, но которые были связаны с существенным ограничением свободы преступника.

Литература

1. *Боровский М.* История развития пенитенциарной системы в Польше // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. – Том II. – С. 40–43.
2. *Нарышкина Н.И.* Проблема трактовки термина «тюрьма» в странах Европы (исторический аспект) // Вестник Владимира юридического института. – 2012. – № 3 (24). – С. 194–197.
3. *Нарышкина Н.И.* Функционирование тюрем в Российском государстве и Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв.: сравнительно-правовое исследование // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2012. – № 4 (20). – С. 22–25.
4. *Нарышкина Н.И.* Правовое регулирование тюремного заключения в Великом княжестве Литовском в XV–XVII вв. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 5. – С. 24–27.
5. *Нарышкина Н.И.* Тюрьма как социальный компромисс // Компромисс в праве: теория, практика, техника : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Нижний Новгород : Нижегородская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – Т. 2. – С. 112–116.
6. *Нарышкина Н.И.* Сравнительно-правовое исследование деятельности тюрем в Российском государстве и европейских странах (XVI–XVII вв.) : монография. – Москва : Юрлитинформ, 2014. – 184 с.
7. *Нечволоводов А.Д.* Сказания о русской земле. Изд. 3. Санкт-Петербург : Гос. тип., 1913. Ч. 2: От разделения власти на Руси при сыновьях Ярослава Мудрого до конца великого княжения Димитрия Иоанновича Донского. – 487 с.
8. *Полищук Н.И.* Применение к заключенным цепей и кандалов в тюрьмах России и Европы (X–XVII веков) / Н.И. Полищук, Н.И. Нарышкина // Юридическая мысль. – 2016. – № 1 (93). – С. 27–33.
9. *Kalisz T.* Kara pozbawienia wolności na ziemiach polskich od XV do połowy XIX wieku // Przegląd Prawa i Administracji. – 2020. – Tom 120. – Cz. 1 i 2. – S. 679–694.
10. *Kołodziej J.* Geneza i funkcjonowanie systemu penitencjarnego w Polsce. – С. 669–683.
11. *Lelental S.* Wykład prawa karnego wykonawczego z elementami polityki kryminalnej. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996. – 290 s.
12. *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. – Warszawa, 1808. – T. II. G–L. – S. 669–1322.
13. *Ornowska A.* Resocjalizacja penitencjarna. Zarys problematyki / A. Ornowska, I. Zduński / Bydgoszcz : Wydawnictwo Kujawsko–Pomorskiej Szkoły Wyższej w Bydgoszczy, 2014. – 256 s.
14. *Rykaczewski E.* Słownik języka polskiego, podług Lindego i innych nowszych źródeł. – Chicago, Ill., Polish American publ. co, 1905. – 1155 s.
15. *Szwejkowska M.* Prawne aspekty kary pozbawienia wolności w Polsce do 1989 roku

– wybrane zagadnienia // Teka Komisji Prawniczej PAN Oddział w Lublinie. – T. XIII. – 2020.
– Nr. 1. – S. 411–425.

References

1. *Borovskij M.* Iстория развития penitentiarnoj sistemy v Pol'she // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik.* – 2010. – № 4. – Tom II. – S. 40–43.
2. *Naryshkina N.I.* Problema traktovki termina «tyur'ma» v stranakh Evropy (istoricheskij aspekt) // *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta.* – 2012. – № 3 (24). – S. 194–197.
3. *Naryshkina N.I.* Funktsionirovanie tyurem v Rossiskom gosudarstve i Velikom knyazhestve Litovskom v XV–XVII vv.: sravnitel'no-pravovoe issledovanie // *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie.* – 2012. – № 4 (20). – S. 22–25.
4. *Naryshkina N.I.* Pravovoe regulirovanie tyuremnogo zaklyucheniya v Velikom knyazhestve Litovskom v XV–XVII vv. // *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie.* – 2013. – № 5. – S. 24–27.
5. *Naryshkina N.I.* Tyur'ma kak sotsial'nyj kompromiss // *Kompromiss v prave: teoriya, praktika, tekhnika : sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii.* – Nizhnij Novgorod : Nizhegorodskaya akademiya Ministerstva vnutrennikh del Rossiskoj Federatsii, 2014. – T. 2. – S. 112–116.
6. *Naryshkina N.I.* Sravnitel'no-pravovoe issledovanie deyatel'nosti tyurem v Rossiskom gosudarstve i evropejskikh stranakh (XVI–XVII vv.) : monografiya. – Moskva : Yurlitinform, 2014. – 184 s.
7. *Nechvolodov A.D.* Skazaniya o russkoj zemle. Izd. 3. Sankt-Peterburg : Gos. tip., 1913. Ch. 2: Ot razdeleniya vlasti na Rusi pri synov'yakh Yaroslava Mudrogo do kontsa velikogo knyazheniya Dimitriya Ioannovicha Donskogo. – 487 s.
8. *Polishchuk N.I.* Primenenie k zaklyuchennym tsepej i kandalov v tyur'makh Rossii i Evropy (X–XVII vekov) / N.I. Polishchuk, N.I. Naryshkina // *Yuridicheskaya mysl'.* – 2016. – № 1 (93). – S. 27–33.
9. *Kalisz T.* Kara pozbawienia wolności na ziemiach polskich od XV do połowy XIX wieku // *Przegląd Prawa i Administracji.* – 2020. – Tom 120. – Cz. 1 i 2. – S. 679–694.
10. *Kołodziej J.* Geneza i funkcjonowanie systemu penitencjarnego w Polsce. – S. 669–683.
11. *Lelental S.* Wykład prawa karnego wykonawczego z elementami polityki kryminalnej. – Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996. – 290 s.
12. *Linde S.B.* Słownik języka polskiego. – Warszawa, 1808. – T. II. G–L. – S. 669–1322.
13. *Ornowska A.* Resocjalizacja penitencjarna. Zarys problematyki / A. Ornowska, I. Zduński / Bydgoszcz : Wydawnictwo Kujawsko–Pomorskiej Szkoły Wyższej w Bydgoszczy, 2014. – 256 s.
14. *Rykałkowski E.* Słownik języka polskiego, podług Lindego i innych nowszych źródeł. – Chicago, Ill., Polish American publ. co, 1905. – 1155 s.
15. *Szwejkowska M.* Prawne aspekty kary pozbawienia wolności w Polsce do 1989 roku – wybrane zagadnienia // Teka Komisji Prawniczej PAN Oddział w Lublinie. – T. XIII. – 2020. – Nr. 1. – S. 411–425.

Сведения об авторе

Нарышкина Наталья Игоревна: ВЮИ ФСИН России (г. Владимир, Российская Федерация), начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: natanaryshkina@mail.ru.

Information about the author

Naryshkina Natalia Igorevna: Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service (Vladimir, Russian Federation), Head of Penal Law and Execution of Punishments for Related to the Isolation of Convicts from Society Department, candidate of law, associate Professor. E-mail: natanaryshkina@mail.ru.

УДК 343.98

И. С. Некрасов

**ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ
СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОСУЖДЕННЫМИ В ИУ**

Предупреждение преступности в пенитенциарных учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы осужденных, является одной из главных и основных целей уголовно-исполнительного законодательства. Проблема обеспечения безопасности и поддержания правопорядка в исправительных учреждениях остается чрезвычайно актуальной для уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Совершение преступлений осужденными во время отбывания наказания не только подрывает авторитет администрации, но и сводит на нет цели исправления, создавая реальную угрозу для жизни и здоровья, как персонала, так и других лиц, в том числе осужденных. При этом вместо исправления может происходить дальнейшая криминализация личности, что ставит под сомнения эффективность всей пенитенциарной системы страны.

В данной статье автор провел комплексный анализ системы причин и условий, детерминирующих совершение пенитенциарных преступлений осужденными в местах лишения свободы. Также были рассмотрены критерии наиболее уязвимой категории осужденных. Выделена наиболее актуальная проблема, связанная с понижением уровня оперативно-розыскной работы в оперативных подразделениях УИС.

Ключевые слова: сотрудник, УИС, оперативный сотрудник, оперативно-розыскная деятельность, преступление, осужденные.

I. S. Nekrasov

FIGHTING FRAUD IN PLACES OF PRISONANCE

Crime prevention in penitentiary institutions that carry out criminal penalties in the form of imprisonment of convicted persons is one of the main and main goals of penal enforcement legislation. The problem of ensuring security and maintaining law and order in correctional institutions remains extremely relevant for the penal system of the Russian Federation. The commission of crimes by convicted persons while serving their sentences not only undermines the authority of the administration, but also negates the goals of correction, creating a real threat to the life and health of both staff and others, including convicts. In this case, instead of correction, further criminalization of the individual may occur, which casts doubt on the effectiveness of the entire penitentiary system of the country.

In this article, the author has conducted a comprehensive analysis of the system of

© Некрасов И.С., 2025

© Nekrasov I.S., 2025

causes and conditions that determine the commission of penitentiary crimes by convicts in places of deprivation of liberty. The criteria of the most vulnerable category of convicts were also considered. The most urgent problem associated with a decrease in the level of operational investigative work in the operational units of the PES.

Keywords: employee, PES, operative officer, operational-search activity, crime, convicts.

Преступления, совершаемые в исправительных учреждениях, на сегодняшний день являются серьезной проблемой для уголовно-исполнительной системы. Преступные действия, совершаемые в местах лишения свободы, угрожают жизни и здоровью, как осужденных, так и работников пенитенциарных учреждений. Преступления в местах лишения свободы носят специфический характер: осужденные не могут совершать большинство преступлений (например, должностные), но, в противовес, есть преступления, которые могут быть совершены только в тюрьме (например, побег) [1, с.19].

Развитие пенитенциарной преступности в свою очередь является достаточно актуальной проблемой уголовно-исполнительного законодательства, а также в криминологическом аспекте. Изучение причин и условий совершения пенитенциарных преступлений является важной задачей не только для уголовно-исполнительного законодательства, но также и для реализации сотрудниками УИС своей практической деятельностью.

Осужденные, содержащиеся в местах лишения свободы, являются своеобразным носителем, который содержит в себе антисоциальные привычки, а также склонности к олицетворению криминальной субкультуры. В пенитенциарных учреждениях данное зачастую выражается в невыполнении осужденными своих обязанностей предписанные уголовно-исполнительным законодательством Российской Федерации, а также в паразитическом образе жизни, что также выражается в неуважительном отношении как к сотрудникам уч-

реждения, так и к остальным осужденным. В данном аспекте также следует обратить внимание на присущие взгляды и убеждения осужденного, которые будут являться связующим в формировании его поведения и отношением к правовым нормам [2, с.22].

Процесс исправления, как и причины пенитенциарной преступности, во многом зависят от условий, существующих в пенитенциарных учреждениях, а также от факторов, способствующих совершению преступлений среди осужденных. Эти факторы можно разделить на две категории:

- общие, постоянные и объективные, которые трудно преодолеть;
- временные, преходящие, которые подлежат устраниению.

Основополагающими факторами, которые по своей сущности оказывают объективное воздействие на динамику пенитенциарной преступности, возможно отметить изменчивость состава осужденных. При организованной оперативной работе по устранению факторов и причин, вызывающих у осужденных негативные личностные вспышки возможно полностью устраниить данный организационный проблем. Для достижения рассматриваемого нами аспекта необходимо выявить вышеупомянутые нами категории факторов и вследствие предпринять необходимые меры по их устраниению.

Деятельность в области практического анализа способствует выявлению одной из ключевых причин преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, а именно этнического расхождения. Часто среди таких осужденных находятся лица, осужденные за терроризм и экстрем-

мизм. Мотивы, побуждающие осужденных, причастных к террористической и экстремистской деятельности, можно классифицировать следующим образом: (рис. 1).

Рис 1. «Мотивы, которые побуждают осужденных террористов и экстремистов к совершению пенитенциарных преступлений».

Изучение осужденных за терроризм и экстремистскую деятельность показало ряд закономерностей в их профиле.

Рис 2. «Состояние осужденных при совершении пенитенциарных преступлений».

Рис 3. «Уровень образования осужденных, совершивших пенитенциарные преступления».

Рис. 4. «Возрастная структура осужденных, совершивших пенитенциарные преступления».

85% осужденных за преступления террористической и экстремистской направленности – это молодые люди в возрасте от 19 до 45 лет.

Данные исследования позволяют сделать вывод о том, что осужденные за терроризм и экстремизм в большинстве своем – это молодые люди с невысоким уровнем образования.

Данная категория лиц является самостоятельной группой среди «арестантских» течений. Данные лица относятся к наиболее сложной категории осужденных ввиду того, что имеют свои религиозные понятия, на основании которых выстраивается их жизнь. Поэтому данные осужденные подвергнуты подробному рассмотрению.

К причинам и условиям совершения пенитенциарных преступлений относятся:

1. Социальная изоляция и депривация . (результатом образования данной причины является длительное нахождение в условиях изоляции от общества).

2. Нестабильность психологического состояния осужденных, следствием данного состояния является стресс, депрессия, тревожность и некоторые иные психологические отклонения.

3. Интернационализация пенитенциарной преступности.

4. Влияние микроклимата на поведение осужденного (воздействие на лич-

ность осужденного криминальной субкультуры) [4, с.44].

Рассмотрев общие причины совершения пенитенциарных преступлений возможно определить то, что в данном случае их появление базируется на основе внутренних убеждений осужденного, а также явно прослеживаются аспекты в недостаточности и низкой эффективности служебной деятельности сотрудников исправительных учреждений в работе по пресечению пенитенциарных преступлений.

В рассмотренном нами аспекте следует отметить, что ответственным за устранение перечисленных нами причин и условий совершения пенитенциарных преступлений является деятельность оперативно-розыскных подразделений исправительного учреждения, которые в свою очередь обязаны предпринять меры к их устранению. Выявление таковых причин и факторов на основе негласного аппарата является зачастую одним из актуальных и действенных способов. Организация создания и действия негласного аппарата сотрудниками оперативных подразделений УИС должна строиться наочно разработанном механизме имеющим методическую основу подкрепленную уже успешным практическим опытом. Если указанное нами выше не будет своевременно совершенствоваться, то по своей сущности слабая эффективность агентурного аппарата

приведет к дестабилизации оперативной работы в исправительном учреждении.

В свою очередь, недостатками деятельности оперативных сотрудников УИС по устраниению причин и условий совершения пенитенциарных преступлений является:

1. Несвоевременное предоставление информации о готовящихся преступных посягательствах от конфидентов в ведение оперативно-розыскного подразделения.

2. Недостаточное использование ресурсного обеспечения возможностей конфидентов, вызванное недостаточной теоретической и практической базы в подготовке конфидентов с потенциальными пенитенциарными преступниками.

3. Низкие деловые качества конфидентов являются результатом поверхностного изучения лиц, привлекаемых к негласному сотрудничеству, слабой воспитательной работы с конфидентами [5, с.86].

В силу перечисленных недостатков оперативно-розыскной деятельности в работе с конфидентами по пресечению совершения пенитенциарных преступлений считаем необходимым создания методического обеспечения для пользования в практике сотрудниками оперативно-розыскных подразделений для повышения уровня компетентности конфидентов. Вследствие указанного методические рекомендации должны в себе содержать:

1. Планирование работы для сотрудников оперативных подразделений с конфидентами.

2. Основные элементы проработки внедрения в доверие к потенциальным пенитенциарным преступникам.

3. Основные обязанности оперативных сотрудников в работе с конфидентами.

4. Правила конфидентов в работе по внедрению в преступные пенитенциарные группировки.

5. Методические указания для сотрудников оперативных отделов по воспитанию конфидентов и выработке «профессиональных личностных навыков» работы под прикрытием.

На основе выше изученного теоретического и практического материала пенитенциарной деятельности по устраниению причин и условий совершения пенитенциарных преступлений возможно сделать несколько основополагающих выводов:

1. Пенитенциарные преступления вызваны присутствием причин и условий имеющих место быть в исправительных учреждениях даже на этапе реформирования уголовно-исполнительной системы.

2. Наличие причин и условий совершения пенитенциарных преступлений вызвано нескорректированной работой агентурного аппарата, который находится в ведении оперативно-розыскного подразделения.

3. Недостаточность проведения профилактической работы с подучётными лицами ведет к совершению новых преступлений на территории исправительного учреждения, данное вызвано кадровым голодом, а также некоторыми недостатками методического обеспечения по работе с конфидентами.

Все вышеперечисленные нами причины, условия и факторы совершения пенитенциарных преступлений затрудняют осуществления эффективной деятельности оперативных подразделений по осуществлению деятельности, направленной на предупреждение и пресечение совершения новых преступлений.

Литература

1. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2016. – 880 с.

2. Епифанов С.С. Актуальные причины и условия, способствующие совершению

преступлений в исправительных учреждениях, и нейтрализация их оперативными подразделениями / С.С. Епифанов, А.Н. Журавлев, Р.Р. Шерхов // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 9 (177). – С. 111–115.

3. Зиньков Е.Н. Организация деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по предупреждению преступлений и правонарушений // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 5 (31). – С. 20–24.

4. Мошков Т.А. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (сравнительно-правовой аспект) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – М., 2010. – С. 42–47.

5. Оганесян С.С. Проблемы правового восприятия явлений терроризма и экстремизма в разных ментальных цивилизациях: общетеоретические и историко – философские аспекты / С.С. Оганесян, Т.А. Хаади // Пенитенциарная наука. – 2021. – С. 84–89.

6. Соснин Н.Г. Причины и условия совершения преступлений в местах лишения свободы // Молодой ученый. – 2021. – № 48 (390). – С. 342–348.

References

1. *Antonyan Yu.M. Kriminologiya: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata*. 3-е izd., pererab. i dop. – М., 2016. – 880 с.

2. *Epifanov S.S. Aktual'nye prichiny i usloviya, sposobstvuyushchie soversheniyu prestuplenij v ispravitel'nykh uchrezhneniyakh, i nejtralizatsiya ikh operativnymi podrazdeleniyami* / S.S. Epifanov, A.N. Zhuravlev, R.R. Sherkhov // *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. – 2019. – № 9 (177). – S. 111–115.

3. *Zin'kov E.N. Organizatsiya deyatel'nosti operativnykh podrazdelenij ugolovno-ispolnitel'noj sistemy po preduprezhdeniyu prestuplenij i pravonarushenij* // *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. – 2018. – № 5 (31). – S. 20–24.

4. *Moshkov T.A. Dezorganizatsiya deyatel'nosti uchrezhdenij, obespechivayushchikh izolyatsiyu ot obshchestva (sравнительно-правовой аспект)* // *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke*. – М., 2010. – S. 42–47.

5. *Oganesyan S.S. Problemy pravovogo vospriyatiya yavlenij terrorizma i ekstremizma v raznykh mental'nykh tsivilizatsiyakh: obshcheteoreticheskie i istoriko – filosofskie aspekty* / S.S. Oganesyan, T.A. Khaadi // *Penitentsiarnaya nauka*. – 2021. – S. 84–89.

6. *Sosnin N.G. Prichiny i usloviya soversheniya prestuplenij v mestakh lisheniya svobody* // *Molodoj uchenyj*. – 2021. – № 48 (390). – S. 342–348.

Сведения об авторе

Некрасов Иван Сергеевич: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности. E-mail: Vanek-Nekrasov93@mail.ru.

Information about the author

Nekrasov Ivan Sergeevich: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation), lecturer of the Department of Organization of Operational Investigative Activities. E-mail: Vanek-Nekrasov93@mail.ru.

М. В. Прохорова, К. В. Каратников, Н. С. Ковалев, Ш. Г. Хажикулов

**О СОДЕРЖАНИИ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА
КАК ПРИНЦИПА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья посвящена рассмотрению одного из самых «спорных» принципов права в целом, и уголовно-исполнительного законодательства в частности. На протяжении многих лет и в самых различных отраслях науки принцип гуманизма рассматривался учеными юристами, философами, психологами, социологами по-разному. Его содержание трактовалось от «всеобщего всепрощения» до «улучшения материально-бытового содержания». В связи с этим, авторами статьи предпринята попытка проведения детального анализа понятия и содержания категорий «принцип», «гуманизм», их понимания в различных областях науки, закона и практики. Авторами указывается, что основополагающие идеи гуманизма находят отражение в принципах, лежащих в основе системы исполнения уголовных наказаний. Прежде всего, это безоговорочное признание и соблюдение прав и свобод лиц, отбывающих наказание, а также обеспечение их безопасности от любых форм бесчеловечного обращения, включая пытки, насилие, унижение достоинства. Отмечается, что принцип гуманизма, являющийся неотъемлемой частью международных стандартов прав человека, находит свое юридическое оформление в уголовно-исполнительном праве посредством совокупности норм, регулирующих процесс исполнения и отбывания наказаний.

Ключевые слова: принцип, уголовно-исполнительное законодательство, гуманизм, гуманность, право.

М. В. Prokhorova, К. В. Karetnikov, Н. С. Kovalev, Sh. G. Khazhikulov

**ON THE CONTENT OF THE PRINCIPLE OF HUMANISM
AS A PRINCIPLE OF THE PENAL ENFORCEMENT LEGISLATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article is devoted to the consideration of one of the most «controversial» principles of law in general, and penal enforcement legislation in particular. Over the years, and in various branches of science, the principle of humanism has been viewed by scientists, lawyers, philosophers, psychologists, and sociologists in different ways. Its content ranged from «universal forgiveness» to «improvement of material and household maintenance». In this regard, the authors of the article attempted to conduct a detailed analysis of the concept and content of the categories «principle», «humanism», and their understanding in various fields of science, law, and practice. The authors point out that the fundamental ideas of humanism are reflected in the principles underlying the system of execution of criminal penalties. First of all, it is the unconditional recognition and observance of the rights and freedoms of persons serving sentences, as well as ensuring their safety from any form of inhuman treatment, including torture, violence, and humiliation. It is noted that the principle of humanism, which is an integral part of international human rights standards, finds its legal formalization in penal enforcement law

© Прохорова М.В., Каратников К.В., Ковалев Н.С., Хажикулов Ш.Г., 2025

© Prokhorova M.V., Karetnikov K.V., Kovalev N.S., Khazhikulov Sh.G., 2025

through a set of norms governing the execution and serving of sentences..

Keywords: principle, penal enforcement legislation, humanism, humanity, law.

Исследование содержания принципа гуманизма неотрывно связано с определением сущности самого понятия «принцип». В переводе с латинского термин «принцип» соотносится с первоначальной, основополагающей идеей или исходным положением чего-либо [20, с. 515].

Изучение данного явления требует междисциплинарного подхода, поскольку принципы представляют собой фундаментальные концепции, обладающие сложной, многоаспектной природой, их сущность трудно определить в рамках единой узкой специализации.

В свете вышесказанного, становится актуальным всестороннее рассмотрение понятия с позиций этимологии, философии, психологии – как индивидуальной, так и социальной, экономики и юриспруденции.

Вполне закономерно, что различные области научного знания применяют отличающиеся методы для исследования и интерпретации понятия «принцип», акцентируя внимание на его существенных свойствах, рассматривая в различных ситуациях и масштабах. Подобная разносторонность позволяет обнаружить как специфические особенности, так и общие закономерности изучаемого феномена.

Термин «принцип», имеющий свое происхождение от латинского *«principium»*, как правило, понимается как: «основа», «начало», «направляющая мысль» или «главное правило поведения». В соответствии с устоявшимся общепринятым употреблением, термин «принцип» определяет ключевое, исходное положение в конкретной теории, идеологии или научной области. Он также может отражать фундаментальные свойства конструкции прибора, механизма или системы, а также личную веру, которая формирует восприятие человеком мира. Языковеды также разделяют

подобное толкование понятия «принцип». Таким образом, в значении «первичного положения», «убеждений» или «мировоззрения», рассматриваемый термин используется в своем обычном понимании [26, с. 7].

В философии «принцип» выступает в качестве фундамента познания явлений, формулирующего их закономерности [8, с. 6]. Определение принципа связывается с его ключевыми характеристиками – это отправная точка или предпосылка любой теории или концепции. Тем самым принцип представляет собой четко сформулированное теоретическое положение, отражающее свойственные для всех общие закономерности и являющееся ключевым условием для дальнейших исследований в различных областях науки [8, с. 7].

Важность представленных определений трудно переоценить. В первую очередь, они не ограничивают понятие «принципа» лишь «началом» или «основой», а подчеркивают его более глубокий смысл – «первоначало», «основоположение». Во-вторых, в качестве «принципа» могут выступать различные сущности, объединенные общим смыслом, например, «определяющая идея», «базовое положение», «основное правило» или «отправной пункт». Кроме того, эти явления имеют ограниченный охват, касаясь конкретных аспектов и являясь основой для определенной теории или концепции.

Сегодня слово «принцип» встречается во многих сферах деятельности людей, и его первоначальное значение – основа, отправная точка – по-прежнему актуально. Вместе с тем, для обозначения закономерностей, управляющих миром, чаще употребляется термин «закон» «или «закономерность».

Понятие «принцип» многогранно и интерпретируется по-разному. Необходи-

мо отличать его объективную сущность, которая отображает естественные или общественные закономерности, от субъективного его значения. Объективно принцип выступает как неотъемлемое следствие природных или социальных законов, его содержание неизменно. Для отдельного человека принцип действует как ориентир, определяющий его поступки и поведение. Приверженность собственным принципам, или принципиальность, является фундаментальной человеческой добродетелью, отражающей непоколебимость убеждений и жизненных установок, а также решимость в достижении поставленных целей [11, с. 7].

Несмотря на философские определения понятия «принцип», ученые до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, что такое «принцип права». Обширный массив научной литературы, посвященной исследованию правовых принципов, демонстрирует существование нескольких подходов в их определении. Так, в советской науке принципы права рассматривались в качестве базовых нормативных ориентиров и ключевых идей, которые отражали саму сущность права, и на которых зиждилась вся правовая система [4, с. 31].

При определении принципов как основополагающих постулатов права некоторые ученые обращали особое внимание на их объективную природу, которая находила свое начало в закономерностях объективного общественного развития. Так, С. М. Братусь считал, что принцип права устанавливает закономерности, которые характерны для определенного социального явления или общественной жизни в целом [7, с. 48].

Разделяя данную точку зрения, Г. С. Яковлев указывал на специфику принципов государственного управления, заключающуюся в том, что они тесно соприкасаются с политическими и организационными закономерностями, отражающимися в действующем законодательстве

[9, с. 34].

Для Т.А. Ковачева «принцип» представлял собой «...осмысленную закономерность, отражающую развитие объективной реальности» [13, с. 176].

Все вышеназванные точки зрения нашли отражение, в частности, в труде В. Н. Кудрявцева, который писал, что принципы права – «это такие начала, которые отражают важнейшие закономерности и устои общественно-экономической формации...» [15, с. 14-16].

В числе исследователей, стремившихся раскрыть сущность правовых принципов понятия «закон, закономерность», был Д. А. Ковалев. Он выдвинул предложение о формулировании определения «конституционного принципа» следующим образом: «... это объективно существующая политическая и кибернетическая закономерность, а также закономерность самой правовой материи, которая нашла выражение в определенной системе конституционных институтов, направленной на обеспечение свободного ее действия» [12, с. 73].

В рамках второго подхода существовали совсем другие определения принципа права, так А. Е. Лунев определял принципы права как «основные теоретические идеи, отражающие объективные закономерности развития общества и государства» [16, с. 40]. В. Н. Хропанюк также считал, что «принципы права, - это основные исходные положения, юридически закрепляющие объективные закономерности общественной жизни» [32, с. 205].

Анализ различных точек зрения о понятии и сущности термина «принцип права» позволяет сформулировать следующее: принцип это фундаментальные нормативно-руководящие начала, которые служат выражением не только имманентных свойств права и закономерностей его исторического развития, но и, в той или иной мере, разнообразных компонентов правовой системы, включая правосознание, правовую культуру и юридическую практику, а также многообразных аспектов

общественной жизни, которые они призваны регулировать.

Согласно современной общей теории государства и права, принципы права – это, по сути, ключевые идеи, обладающие особым статусом. Они выступают как основополагающие начала и положения, раскрывающие суть права как специфического социального регулятора [18, с. 111]; ключевые доктрины, лежащие в основе права и раскрывающие его глубинное содержание [31, с. 122]; основные положения, описывающие сущность права, его содержание и общественное предназначение [17, с. 186]; основополагающие идеи (начала), лежащие в основе правовой системы, определяют ее сущностное содержание [30, с. 186]; основные принципы, формирующие концепцию правового регулирования общественных отношений [5, с.11].

Однако, по справедливому замечанию С. С. Алексеева, «...если принципы не выражены в содержании права, то они являются элементами правовой идеологии» [1, с. 98]. В отличие от всех иных правовых идей, образующих сферу правосознания, принципы права «напрямую входят в материю права, обогащают ее, с весьма существенными сторон характеризуют ее содержание, а в этой связи – степень ее развитости, совершенства» [2, с. 205].

По мнению В. Н. Карташова, принципы права представляют собой фундаментальные, обязательные установки, которые служат вектором развития правового регулирования. Принципы права формируются под воздействием научного и практического опыта и играют важную роль в формировании главенствующей юридической идеологии. [9, с. 75].

Е. Г. Комисарова признавая «идею» неотъемлемым свойством правового принципа, тем не менее, считает, что одного лишь аспекта недостаточно для полного описания данных феноменов правовой деятельности. Для наделения принципа нормативным статусом она предлагает руководствоваться следующими положениями.

Во-первых, приданье принципу статуса обязательного правила через его правовое оформление позволяет четко отделить его от иных идей, взглядов или представлений. Это, в свою очередь, исключает возможность произвольного, субъективного толкования его содержания. Показатели такого правового оформления служит его закрепление в письменной форме, в тексте нормативного акта. Во-вторых, значение принципа как правила поведения раскрывается в его взаимосвязи и взаимодействии с другими нормативными принципами и конкретными нормами права. Это означает, что содержание каждого принципа должно рассматриваться не обособленно, а в контексте всей совокупности правовых норм, где они взаимообусловлены [14, с. 8].

Следовательно, имплементация правовых принципов в законодательстве является обязательной. Именно в таком формате, во-первых, формируют своего рода систему ориентиров, которая служит первоочередным инструментом для законодателя при выработке правовых норм, во-вторых – становятся более осозаемым явлением для правоприменителей, в-третьих – способствуют правовому просвещению населения, в-четвертых – служат ориентиром для органов и лиц, осуществляющих толкование правовых норм. Наконец, в-пятых, анализ этих явлений позволяет сформировать и аргументировать систему основополагающих идей, отражающих содержательную природу права и его сущностные характеристики, что в свою очередь, дает возможность разработать и обосновать предложения по совершенствованию законодательства.

Анализ исторического развития понятия «принцип права» демонстрирует консенсус относительно его фундаментального значения. В основе всех трактовок лежат ведущие, основополагающие положения, служащие руководящими идеями, которые формируют общую направленность и определяют наиболее существенные характеристики содержания правового регу-

лирования. Наше понимание принципов права сводится к тому, что они представляют собой основополагающие правовые концепции, которые раскрывают сущность права, задают вектор его содержания и пронизывают его на всех уровнях. Характерной чертой принципов права является их дуалистическая природа: они выступают как абстрактные правовые идеи, так и конкретные правовые предписания, которые либо непосредственно закреплены в правовых нормах, либо неявно следуют из их толкования.

При изучении основ (принципов) уголовно-исполнительного права необходимо подчеркнуть их тесную взаимосвязь и взаимозависимость. Каждый принцип, по своей сути, выступает как элемент, объединяющий другие. Следовательно, некорректно выделять преобладающую или второстепенную значимость отдельных принципов и их вклад в формирование фундаментальных концепций уголовно-исполнительного законодательства по сравнению с другими. При этом, каждый из них имеет свою цель и значение. Так, принципы законности, гуманизма, демократизма, равенства осужденных перед законом, дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний ориентированы на обеспечение обязанностей, прав, свобод и законных интересов осужденных и частной превенции, а принципы рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных, стимулирования их правопослушного поведения, соединения наказания с исправительным воздействием позволяют достичь цели «исправления» осужденных. Стоит отметить, что реальная действенность комплекса принципов напрямую зависит от их возможности гармонично сочетаться и усиливать действие друг друга.

Однако, примечательно, что эффективное действие системы принципов неразрывно связано с их способностью взаимодополнения друг друга.

В юридической науке принципы

принято разделять на общеправовые, межотраслевые и отраслевые. Под общеправовыми принципами понимаются исходные начала для права в целом и его отдельных отраслей. Такие принципы закрепляются Конституцией Российской Федерации, а отражаясь в нормах разных отраслей права получают свое специфическое выражение. В частности, к общеправовым принципам в уголовно-исполнительном праве относят принципы законности, гуманизма, демократизма и равенства осужденных перед законом.

Гуманизм, имеющий происхождение от латинского слова «*humanus*» представляет собой человечный принцип мировоззрения, ставящий в центр человека. Его основой является непоколебимая вера в безграничный потенциал человеческой личности и ее способность к непрерывному развитию и самосовершенствованию. Этот принцип также настаивает на абсолютной необходимости обеспечения свободы и неукоснительной защиты достоинства каждого индивида, утверждая неотъемлемое право человека на достижении счастья [27, с. 39]. В словаре русского языка С. И. Ожегов определил гуманизм как гуманность, человечность в общественной деятельности, в отношении к людям [20, с. 87].

Гуманизм представляет собой мировоззренческую парадигму, сформировавшуюся под влиянием исторических закономерностей. В его основе лежит признание неотъемлемой ценности личности, не зависящей от каких-либо внешних обстоятельств, и понимание человека как субъекта, активно формирующего собственную реальность. Данная система взглядов также отвечает общественным ожиданиям относительно роли и места человека в социуме, а его саморазвитие, основанное на принципах внутренней регуляции, рассматривается как фундаментальный фактор, способствующий поступательному развитию всей общественной системы [22, с. 72-73].

Истоки гуманистической мысли

уходят корнями в античную Грецию. Знаменитое изречение Хилона «познай себя», призывающее к самопознанию, послужило мотиватором для Сократа, побудив его к глубокому исследованию человеческого бытия и осмыслинию собственных поступков. Для эллинов свобода личности являлась абсолютным приоритетом, а вопросы прав народа занимали важное место в трудах античных правоведов [29].

Однако своего расцвета гуманизм достиг в эпоху «философов свободы». Так фундаментом правовой теории И. Канта являлись нравственный закон, свобода воли и правовое равенство: «Относись ко вся кому человеку как к цели, никогда как к средству» [3, с. 503]. В основе его категорического предписания лежала фундаментальная гуманистическая концепция: «Поступай так, чтобы максима твоей воли всегда могла быть принята за основу всеобщего законодательства» [23, с. 47].

В центре внимания экзистенциализма как философского направления находится человек, что предопределило гуманистическую направленность разрабатываемых им концепций. Экзистенциальная философия, акцентируя внимание философского анализа на индивидууме, утверждает приоритет гуманистических ценностей в своих теоретических рамках. В контексте своей философии, где центральное место занимает уникальность человека, Жан-Поль Сартр считал, что «это гуманизм, поскольку мы напоминаем человеку, что нет другого законодателя, кроме него самого ... показываем, что реализовать себя по-человечески человек может не путем погружения в самого себя, но и в поиске цели вовне...» [25, с. 343 - 345].

Исходя из вышесказанного, гуманизм, как философская концепция, находит свое воплощение в межличностных взаимодействиях и общественных связях. В рамках этой структуры проявляется индивидуальное и коллективное сознание, которое в свою очередь, организует социальные структуры и регулирует все формы челове-

ческого поведения. Философская проблематика гуманизма сводится к осмыслинию человека: его природы, цели существования, положения в обществе, а также его свободы и ценностных ориентиров.

В рамках правовой теории исследование вопросов гуманизма демонстрировало последовательное развитие. Можно утверждать, что научные позиции по данной тематике не только проявляли существенное сходство, но и взаимодополняли друг друга.

По мнению исследователей, гуманизм, выступая в качестве фундаментального морально-правового принципа, проявлялся в приоритете интересов личности и гражданина при разработке и применении правовых норм, а также при вынесении судебных решений [6, с. 52]. Кроме того, гуманизм – это человеколюбие не только к одному индивиду, а прежде всего ко всем членам общества [10, с. 34-34].

По мнению В. Д. Попкова «...в собственном (узком) смысле слова гуманизм есть отношения между обществом и человеком, между коллективом и отдельными личностями, индивидами, проникнутые человеколюбием, уважением достоинства человека. В этико-психологическом плане одним из проявлений гуманизма является великодушие, добросердечность, снисхождение, то есть то, что обычно понимают как гуманность» [24, с. 66]. Представленное определение идеально соответствует пониманию принципа гуманизма в уголовно-исполнительном праве и уголовно-исполнительной политике, который включает в себя три ключевых аспекта: обеспечение безопасности общества и граждан от преступных посягательств, персонализированное исполнение наказания и активную работу по исправлению осужденных с применением гуманных мер воспитательных средств [33, с. 97]. По мнению Б. С. Никифорова принцип гуманизма выражается «в минимуме и мягкости репрессий, совместимыми с задачами охраны общества и членов общества ... от престу-

плений и преступников» [19, с. 66].

В. А. Уткин считает, что «гуманизм отнюдь не означает всепрощенства, огульной «либерализации» законодательства и практики. Строгость режима исполнения (отбывания) наказания может даже усиливаться (в особенности в части мер надзора и безопасности). Но подобные меры не должны вести к разрушению человеческого в человеке, подрывать здоровье осужденного, превращать его в « заводной апельсин», в объект манипулирования» [28, с. 59].

Принцип гуманизма наиболее отчетливо проявляется в гарантиях безопасности лиц, отбывающих наказание. Осужденные обладают неотъемлемым правом на личную неприкосновенность в течение всего срока отбывания наказания. Согласно ст. 3 УИК РФ практика применения уголовно-исполнительного законодательства основывается на строгом соблюдении гарантий защиты от пыток, насилия и другого жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения с осужденными. Международные договоры имеют на территории Российской Федерации первостепенное значение, в частности речь идет о Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948г.; Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., Правила Нельсона Мандэлы принятые генеральной Ассамблеей ООН.

Положения принципа гуманизма прослеживаются и в организации пенитенциарных учреждений, в правовом положении осужденных и в условиях и порядке исполнения и отбывания наказаний. В последнем случае, наиболее значимыми, наряду с условиями отбывания наказания, являются воспитательные мероприятия,

социально-полезная деятельность и профессиональное обучение.

Соответственно рассматриваемому принципу жилищно-бытовые условия осужденных должны соответствовать правилам санитарии и гигиены, нормы питания – обеспечивать нормальную жизнедеятельность организма, нормы питания дифференцируются в зависимости от таких факторов, как климатические условия, расположение исправительных учреждений, характер выполняемой осужденными работы, их отношения к труду и т.д.

Таким образом, гуманистическая теория в системе исполнения уголовных наказаний проявляется в ряде основополагающих принципов. К ним относится, в первую очередь, безусловное уважение прав и свобод осужденных, а также гарантия их защиты от любых проявлений жестокости, пыток, насилия и унижения человеческого достоинства. Кроме того, гуманизация условий отбывания наказания является важной составляющей данного принципа. Уголовно-исполнительное законодательство стремится к созданию более человечных условий, учитывающих потребности и особенности каждого осужденного. Индивидуализация и дифференциация исполнения наказаний также способствуют реализации принципа гуманизма. Разные виды наказаний могут быть адаптированы к конкретным обстоятельствам и характеристикам личности преступника, что позволяет достичь более эффективной ресоциализации.

Принцип гуманизма в уголовно-исполнительном законодательстве находит свое отражение в комплексе норм, направленных на реализацию человечности и уважения к личности осужденного в процессе исполнения наказания, что соответствует международным стандартам прав человека.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х т. – Т.1. – М., 1981. – 317 с.
2. Алексеев С.С. Избранное. – М., 2003. – 385 с.
3. Антология мировой правовой мысли. В 5 т. – М., 1999. – Т.3. – 829 с.

-
4. *Батыгин К.С.* Основные принципы советского социального страхования // Советское социальное страхование: Учебное пособие для высших профсоюзных школ. – М., 1985. – 367 с.
 5. *Бобылев А.И.* Теоретические проблемы правового регулирования // Право и политика. – 2002. – № 8. – С.10–16.
 6. *Борисов В.В.* Правовой порядок развитого социализма. – Саратов, 1977.– 408 с.
 7. *Братусь С.М.* Предмет и система гражданского права // Правоведение. – 1960. – № 1. – С.47–55.
 8. *Добровольская Т.Н.* Принципы советского уголовного процесса. – М., 1971. – 200 с.
 9. *Карташов В.Н.* Принципы права // Общая теория государства и права: Академический курс: В 3-х т. / Отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 2002. – Т.2. – 304 с.
 10. *Квашин В.Е.* Гуманизм советского уголовного права. – М., 1969.– 150 с.
 11. *Келина С.Г.* Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. – М.,1988. – 176 с.
 12. *Ковалев Д.А.* Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права. – 1997. – № 9. – С.71–77.
 13. *Ковачев Т.А.* Механизмы правотворчества социалистического государства (понятие и принципы) // Проблемы совершенствования советского законодательства. – Труды ВНИИСЗ. – М, 1974. – Том 1. – 385с.
 14. *Комисарова Е.Г.* Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: автореф. дис. д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 28 с.
 15. *Кудрявцев В.Н.* Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи. – М., 1986. – Книга 1. – 367 с.
 16. *Лунев А.Е.* Принципы государственного управления // Государственное и административное право. Учебник. – М., 1978. – 186 с.
 17. *Леушин В.И.* Принципы права // Теория государства и права / Под. ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М., 2002. – 384 с.
 18. *Малько А.В.* Теория государства и права. – М., 2001. – 245 с.
 19. *Никифоров Б.С.* Вопросы уголовного права // Советское государство и право. – 1963. – № 4. – С. 66–70.
 20. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / Под. Ред. Н.Ю. Шведовой. – М., 1984. – 645 с.
 21. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. –М.: Русский язык, 1988.– 800 с.
 22. *Панфилова Т.В.* Понятие гуманизма и проблема его развития // Гуманизм на рубеже тысячелетий. – М., 1997. – С.72–73.
 23. *Петросян М.И.* Гуманизм (опыт философско-эстетического и социологического исследования проблемы). – М.,1964. – 335 с.
 24. *Попков В.Д.* Гуманизм советского уголовного права. – М., 1972. – 160 с.
 25. *Сартр Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М., 1989. – 420 с.
 26. *Свердлов Г.А.* Принципы гражданского права. – Красноярск, 1985. – 200 с.
 27. Словарь по этике. – М.: Политиздат, 1985. – 447.
 28. *Уткин В.А.* Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть. – Томск: Изд-во Томск. ун-та.1995. – 94 с.
 29. *Федорова Т.Д.* Гуманизм как проблема философии. – Саратов, 2000. – 155 с.
 30. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права. – М., 2002. – 432 с.
 31. *Цыбулевская О.И.* Принципы права // Теория государства и права: Курс лекций

- / Под. ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – Саратов, 1995. – 245 с.
32. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. – М., 1997. – 381 с.
33. *Шмаров И.В.* Гуманизм советской исправительно-трудовой политики // К новой жизни. – 1969. – № 4. – С.97–102
34. *Яковлев Г.С.* Аппарат управления: принципы организации. – М., 1974. – 145 с.

References

1. *Alekseev S.S.* Obshchaya teoriya prava: V 2-kh t. – T.1. – М., 1981. – 317 s.
2. *Alekseev S.S.* Izbrannoe. – М., 2003. – 385 s.
3. *Antologiya mirovoj pravovoj mysli.* V 5 t. – М.,1999. – T.3. – 829 s.
4. *Batygin K.S.* Osnovnye printsipy sovetskogo sotsial'nogo strakhovaniya // Sovetskoe sotsial'noe strakhovanie: Uchebnoe posobie dlya vysshikh profsoyuznykh shkol. – М.,1985. – 367 s.
5. *Bobylev A.I.* Teoreticheskie problemy pravovogo regulirovaniya // Pravo i politika. – 2002. – № 8. – S.10–16.
6. *Borisov V.V.* Pravovoj poryadok razvitogo sotsializma. – Saratov, 1977.– 408 s.
7. *Bratus' S.M.* Predmet i sistema grazhdanskogo prava // Pravovedenie. – 1960. – № 1. – S.47–55.
8. *Dobrovolskaya T.N.* Printsipy sovetskogo ugolovnogo protsessa. – М., 1971. – 200 s.
9. *Kartashov V.N.* Printsipy prava // Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: Akademicheskij kurs: V 3-kh t. / Otv. red. M.N. Marchenko. – М., 2002. – T.2. – 304 s.
10. *Kvashis V.E.* Gumanizm sovetskogo ugolovnogo prava. – М., 1969.– 150 s.
11. *Kelina S.G.* Printsipy sovetskogo ugolovnogo prava / S.G. Kelina, V.N. Kudryavtsev. – М.,1988. – 176 s.
12. *Kovalev D.A.* Konstitutsionnyj printsip: ego ponyatie, real'nost' i fiktivnost' // Zhurnal rossijskogo prava. – 1997. – № 9. – S.71–77.
13. *Kovachev T.A.* Mekhanizmy pravotvorchestva sotsialisticheskogo gosudarstva (ponyatie i printsipy) // Problemy sovershenstvovaniya sovetskogo zakonodatel'stva. – Trudy VNIISZ. – М, 1974. – Tom 1. – 385s.
14. *Komisarova E.G.* Printsipy v prave i osnovnye nachala grazhdanskogo zakonodatel'stva: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2002. – 28 s.
15. *Kudryavtsev V.N.* Pravovaya sistema sotsializma: ponyatie, struktura, sotsial'nye svyazi. – М., 1986. – Kniga 1. – 367 s.
16. *Lunev A.E.* Printsipy gosudarstvennogo upravleniya // Gosudarstvennoe i administrativnoe pravo. Uchebnik. – М., 1978. – 186 s.
17. *Leushin V.I.* Printsipy prava//Teoriya gosudarstva i prava / Pod. red. V.M. Korel'skogo i V.D. Perevalova. – М., 2002. – 384 s.
18. *Mal'ko A.V.* Teoriya gosudarstva i prava. – М., 2001. – 245 s.
19. *Nikiforov B.S.* Voprosy ugolovnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1963. – № 4. – S. 66–70.
20. *Ozhegov S.I.* Slovar' russkogo yazyka / Pod. Red. N.Yu. Shvedovoij. – М., 1984. – 645 s.
21. *Ozhegov S.I.* Slovar' russkogo yazyka. –M.: Russkij yazyk, 1988.– 800 s.
22. *Panfilova T.V.* Ponyatie gumanizma i problema ego razvitiya // Gumanizm na rubezhe tysyacheletij. – М., 1997. – S.72–73.
23. *Petrosyan M.I.* Gumanizm (opyt filosofsko-esteticheskogo i sotsiologicheskogo issledovaniya problemy). – М.,1964. – 335 s.
24. *Popkov V.D.* Gumanizm sovetskogo ugolovnogo prava. – М., 1972. – 160 s.

-
25. *Sartr Zh.P. Ekzistentsializm – eto gumanizm* // *Sumerki bogov.* – M., 1989. – 420 s.
26. *Sverdlykh G.A. Printsipy grazhdanskogo prava.* – *Krasnoyarsk*, 1985. – 200 s.
27. *Slovar' po etike.* – M.: *Politizdat*, 1985. – 447.
28. *Utkin V.A. Kurs lektsij po ugolovno-ispolnitel'nomu pravu. Obshchaya chast'.* – Tomsk: *Izd-vo Tomsk. un-ta*. 1995. – 94 s.
29. *Fedorova T.D. Gumanizm kak problema filosofii.* – Saratov, 2000. – 155 s.
30. *Cherdantsev A.F. Teoriya gosudarstva i prava.* – M., 2002. – 432 s.
31. *Tsybulevskaya O.I. Printsipy prava // Teoriya gosudarstva i prava: Kurs lektsij / Pod. red. N.I. Matuzova i A.V. Mal'ko.* – Saratov, 1995. – 245 s.
32. *Khropanyuk V.N. Teoriya gosudarstva i prava.* – M., 1997. – 381 s.
33. *Shmarov I.V. Gumanizm sovetskoy ispravitel'no-trudovoy politiki // K novoj zhizni.* – 1969. – № 4. – S.97–102
34. *Yakovlev G.S. Apparat upravleniya: printsipy organizatsii.* – M., 1974. – 145 s.

Сведения об авторах

Прохорова Мария Владимировна: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), начальник кафедры организации исполнения наказаний; Юридический институт Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск, Российская Федерация), доцент кафедры уголовного права, кандидат юридических наук. E-mail: prohorova@rambler.ru.

Каретников Константин Викторович: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), начальник кафедры организации режима, кандидат юридических наук. E-mail: Kostya_385@mail.ru.

Ковалев Николай Сергеевич: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России (г. Новокузнецк, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры организации режима. E-mail: dddes2017@mail.ru.

Хажикулов Шухратжон Гайбуллаевич: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), преподаватель кафедры организации исполнения наказаний. E-mail: khazhikulovs@mail.ru.

Information about the authors

Prokhorova Maria Vladimirovna: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), Head of the Department of Organization of the Execution of Punishments; Law Institute of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Criminal Law, Candidate of Law. E-mail: prohorova@rambler.ru.

Karetnikov Konstantin Viktorovich: Federal State Educational Institution of Higher Education Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia), Head of the Department of Regime Organization, Candidate of Law. E-mail: Kostya_385@mail.ru.

Kovalev Nikolay Sergeevich: Federal State Educational Institution of Higher Education Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russia), Senior Lecturer, Department of Regime Organization. E-mail: dddes2017@mail.ru.

Khazhikulov Shuhratjon Gaybullaevich: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), Lecturer of the Department of Organization of Execution of Punishments. E-mail: khazhikulovs@mail.ru.

УДК 343

А. А. Рысёв

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ
ЗАПРЕЩЕННОЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО
ДВИЖЕНИЯ «АРЕСТАНТСКИЙ УКЛАД ЕДИН»,
ФУНКЦИОНИРУЮЩЕГО В УЧРЕЖДЕНИЯХ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме финансирования деятельности запрещенного в Российской Федерации Международного общественного движения «Арестантский уклад един» (далее – МОД АУЕ) в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее – УИС). Функционирование любого сообщества, организации или объединения, в частности, занимающегося противоправной деятельностью невозможно без привлечения в ее активы финансовых и иных средств. Анализ правоприменительной и судебной практики, а также научных исследований в области противодействия организованной преступности на территории исправительных колоний и следственных изоляторов показал, что лица совершающие действия, направленные на финансирование деятельности МОД АУЕ, зачастую становятся свидетелями по уголовным делам по ст. 210.1, 282.2 УК РФ, укрываясь от ответственности по ст. 282.3 УК РФ. В настоящем исследовании на основе проведенного анкетирования оперативных сотрудников УИС выявлена проблема установления и идентификации конкретного лица на раннем этапе совершения им преступления, связанного с финансированием МОД АУЕ. С учетом накопленного опыта в проведении исследований материалов по делам о преступной деятельности ячеек экстремистской организации АУЕ в местах лишения свободы, участия в качестве специалиста в судебных заседаниях по уголовным делам по ст. 210.1, 282.2, 282.3, 282.4 УК РФ, а также анализа судебной практики привлечения к уголовной ответственности за совершение вышеуказанных преступлений автором предложена классификация источников финансирования деятельности МОД АУЕ и причины их возникновения. Констатируется вывод о том, что представленные результаты исследования позволяют практическим сотрудникам принимать эффективные меры по своевременному документированию и привлечению выявленных источников к установленной законом ответственности.

Ключевые слова: оперативные подразделения УИС, финансирование МОД АУЕ, «общак», азартные игры, противодействие, «вор в законе», «смотрящий за учреждением», «смотрящий за игрой», экстремистская деятельность.

A. A. Rysev

**ON THE ISSUE OF THE SOURCES OF FINANCING
OF THE ACTIVITIES OF THE INTERNATIONAL PUBLIC
MOVEMENT «THE PRISON SYSTEM IS ONE»,
WHICH IS PROHIBITED IN THE RUSSIAN FEDERATION,
OPERATING IN INSTITUTIONS OF THE PENAL SYSTEM**

The article is devoted to the current problem of financing the activities of the International Public Movement «United Prison System» (hereinafter referred to as the MOD), which is banned in the Russian Federation, in institutions of the penal correction system (hereinafter referred to as the PES). The functioning of any community, organization or association, in particular, engaged in illegal activities, is impossible without attracting financial and other funds to its assets. An analysis of law enforcement and judicial practice, as well as scientific research in the field of countering organized crime in correctional colonies and pre-trial detention facilities has shown that individuals who commit acts aimed at financing the activities of the MOD often become witnesses in criminal cases under Articles 210.1, 282.2 of the Criminal Code, hiding from responsibility under Articles 282.3 of the Criminal Code. In this study, based on a survey conducted by the operational staff of the criminal police, the problem of identifying and identifying a specific person at an early stage of committing a crime related to the financing of terrorism has been identified. Taking into account the accumulated experience in conducting research on materials on cases of criminal activity of cells of the extremist organization AUE in places of detention, participation as a specialist in court sessions on criminal cases under art. 210.1, 282.2, 282.3, 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the analysis of judicial practice of bringing to criminal responsibility for the commission of the above crimes, the author suggests a classification of sources of financing for the activities of the MOD and the reasons for their occurrence. It is concluded that the presented research results will allow practitioners to take effective measures to timely document and bring identified sources to legally established responsibility.

Keywords: operational units of the Criminal Justice System, financing of fashion, «obshchak», gambling, counteraction, «thief in law», «overseer of the institution», «overseer of the game», extremist activity.

МОД АУЕ и масштабы его распространения представляют существенные проблемы для оперативной обстановки и нормального функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

До 2020 года предметом повышенного интереса оперативных подразделений, являлись такие действия лидеров и организаторов данного движения как: назначения лиц, «смотрящих» за различными направлениями деятельности, существующими объектами; переводы осужденных из

одного социального статуса в другой; наесение на различные предметы так называемой «воровской символики»; написание «прогонов», «маляв», составление «точковок», «домовиков» (глобусов); употребление жаргонных выражений; организация азартных игр; проведение «сходок» и многое другое, но с точки зрения проведения профилактической работы и недопущения совершения дезорганизации нормальной деятельности учреждения.

Что для борьбы с противоправной деятельностью вышеуказанных лиц пред-

ставляло, на наш взгляд, довольно узкое значение.

Однако решение Верховного Суда РФ о признание деятельности МОД АУЕ, запрещенной на территории РФ, на сегодняшний позволяет правоохранительным органам принимать эффективные меры по ликвидации ее существования¹.

Целью данного исследования является не противодействие экстремистской организации МОД АУЕ в целом, а выявление проблем в организации борьбы с финансовой основой ее существования, ввиду наличия следующих факторов:

- во-первых, имеющиеся в распоряжении лидеров преступной среды каналов поступления денежных и иных средств, побуждает их действовать более организовано и основательно, что помогает им вовлекать в свои ряды новых сторонников;

- во-вторых, отсутствие материальных ресурсов, лидерам преступной среды не позволяет создавать коррумпированные связи с должностными лицами и популизировать свое движение [3].

Проблема финансирования деятельности экстремистской организации для науки является весьма актуальной, поскольку рассматривалась различными учеными в области противодействия организованной преступности и борьбы с экстремизмом.

Например, Т. Г. Антонов в своем исследовании изучил особенности доказывания финансирования экстремистской деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Автор пришел к выводу о том, действующее уголовное законодательство нуждается в совершенствовании, путем введения нормы, предусматривающей ответственность за организацию финансирования экстремизма и установлению более строгого наказания в сравнении с действиями, образующими объективную сторону преступления, пред-

усмотренного действующей редакцией ст. 282.3 УК РФ [1].

Такой же позиции придерживается коллектив авторов (А. З. Богатырев, А. В. Тлупова и К. М. Мамбетова) в ходе выявления путей уголовно-правового противодействия финансированию экстремистской деятельности [2].

Поддерживаем мнение озвученных авторов о необходимости введения дополнительной санкции за организацию финансирования лидерами преступной среды, созданного ими сообщества. Однако предметом настоящей статьи является выявление субъектов преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ, которые уходят от ответственности за осуществление действий по предоставлению, либо сбору средств, либо оказании финансовых услуг в пользу экстремистских организаций на примере МОД АУЕ.

К такому выводу мы пришли благодаря проведенному анализу результатов правоприменительной деятельности по привлечению к уголовной ответственности лиц, за совершенные преступления, предусмотренные ст. 210.1, 282.2, 282.3 УК РФ, путем изучения доказательств, лежащих в основе обвинения, а также судебной статистики по таким уголовным делам.

Приведем пример из судебной практики, в которой осужденный Жураковский за преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, назначил АВ «смотрящего за исправительным учреждением № 3» УФСИН России по Ставропольскому краю, СД «смотрящим за общаком»². Которые, в свою очередь, обеспечивали сбор хранение и распределение денежных средств и иных материальных ценностей для нужд МОД АУЕ; организовывали проведение азартных игр; насаждали идеи криминальной идеологии другим осужденным, направленные на предоставление материальных

¹ Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 по делу № АКПИ20-514с (принято на закрытом заседании).

² Приговор Ставропольского краевого суда № 2-2-8/2025 от 18 марта 2025 по делу № 2-2-37/2024.

средств в «общак».

Кроме того, в качестве доказательств со стороны обвинения приводятся показания свидетеля ФИО № 10, который сообщает о том, что в феврале 2022 года, на территории колонии к нему подошёл осужденный СД и указал ему о необходимости предоставить данные о какой-либо банковской карте, оформленной на одного из его родственников, для осуществления переводов денежных средств от родственников других осужденных, с целью пополнения так называемого «общака» и «общего». На его просьбу он ответил согласием, так как опасался, что в случае отказа к нему будут применены санкции со стороны «смотрящих», и он будет понижен в социальном статусе.

После этого, в феврале 2022 года, с мобильного телефона ФИО № 10 позвонил своей супруге – ФИО2 № 17, которую попросил сообщить ему номер одной из её банковских карт, номер счёта к которому та привязана, а также логин и пароль для доступа в приложение «Сбербанк Онлайн». В указанный период 2022 года, ФИО2 № 17 предоставила ему все необходимые данные, которые были переданы осужденному СД. В дальнейшем, в период с февраля 2022 года по конец октября 2022 года, по поручению СД, ФИО № 10 неоднократно звонил ФИО2 № 17, и просил её совершить покупку сигарет, продуктов питания или иных бытовых принадлежностей, которые она отправляла в передаче или передавала с иными лицами ему в колонию.

Таким образом, очевидно, что осужденные, выступающие в суде в качестве свидетелей по ст. 210.1 УК РФ, совершали действия, направленные на финансирование МОД АУЕ, которым не давалась правовая оценка.

Схожая ситуация прослеживается в приговоре Благовещенского городского

суда Амурской области по привлечению к уголовной ответственности за совершение ФИО1 преступлений, предусмотренных ст. 282.2, 282.3 УК РФ³. Особую ценность представляют принятые судом в качестве доказательства, показания свидетеля ФИО2 № 13, который уточняет что, осужденный ЕА, являющийся «смотрящим за 5 и 6 отрядом», действуя по распоряжению ФИО1, предложил перевести денежные средства на счета, подконтрольные ФИО1, и другим «смотрящим». При этом, ЕА назвал ему номер карты, на которую он должен был перевести денежные средства, а также сумму денежных средств – 1 000 рублей, на что ФИО2 № 13 ответил согласием. В дальнейшем, в период с 8 апреля 2022 года по 29 октября 2022 года, по указанию ЕА, ФИО2 № 13 переводил денежные средства на счета, подконтрольные ФИО1, общей суммой – 61 300 рублей, для пополнения «общего».

Свидетелем уточняется, что угроз применения насилия в отношении него, ни ФИО1, ни ЕА не высказывали, однако в колонии всё было устроено таким образом, что, если бы он отказался пополнять общее, он был бы понижен в социальном статусе и другие арестанты стали бы его притеснять и ещё сильнее презирать.

Отметим, что тенденция привлечения потенциальных субъектов уголовной ответственности по ст. 282.3 УК РФ в качестве свидетелей, прослеживается, практически во всех изученных нами делах о занятии высшего положения в преступной иерархии, а также об организации деятельности экстремистской организации и участия в деятельности такой организации.

Обратимся к статистике уголовного судопроизводства о назначении наказаний по статьям УК РФ, и мы увидим, что в 2024 году судами вынесено 274 обвинительных приговоров по ст. 282.2 УК РФ, 23

³ Приговор Благовещенского городского суда Амурской области от 06.03.2025 г. № 1-258/2025 по уголовному делу № 1-1798/2024.

по ст. 210.1 УК РФ и лишь 38 по ст. 282.3 УК РФ⁴. Данное соотношение судебных решений, на наш взгляд, указывает на существенное количество лиц, избежавших уголовной ответственности за финансирование деятельности запрещенных организаций, что указывает на пробелы в деятельности правоохранительных органов.

Указанное выше, побудило нас к выявлению причин, препятствующих принимать меры документированию преступных действий, связанных с финансированием деятельности МОД АУЕ в исправительных учреждениях.

Для этих целей проведено анкетирование среди 93-х оперативных сотрудников ГУФСИН России по Новосибирской области, Кемеровской области – Кузбассу, УФСИН России по Томской области, Алтайскому краю. Главным критерием определения респондентов стало их место службы в условиях осложненной оперативной обстановки. Основные вопросы анкеты были сформулированы следующим образом: имеются ли в ваших учреждениях лидеры преступной среды; оказывают ли они негативное воздействие на оперативную обстановку; предпринимаются ли попытки организации сбора, распределения и хранения т.н. «общака»; в чем заключается причина уклонения от ответственности лиц, привлекаемых в качестве свидетелей из числа осужденных, осуществляющих переводы (непосредственно либо опосредовано) денежных средств или предоставляющих банковские счета для нужд АУЕ.

Анализ результатов позволил выделить две основные проблемы:

1. Высокая степень конспирации в деятельности организаторов и участников МОД АУЕ, поскольку для финансирования созданного ими сообщества привлекаются лица, зачастую находящиеся за пределами оперативного контроля.

2. Недостаточный уровень квали-

фикации оперативных сотрудников, связанный, прежде всего, с омоложением кадрового звена, выраженный в отсутствии знаний источников финансирования и причин их порождающих, а также каналов поступления различных материальных и нематериальных средств, для организации деятельности МОД АУЕ.

Также результаты опроса показали, что во многих случаях субъекты, осуществляющие предоставление, либо сбор средств, либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных, в том числе для обеспечения деятельности запрещенной организации, выявляются оперативными подразделениями УИС в ходе документирования преступлений организаторов и лидеров ячейки МОД АУЕ, то есть на позднем этапе. В связи с чем, оперативный сотрудник не имеет возможности своевременно зафиксировать факты, указывающие на осведомленность о совершаемых злоумышленником действий, предусмотренных ст.282.3 УК РФ.

Таким образом, возникает потребность в выявлении источников финансирования МОД АУЕ и каналов его поступления на территории учреждения УИС.

Рассматривая вопросы источников и каналов финансирования, необходимо затронуть такое понятие как «общак» или «общее», которое является абстрактным, позиционирующим себя как инструмент для управления и учета денежных и иных средств предназначенных для МОД АУЕ. «Общак» - это денежные средства и иные материальные ресурсы, которые передаются «вору в законе», а «общее» - собирается и остается в исправительной колонии, а затем распределяется по указанию лидеров и активных участников группировок отрицательной направленности среди осужденных - «порядочных арестантов».

Отметим, что вышеуказанные понятия в различных субъектах РФ могут назы-

⁴ Судебная статистика уголовного судопроизводства РФ о количестве назначенных наказаний по ст. УК РФ // URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/ug/t/14/s/17> (дата обращения 20.10.2025).

ваться по-другому, исходя из сложившихся криминальных традиций и ценностей конкретных регионов.

Анализ полученных данных из судебной практики, а также опыт работы автора в исправительных колониях и следственных изоляторах, участие в судах в качестве специалиста по уголовным делам, связанным с занятием высшего положения в преступной иерархии, удалось классифицировать источники и каналы финансирования МОД АУЕ в учреждениях УИС.

В целом источники финансирования исходя из субъективной стороны преступления можно разделить как квазидобровольные и мотивационные.

Квазидобровольно финансирование можно классифицировать на несколько оснований:

Первым основанием является разделение источников финансирования по принципу наличия у осужденного судимости, по определенным статьям УК РФ, являющихся непопулярными в окружении участников МОД АУЕ:

- осужденные за преступление, предусмотренное ч.4 ст. 228.1 УК РФ. Такая практика сложилась исходя из существующего решения «воров в законе» о запрете употребления порядочным арестантам наркотических средств, вызывающих привыкание и отравление организма. Можно предположить, что смысл такого правила, заключается в сохранении «нации преступников», а также ясности их сознания. Соответственно, лица осужденные, за данные преступления, умышленно, с целью наживы губят жизни людей, что по сути своей идет вразрез с принципами МОД АУЕ.

Таким образом, лидеры и активные участники МОД АУЕ, лично, либо через других осужденных, при появлении таких лиц внушают им необходимость передачи денежных средств в общак для того, чтобы у него не было проблем в исправительном учреждении. В случае если человек отказывается платить, он подвергаются мо-

ральному (и) или физическому насилию. Изначально, вся сумма, получаемая от таких осужденных, уходит на «общее», а определенный процент от этой суммы переводится в «общак». *Отметим, что такая процедура относится к каждому источнику финансирования в рамках данной классификации.*

- денежные средства собираются с осужденных по статьям 131, 132 УК РФ. Данная категория лиц вынуждена платить денежные средства по указанию лидеров. Осужденным за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности предлагается отчислять денежные средства в воровскую казну под угрозой определения их в группу с низким социальным статусом. Однако если такое преступление было совершено в отношении несовершеннолетнего, то по правилам криминальной идеологии, такому осужденному не избежать попадания в указанный социум.

- к следующей категории относятся лица, которые совершили преступления, предусмотренные ч. 5-7 ст. 159. Основной довод, который используется лидерами преступной среды заключается в том, что якобы фирма или организация, пострадавшая от преступления, предоставляла средства в «общак», тем самым действия осужденного приравниваются к краже этих самых ресурсов у МОД АУЕ.

Следующее основание можно определить исходя из поведения или действий, совершенных осужденным в период отбывания наказания:

- первой и самой распространенной разновидностью считается подозреваемый, обвиняемый или осужденный, получивший доход от выигрыша в азартные игры. Согласно криминальной идеологии, действует правило, по которому человек, получивший выигрыш, должен выделить определенный процент в сторону «общака». Распоряжаться данными денежными средствами никто из осужденных не имеет

права. За соблюдением данной традиции отвечает «смотрящий за игрой», который отчитывается перед «смотрящим за учреждением». К 15 и 30 числу каждого месяца ведется расчет проигрышер и выигрышер от игры осужденных. Ответственность за не предоставление комиссии с выигрыша достаточно серьезная, поскольку человек, скрывший доход от игры, подвергается физическому насилию и его статус меняется: становится самым низким в преступной среде;

- следующим источником является подозреваемый, обвиняемый или осужденный, осуществляющий изготовление или доставку запрещенных и иных предметов и на территорию учреждения УИС и получивший доход с их реализации – т.н. «барыга». В различных субъектах РФ правила так называемого «налогообложения» несколько волатильны. Если подозреваемый, обвиняемый или осужденный осуществил доставку запрещенных предметов, с целью их сбыта, то процент с дохода от таких операций он обязан предоставить в «общак».

В том случае, когда человек приобретает какие-либо предметы для себя, к примеру, при получении двух сотовых телефонов, как правило, один должен быть выделен на «общее». По общему принципу, если осужденный при организации доставки запрещенных предметов, пользовался ресурсами «общака», он безоговорочно обязан поделиться своей «добычей» с участниками МОД АУЕ.

Данный «регламент» распространяется и на случаи нелегального изготовления продукции в пределах учреждения УИС, например на территории производственной зоны;

- совершенные осужденными преступков в рамках идеологии «АУЕ» в период отбывания наказания или допущенные в прошлом, которые были тщательно скрыты и стали явью. Речь в основном идет о незначительных провинностях, ответственность

за которые может быть компенсирована в пользу «общака».

В качестве примера можно привести случай из приговора суда по делу от 24.03.2025 по ст. 210.1, 282.2 УК РФ, когда один из осужденных исправительной колонии скрыл факт написания, ранее отбывая наказание, заявления о вступлении в секцию дисциплины и правопорядка, в результате которого «вором в законе» (ФИО не раскрывается), принято решение не менять его статус в преступной среде, если провинившийся предоставит финансовые средства в общак⁵.

Данное разделение предполагает ориентирование негласного аппарата на сбор оперативно значимой информации, направленной на выявление таких лиц, а также подобных негативных проявлениях в среде подозреваемых, обвиняемых и осужденных и документирование фактов пособничества в финансировании деятельности МОД АУЕ.

В основу второй группы входит *мотивационное основание классификации* источников финансирования МОД АУЕ, которые, в целом, можно разделить на два типа:

1. Оборонительно-конформный, то есть осужденные, осуществляющие предоставление, либо сбор средств, либо оказание финансовых услуг на нужды МОД АУЕ преимущественно из страха утраты социального статуса и негативной стигматизации в условиях существования криминальной субкультуры в пенитенциарном учреждении.

2. Властно-престижный мотивационный тип осужденных, использующих участие в финансировании МОД АУЕ как инструмента укрепления своего влияния, повышения авторитета и возможности подниматься в иерархической лестнице криминальной среды (стать «смотрящим» или «положенцем»).

Говоря о способах (каналах) по-

⁵ Апелляционное постановление № 22 К - 497/2025 от 24 марта 2025 г. по делу № 3/10-26/2025.

ступления финансовых и иных средств для обеспечения функционирования МОД АУЕ, важно отметить, что это сложноорганизованная и зашифрованная система, которая достаточно многообразна. Предложим наиболее распространенные из них:

- использование лидерами преступной среды, установленных уголовно-исполнительным законодательством лимитов других подозреваемых, обвиняемых и осужденных на получение посылок и передач. В дальнейшем, их содержимое распределяется на нужды МОД АУЕ.

- создание устойчивых каналов проникновения запрещенных предметов на территорию учреждения УИС, в том числе посредством содействия коррумпированным персоналом.

- переводы денежных средств на

банковские счета, открытые на имя других осужденных или их родственников, включая использование иных цифровых систем, таких как криптовалюта, Kiwi кошелек, WebMoney и т.д.

Таким образом, приведенная классификация источников финансирования запрещенной на территории Российской Федерации деятельности МОД АУЕ, в том числе, знания оперативных подразделений об основных каналах поступления материальных и нематериальных ресурсов, направленных на их существование и развитие, позволит своевременно обеспечивать надежные оперативные позиции в осуществлении документирования субъектов уголовного преступления, предусмотренного ст. 282.3 УК РФ, а также формировать качественную доказательную базу.

Литература

1. Антонов Т.Г. Особенности доказывания финансирования экстремистской деятельности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (на примере финансирования международного общественного движения «Арестантский уклад един») // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – № 2 (24). – 2025. – С. 7–14.

2. Богатырев А.З. Финансирование экстремистской деятельности в Российской Федерации: пути противодействия / А.З. Богатырев, А.В. Тлупова, К.М. Мамбетова // Образование и право. – № 4. – 2022. – С. 335

3. Токарева К.А. Уголовно-правовые аспекты оперативно-розыскной характеристики преступлений экстремистской направленности (на примере ст. 282.3 УК РФ) как источник информации при планировании и проведении оперативно-розыскных мероприятий // Профессиональное юридическое образование и наука. – № 4 (8). – 2022. – С. 124.

References

1. Antonov T.G. Osobennosti dokazyvaniya finansirovaniya ekstremistskoj deyatel'nosti v uchrezhdeniyakh ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federatsii (na primere finansirovaniya mezhdunarodnogo obshchestvennogo dvizheniya «Arestantskij uklad edin») // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii. – № 2 (24). – 2025. – S. 7–14.

2. Bogatyrev A.Z. Finansirovanie ekstremistskoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federatsii: puti protivodejstviya / A.Z. Bogatyrev, A.V. Tlupova, K.M. Mambetova // Obrazovanie i pravo. – № 4. – 2022. – S. 335

3. Tokareva K.A. Ugolovno-pravovye aspekty operativno-rozysknoj kharakteristiki prestuplenij ekstremistskoj napravленnosti (na primere st. 282.3 UK RF) kak istochnik informatsii pri planirovaniii i provedenii operativno-rozysknykh meropriyatij // Professional'noe yuridicheskoe obrazovanie i nauka. – № 4 (8). – 2022. – S. 124.

Сведения об авторе

Рысёв Алексей Андреевич: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России» (г. Новокузнецк, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности. E-mail: alex_rysev@inbox.ru..

Information about the author

Rysev Alexey Andreevich: Federal State Educational Institution of Higher Education «Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia» (Novokuznetsk, Russian Federation), Senior lecturer at the Department of Operational Investigative Activities. E-mail: alex_rysev@inbox.ru..

УДК 343.8

И. А. Смирнов

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНО
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХСЯ ОСУЖДЕННЫХ**

В статье автором обращено внимание на поведение осужденных в контексте реализации международных стандартов. Кроме того, обращается внимание на поведение осужденных к лишению свободы как критерий, от которого зависят возможности их ресоциализации. Отмечается, что некоторые виды деятельности, в том числе социальная активность заключенных, могут улучшить условия их содержания.

Проведен сравнительно-правовой анализ уголовно-исполнительного законодательства стран Содружества Независимых Государств относительно особенностей практики поощрительных мер, поощрительных институтов в контексте ресоциализации, а также проявление возможностей договорных обязательств с осужденными.

В заключении выдвинуты предложения о возможном совершенствовании уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: положительно характеризующиеся осужденные, поощрительные институты, ресоциализация, зарубежная практика.

I. A. Smirnov

**INTERNATIONAL LEGAL REGULATION
OF THE RE-SOCIALIZATION OF POSITIVELY
CHARACTERIZED CONVICTS**

In the article, the author draws attention to the behavior of convicts in the context of the implementation of international standards. In addition, attention is drawn to the behavior of those sentenced to imprisonment as a criterion on which the possibilities of their re-socialization depend. It is noted that some types of activities, including the social activity of prisoners, can improve their conditions of detention.

A comparative legal analysis of the penal enforcement legislation of the countries of the Commonwealth of Independent States has been conducted regarding the specifics of the practice of incentive measures, incentive institutions in the context of re-socialization, as well as the manifestation of contractual obligations with convicts.

In conclusion, proposals were put forward on the possible improvement of penal enforcement legislation.

Keywords: positively characterized convicts, incentive institutions, resocialization, foreign practice.

В преамбуле Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101 «О международных договорах Российской Федерации» отмечается, что Россия «подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права – принципу добросовестного выполнения международных обязательств». В связи с этим рассмотрим поведение осужденных в контексте реализации международных стандартов и правовой практики стран СНГ, где обратим внимание на поведение как критерий, от которого зависят возможности ре社会化ции осужденных.

Как правило, большинство международных стандартов регулируют права, которые распространяют свои положения на всех граждан, в том числе заключенных и применяются вне зависимости от поведения указанных лиц (право создавать семьи, право на труд и обучение и др.). Об этом в частности прописано в п. 5 Основных принципов обращения с заключенными, где указано, что все заключенные пользуются правами человека и фундаментальными свободами, изложенными во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Международном пакте о гражданских и политических правах и Факультативном протоколе к нему и в других пактах Организации Объединенных Наций¹.

Однако не все положения, регла-

ментированные в нормах международных стандартов, могут быть реализованы в отношении всех категорий заключенных вне зависимости от их поведения. Например, нецелесообразно, исходя из мер безопасности, разрешать обучение за пределами исправительного учреждения (далее – ИУ) отрицательно характеризующимся заключенным и т. п. Так, в Бангкокских правилах (правило 45) указано, что тюремная администрация по мере возможности использует потенциал отпуска домой, общинных программ и иных услуг для облегчения процесса ресоциализации². Однако не указывается, какими критериями должна руководствоваться администрация пенитенциарного учреждения, чтобы реализовать отмеченные возможности. Наиболее реалистично выполнить отмеченные выше положения в отношении положительно характеризующихся лиц, т. к. эта категория уже имеет представление о моральных принципах, отрицает или не поддерживает криминальную субкультуру, стремится к исправлению. Согласимся с мнением С. М. Савушкина, который отмечает, что «...понятие «положительно характеризующийся осужденный» должно использоваться в контексте создания предпосылок для успешной ресоциализации» [1, с. 186].

Стоит заметить, что в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах предусмотрено, что

¹ Основные принципы обращения с заключенными : приняты резолюцией 45/111 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 г.

² Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы (Бангкокские правила) : приняты резолюцией 65/229 Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 2010 г.

«элементарное образование должно поощряться или интенсифицироваться». В Бангкокских правилах указывается, что контакты (свидания) женщин-заключенных с их семьями, детьми, опекунами одобряются и поощряются (правило 26 и 43). Тем самым отмечается, что некоторые виды деятельности, в том числе социальная активность заключенных, могут улучшить условия содержания путем поощрений, определяя в целом их положительное поведение.

В некоторых случаях реализация норм международного документа обусловлена только в контексте положительного поведения. Согласно Правилам Нельсона Мандэлы в условиях открытого режима содержатся тщательно отбираемые заключенные, где последним предлагаются благоприятные условия исправления с акцентом на самодисциплину (правило 89). Полагаем, что под формулировкой «тщательно отбираемые заключенные» следует понимать положительно характеризующихся лиц. Кроме того, в Правилах Нельсона Мандэлы отмечено, что «в каждом тюремном учреждении следует иметь систему льгот ... чтобы поощрять их к хорошему поведению, развивать в них чувство ответственности, прививать им интерес к их перевоспитанию и добиваться их сотрудничества»³.

Часть норм международных стандартов, регулирующих положительное поведение, связана с переходной стадией от изоляции к свободе. Например, об этом упоминается в тех же Правилах Нельсона Мандэлы, где под переходной стадией следует понимать «особый режим». Данное понятие интерпретируется как условное освобождение, предоставляемое на основе прогноза положительного поведения. В целом отмечается, что условно-досрочное освобождение (далее – УДО) должно способствовать переходу от изоляции к

правопослушному образу жизни через наложение определенных обязанностей, способствующих социальной адаптации после освобождения (трудоустройство, образование, прохождение определенных курсов лечения и др.). Вместе с тем регламентируется возможность поощрения заключенных, которые готовятся к УДО (посещают образовательные и исправительные курсы).

Таким образом, ряд норм международно-правовых стандартов отмечают возможность реализации мероприятий, направленных на ресоциализацию заключенных, но не все указанные положения могут быть применимы в отношении всех категорий вне зависимости от поведения, о чем, как правило, не упоминается в самих международных стандартах. Косвенным доказательством того, что ресоциализационные мероприятия должны учитывать личность заключенного и его поведение, может быть правило 93 Правил Нельсона Мандэлы, регулирующее классификацию и индивидуализацию заключенных. В этой части отмечается, что одной из целей классификации заключенных является их разделение на категории, облегчающее работу с ними в целях их возвращения к жизни в обществе. Также упоминается о том, что «работу с разными категориями заключенных следует вести по мере возможности в разных ... отделениях одного и того же тюремного учреждения».

Закрепленные в международных стандартах ООН нормы, регулирующие пенитенциарную сферу, находят отражение в правовой практике ряда зарубежных стран постсоветского пространства. Обратимся к сравнительно-правовому анализу некоторых положений уголовно-исполнительного законодательства стран СНГ, которые, по нашему мнению, требуют рассмотрения:

1) особенности практики применения поощрительных мер (временной критерий);

³ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Мандэлы) : приняты 17 дек. 2015 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 70/175.

2) возможности ресоциализации положительно характеризующихся осужденных в зависимости от предоставленных поощрительных институтов и законных интересов;

3) договорные обязательства с осужденными.

1. Особенности применения поощрительных мер (временной критерий).

Важным правовым институтом, влияющим на эффективность ресоциализации положительно характеризующихся осужденных, являются меры поощрения (благодарность, предоставление дополнительных свиданий и др.). Собственно говоря, меры поощрения являются неотъемлемым элементом положительной характеристики осужденных, а также способствуют реализации их законных интересов. В уголовно-исполнительном законодательстве нет определенности в отношении сроков поощрения, применяемых к осужденным. Все это с теоретической точки зрения позволяет правопримениителю не использовать поощрительные меры вообще или же поощрить осужденного с первых дней пребывания в ИУ, что будет нецелесообразным с педагогической точки зрения.

Рассмотрим практику правового регулирования периодичности применения поощрительных мер. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан отмечает, что меры поощрения применяются не реже чем два раза в год, а также в связи с праздничными днями (ст. 102-1)⁴. Согласно Правилам проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы в Казахстане, если у осужденного со дня последнего поощрения отсутствуют в те-

чение одного года нарушения установленного порядка отбывания наказания, осужденный подлежит поощрению за хорошее поведение. К тому же отмечается, что осужденный не может быть поощрен ранее, чем по истечении трех месяцев со дня прибытия в ИУ и промежуток между поощрениями не может быть менее этого срока⁵. В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь «вопросы поощрения осужденных рассматриваются по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал» (п. 291 Правил внутреннего распорядка Республики Беларусь)⁶. Следует согласиться с нормами, регулирующими порядок поощрения в республиках Беларусь и Казахстан. Полагаем, что поощрять осужденных, которые своим поведением дают основание к этому, целесообразно не реже чем раз в квартал. Практика показывает, как правило, осужденные поощряются в указанный период. Однако законодательное закрепление данных вопросов в отечественном законодательстве не отражено.

2. Возможности ресоциализации положительно характеризующихся осужденных в зависимости от предоставленных поощрительных институтов и законных интересов.

Реализация определенных поощрительных институтов и законных интересов может предоставлять дополнительные возможности для ресоциализации осужденных. Например, осужденным, которым предоставлено право передвижения без конвоя, может быть разрешено: посещение предприятий и организаций для решения бытовых проблем, вопросов трудоустрой-

⁴ Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан: утв. Законом РУз от 25 апреля 1997 г. № 409-11 (в ред. закона РУ от 26 апреля 2023 г. № ЗРУ-833).

⁵ Об утверждении Правил проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы : приказ МВД Республики Казахстана от 13 августа 2014 г. № 508 (в ред. приказа Министра внутренних дел РК от 26 июня 2023 г. № 512).

⁶ Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20 октября 2000 г. № 174 (в ред. постановлений Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 21 марта 2005 г. № 84, от 9 августа 2006 г. № 221, от 25 сентября 2007 г. № 234, от 5 ноября 2008 г. № 321, от 30 сентября 2015 г. № 290, от 30 декабря 2016 г. № 349, от 18 июля 2019 г. № 197, от 10 августа 2021 г. № 232).

ства (Кыргызская Республика); возможность прохождения сессии в учреждениях высшего или среднего специального образования, а также проведение длительных свиданий за пределами ИУ (Республика Молдова).

Перевод в условия, в которые могут быть переведены положительно характеризующиеся осужденные (облегченные в РФ, улучшенные в Республике Беларусь, ресоциализационный режим в Республике Молдова, льготные в Республике Казахстан), кроме увеличения числа свиданий, посылок, передач и бандеролей может обеспечить следующие возможности: выезды за пределы ИУ (Азербайджанская Республика и Республика Молдова); возможность проживания за пределами ИУ как при условии наличия семьи (Республика Казахстан), так и без такового (Республика Молдова); проведение отпусков за пределами ИУ (Азербайджанская Республика); иметь при себе и использовать деньги и ценные предметы (Республика Молдова); проведение краткосрочных свиданий посредством видеосвязи (Республика Казахстан) и др. В то же время отметим, что выезды при условии положительной характеристики осужденных возможны не только в исключительных личных обстоятельствах, но и в целях посещения родственников, семьи (Туркменистан, Республика Молдова), для прохождения сессии или сдачи экзаменов (Республика Беларусь, Республика Молдова). Кроме того, выезды с целью посещения родственников могут предоставляться администрацией ИУ в качестве поощрений.

Таким образом, можно утверждать, что улучшение условий содержания повышает вероятность реализации законных интересов. Кроме того, расширяются возможности осужденных, связанные с контактом с внешним миром. Все это повыша-

⁷ Об утверждении Правил о количестве, периодичности, и продолжительности телефонных разговоров, которые могут осуществляться или приниматься осужденными : приказ Министерства Юстиции Республики Молдова от 8 сентября 2017 г. № 730.

⁸ Об утверждении Правил перевода осужденного для поддержания социально-полезных связей : приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 31 мая 2017 г. № 375 (в ред. приказа Министра внутренних дел РК от 29 сентября 2021 г. № 584).

ет адаптивные способности осужденных, что отражается на эффективности их ресоциализации.

Также осужденным с положительным поведением могут быть предоставлены следующие возможности: перевод в облегченные условия содержания раньше установленного срока (положительно характеризующиеся осужденные – Кыргызская Республика); возможность приобретения в магазине продуктов питания посредством начисляемого аванса в счет будущей зарплаты при наличии работы (отсутствие нарушений и добросовестное отношение к труду – Республика Беларусь); повторное обучение в профессиональных училищах по другой профессии (положительно характеризующиеся и особо успевающие – Кыргызская Республика); дополнительный расход денежных средств, дополнительные отпуска (перевыполняющие нормы выработки и образцово выполняющие поручения (задания) – Азербайджанская Республика, Республика Беларусь); увеличение продолжительности длительных свиданий (с учетом поведения, отношением к труду и обучению – Республика Беларусь); увеличение продолжительности телефонного звонка (учитывается поведение осужденного – Республика Молдова⁷) и др.

Следует отметить, что отсутствие взысканий в некоторых случаях уже позволяет осужденного к лишению свободы оценить с положительной стороны и предоставить ему определенные возможности: перевод в другой вид ИУ в целях поддержания социально полезных связей (отсутствие отрицательной степени поведения – Республика Казахстан⁸); перевод на ресоциализационный режим в целях подготовки к УДО (отбывание наказания на обычном режиме, отсутствие непогашенных дисциплинарных взысканий – Республика

Молдова); отсутствие в течение одного года взысканий дает основание к поощрению (Республика Казахстан).

3. Договорные обязательства.

Следующий факт, который заслуживает внимание – это возможность заключения договорных обязательств с осужденными к лишению свободы. В уголовно-исполнительной сфере Республики Беларусь осужденный на добровольной основе может в письменном виде дать обещание о законопослушном поведении, а администрация ИУ приравнивает такого осужденного к категории «вставших на путь исправления» и при соблюдении установленных условий предоставляет последнему определенные возможности ресоциализации⁹.

Кроме того, заключение письменных обязательств с осужденными регламентировано в ст. 94 Уголовно-исполнительного кодекса Туркменистана, где осужденным, принявших их, также присваивается степень «вставших на путь исправления». В правовой норме, регулирующей цель разработки системы льгот, отмечается, что одной из таких целей является достижение сотрудничества с администрацией ИУ (ст. 86 Уголовно-исполнительного кодекса Туркменистана)¹⁰.

Тем самым практика уголовно-исполнительного законодательства некоторых стран СНГ предоставляет осужденному возможность выбора положительного поведения путем заключения обязательств, основанных на психолого-педагогическом воздействии на осужденных и предусматривающих взаимные действия со стороны осужденного и администрации ИУ для достижения целей уголовно-исполнительной политики государства.

В заключение статьи сформулируем следующие выводы:

1. Международные стандарты ООН

⁹ Об аттестации осужденных к лишению свободы, деятельность самодеятельных организаций : постановление МВД Республики Беларусь от 10 ноября 2010 г. № 353 (в ред. постановлений МВД Республики Беларусь от 16 апреля 2015 г. № 112, от 2 декабря 2019 г. № 321, от 10 августа 2021 г. № 230).

¹⁰ Уголовно-исполнительный кодекс Туркменистана от 25 марта 2011 г. № 164-IV (в ред. закона Туркменистана от 20 ноября 2022 г.).

обращают внимание на важность присутствия в национальных правовых системах целостной структуры мотиваций к право-послушному поведению и наличия прогрессивной системы отбывания наказания, предусматривающей поэтапный переход от изоляции к свободе. Все это указывает на необходимость конкретизации признаков положительного поведения лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в отношении которых могут быть реализованы ресоциализационные мероприятия, особенно подразумевающие выходы за пределы пенитенциарного учреждения.

2. С целью повышения эффективности исправления на основе анализа уголовно-исполнительного законодательства стран СНГ в отношении отдельных аспектов ресоциализации положительно характеризующихся осужденных полагаем возможным имплементировать в отечественное уголовно-исполнительное законодательство следующие положения:

– определить порядок и сроки поощрения положительно характеризующихся осужденных с учетом правового опыта республик Казахстан и Беларусь;

– при определении степени исправления положительно характеризующихся осужденных учитывать такой признак положительного поведения, как «принятие письменного обязательства о законопослушном поведении», содержащий в себе возможности психолого-педагогического воздействия (Республика Беларусь, Туркменистан);

– предусмотреть перевод положительно характеризующихся осужденных в облегченные условия содержания раньше установленного срока как меру поощрения (Кыргызская Республика).

Таким образом, поощрительные институты и законные интересы осужденных к лишению свободы содержат в себе разные

по объему ресоциализирующие возможности, которые следовало бы реализовывать в зависимости от достижения определенных результатов исправления. В связи с этим подлежит дальнейшей научной разработки правовое регулирование степеней исправ-

ления и критерий положительно характеризующихся осужденных, которые позволяли бы определить возможность и объем реализации ресоциализационных мер с учетом прогрессивной системы лишения свободы.

Литература

1. Савушкин С.М. Положительно характеризующийся осужденный и (или) законопослушный гражданин // *IusPublicumetPrivatum*. – 2023. – № 3(23). – С. 184-188.

References

1. Savushkin S.M. Polozhitel'no kharakterizuyushchijsya osuzhdennyj i (ili) zakonoposlushnyj grazhdanin // *IusPublicumetPrivatum*. – 2023. – № 3(23). – S. 184-188.

Сведения об авторе

Смирнов Иван Андреевич: Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний» (г. Вологда, Российская Федерация), доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета. E-mail: vanosmirnovivan@rambler.ru.

Information about the author

Smirnov Ivan Andreevich: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service (Vologda, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the Faculty of Law. E-mail: vanosmirnovivan@rambler.ru.

УДК 343.847

В. А. Уткин

ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА И ПРАВОВОЙ СТАТУС «ПРОБАНТА»

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы соотношения предметов правового регулирования Уголовно-исполнительного кодекса РФ и Федерального закона «О пребывании в Российской Федерации» в контексте правового положения осужденных и освобожденных от наказания, к которым применяется пребывание. Их автор предлагает именовать «пробантами». По его мнению, с учетом таких критерии, как период пребывания, ее цели, средства, организационно-правовые формы и источники правового регулирования, отношения в сфере пребывания лишь в малой степени совместимы с предметом УИК РФ и вряд ли будут совместимы в перспективе. Исключение составляет только подготовка к освобождению отбывающих наказания в виде принудительных работ и лишения свободы. В иной части организационная деятельность субъектов пребывания выходит за пределы действия уголовно-исполнительного законодательства. По мнению автора, не имеет теоретических оснований и конструктивного значения

© Уткин В.А., 2025

© Utkin V.A., 2025

отнесение к пробации социально-воспитательной работы с осужденными к лишению свободы и принудительным работам на протяжении всего срока наказания. В то же время для обеспечения более тесной взаимосвязи Уголовно-исполнительного кодекса и Закона о пробации целесообразно внести изменения в ст. 182 УИК о правах освобожденных на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи.

Ключевые слова: предмет уголовно-исполнительного права, пробация, Закон о пробации, пенитенциарная пробация, «пробант».

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-78-10043, <https://rsf.ru/project/24-78-10043/>.

V. A. Utkin

THE SUBJECT OF PENAL ENFORCEMENT LAW AND THE LEGAL STATUS OF THE «PROBANT»

The article discusses the controversial issues of the relationship between the subjects of legal regulation of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation and the Federal Law «On Probation in the Russian Federation» in the context of the legal status of convicted and released persons to whom probation is applied. The author suggests calling them «probants». In his opinion, taking into account criteria such as the probation period, its goals, means, organizational and legal forms and sources of legal regulation, probation relations are only marginally compatible with the subject of the Russian Federation's Penal Code and are unlikely to be compatible in the future. The only exception is the preparation for the release of those serving sentences in the form of forced labor and imprisonment. In another part, the organizational activities of probation subjects go beyond the scope of penal enforcement legislation. In the author's opinion, there is no theoretical basis or constructive significance for attributing to probation social and educational work with prisoners sentenced to imprisonment and forced labor throughout the entire term of punishment. At the same time, in order to ensure a closer relationship between the Penal Enforcement Code and the Probation Law, it is advisable to amend Article 182 of the Criminal Code on the rights of released persons to work and household arrangements and receive other types of social assistance.

Keywords: subject of penal enforcement law, probation, Probation law, penitentiary probation, «probant».

Source of funding: the study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 24-78-10043, <https://rsf.ru/project/24-78-10043/>.

В теории права общепризнано, что предметом (объектом) правового регулирования права в целом и его отдельных отраслей и институтов являются те или иные общественные отношения [6, с. 339]. И юридически некорректно полагать, что право регулирует какие-то «вопросы», как об этом порой говорится в юридической литературе и даже в отдельных законодательных актах [3, с. 536].

Уголовно-исполнительное законодательство состоит из Уголовно-исполнительного кодекса РФ и других федеральных законов (ч. 1 УИК РФ). По вопросам исполнения наказаний (но не для «регулирования вопросов») принимаются основанные на законе подзаконные нормативные правовые акты (ст. 4 УИК РФ), которые также в соответствующих случаях относятся к предмету уголовно-исполнительного

права. Поэтому понятие уголовно-исполнительного права шире понятия уголовно-исполнительного законодательства. Но это не означает, что предмет уголовно-исполнительного права шире предмета уголовно-исполнительного законодательства, ведь подзаконные нормативные акты лишь детализируют и конкретизируют законодательное регулирование.

Согласно ч. 2 ст. 2 УИК РФ уголовно-исполнительным законодательством «устанавливаются общие положения и принципы исполнения наказаний, при менения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных Уголовным кодексом РФ; порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, применения средств исправления осужденных; порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных; порядок освобождения от наказания; **порядок оказания помощи освобождаемым лицам** (выделено мной. – В.У.)».

Помощи освобождаемым от наказания в виде принудительных работ, ареста или лишения свободы на определенный срок, посвящены ст. ст. 180-181 УИК РФ. Под «освобождаемыми» в данном случае понимаются осужденные в период, предшествующий их освобождению, либо на стадии самого освобождения. После него они юридически считаются «освобожденными», а конкретные проблемы социальной адаптации встают именно перед освобожденными (бывшими осужденными). Вспомним, что в Главе 18 (ст. ст. 103-104) ИТК РСФСР 1971 г. говорилось о помощи лицам, освобожденным от отбывания наказания. В этом отношении наименование и терминология ст. 182 УИК РФ не совсем точны. Она названа «Права освобожденных осужденных на трудовое и бытовое устройство и другие виды социальной по-

мощи». В ней говорится, что «осужденные, освобождаемые от ареста или лишения свободы, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи в соответствии с законодательством РФ и нормативными правовыми актами». Очевидно, что в данной бланкетной норме имеются в виду законодательство и иные нормативно-правовые акты за пределами предмета уголовно-исполнительного права. Поэтому суждение, что «в предмет уголовно-исполнительного права входит и постпенитенциарный период [4, с. 123]», не имеет отношения к действующему УИК РФ, но значимо в плане *de lege ferenda* [10, с. 33].

Еще до принятия УИК РФ 1996 г. автор писал о целесообразности отнесения постпенитенциарной адаптации (рессоциализации) освобожденных к предмету формирующегося в России социального законодательства [7, с. 12]. Последнее в отличие от уголовно-исполнительного (ст. 71 Конституции РФ) – предмет совместного ведения Федерации и ее субъектов, что позволяет осуществлять его нормативное регулирование с учетом региональных условий.

Общепринято и существующее в теории права деление отраслей (норм, институтов) на материальные и процедурные (в том числе процессуальные). В более широком плане во всей совокупности регулируемых правом общественных отношений выделяют отношения двух уровней: «организуемые» и «организационные». Последние направлены на обеспечение условий функционирования «организуемых» отношений [2, с. 15]. Это деление не совпадает с разграничением отраслей на материальные и процессуальные. «Организационные» нормы есть и в уголовном праве, «материальном» по его сути. К примеру, в ч. 2 ст. 13 УК РФ говорится, что «иностранные граждане и лица без гражданства, совершившие преступления вне пределов РФ и находящиеся на террито-

рии РФ, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания в соответствии с международным договором РФ». В соответствии с ч. 1 ст. 49 УК РФ «вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями».

В предмете уголовно-исполнительного права, как он прописан в ч. 2 ст. 2 УИК РФ, преобладают «организуемые» общественные отношения между государством (в лице уполномоченных учреждений, органов и их сотрудников) и осужденными по поводу исполнения (отбывания) наказания, направленные на их реализацию [8, с. 40]. Своего рода «надстройку» образуют «организационные» общественные отношения в области взаимодействия субъектов уголовно-исполнительной деятельности с иными структурами и субъектами. Применительно к ним в ч. 2 ст. 2 УИК РФ говорится о «порядке деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядке участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений... в исправлении осужденных». Но как тогда отделить «организационные» уголовно-исполнительные отношения от организационных, управленческих, обеспечивающих и контрольных отношений, традиционно составляющих предмет административного права? Этот вопрос особенно значим всего при сфере правового регулирования уголовно-исполнительного законодательства и Закона РФ от 21 июля 1993 г. «Об уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (в ред. 2022 г.)» и в свете перспектив нового аналогичного закона. Его актуальность возрастает с принятием Федерального закона РФ от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон

о пробации). Критерием отнесения разнообразных организационных отношений в сфере исполнения наказания к предметам уголовно-исполнительного либо административного права может служить их разграничение на «конкретно-организационные» и «общеорганизационные» [9, с. 85]. Первые складываются по поводу конкретных правоотношений с участием конкретных субъектов «организуемых» отношений и направлены непосредственно на их реализацию. Вторая группа отношений направлена на обеспечение общих условий деятельности уголовно-исполнительных учреждений и органов. Например, предусмотренное ч. 4 ст. 14 УИК РФ заключение соглашений между органами управления УИС и религиозными организациями. Нормы, регулирующие отношения такого уровня, – прерогатива Закона об УИС. Значительное число таких норм содержится и в Законе о пробации (например, ч. 2 ст. 24, п.п. 8, 9 ч. 1 ст. 28 и др.).

Принятие названного Закона породило дискуссии о его соотношении с уголовно-исполнительным законодательством и, как следствие, – о соотношении общего правового статуса осужденных и «клиентов» пробации [7, с. 124]. Помимо прочего, встает вопрос о специальном, но общем для них термине, охватывающем как осужденных, так и освобожденных от наказания. В ст. 5 Закона о пробации («Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе») такого понятия нет, хотя говорится о «лицах, в отношении которых применяется пробация (п. 8 ч. 1 ст. 5 и др.)».

Разумеется, такая терминологическая попытка требует осторожности. «Практика включения произвольно составляемых определений понятий не способствует оптимальному развитию правоприменительной ситуации [15, с. 5]». Глоссарий Закона о пробации вполне уязвим для такой критики. К примеру, даже специалист практически не в состоянии установить сколь-

ко-нибудь существенные отличия между «ресоциализацией», «социальной адаптацией» и «социальной реабилитацией»¹. Не случайно на практике они обычно формулируются вместе как некая «мантра». Тем не менее, вовсе не претендуя на бесспорность и место в глоссарии Закона о пробации, а лишь в научном плане для краткости изложения, можно предложить некий единый термин как синтез определений «лицо, в отношении которого применяется пробация» и «клиент» пробации (который все чаще используется на практике). С учетом специфики пробационных отношений (где пробация все же не представляет собой в чистом виде государственную услугу) и существующих сходных по структуре определений («фигурант», «мигрант», «релокант» и пр.), на наш взгляд, нет препятствий именовать «клиента» пробации «пробантом». Термин, конечно, сам по себе непривычен, но не более, чем «пробация».

В таком контексте с учетом соотношения предметов уголовно-исполнительного законодательства и Закона о пробации следует анализировать соотношение правового статуса осужденного и статуса «пробанта».

Принятие Закона о пробации породило дискуссии о соотношении его норм с положениями уголовно-исполнительного законодательства, и прежде всего – УИК РФ. Для одних ученых его появление стало дополнительным аргументом в пользу признания в качестве отрасли «постпенитенциарного права [1, с. 36-38]». Другие рассуждали о самостоятельном «пробационном» праве. Третьи, опираясь, в частности, на ст. 14 Закона о пробации и известный приказ Минюста РФ № 350 от 29.11.2023 г., стали расценивать нормы УИК РФ о социальной и воспитательной ра-

боте с осужденными к лишению свободы и принудительным работам, лишь как «частный случай» «пробационного» нормативного регулирования. Четвертые, напротив, относят Закон о пробации в целом к уголовно-исполнительному законодательству [3, с. 542]. Более правильной представляется позиция, согласно которой Закон о пробации в целом носит комплексный характер, а его предмет лишь частично совпадает с предметом УИК РФ, объективно становясь предпосылкой дальнейшего совершенствования уголовно-исполнительного законодательства [5]. Однако четких критериев отнесения «пробационных» отношений к предмету уголовно-исполнительного права пока нет. Не претендуя на «в последней инстанции», определим их, как «время», «субъекты», «цель» и «средства». В первую очередь – это **период** осуществления пробационных мероприятий. В Законе о пробации говорится об «исполнительной», «пенитенциарной» и «постпенитенциарной» пробации. Последняя применяется в отношении **освобожденных** из мест лишения свободы и исправительных центров, а не осужденных. Уже с учетом упомянутой выше ч. 2 ст. 2 УИК РФ она не входит в предмет действующего уголовно-исполнительного законодательства.

Цель уголовно-исполнительного законодательства – «исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч.1 ст. 1 УИК РФ)». Цели пробации – «коррекция социального поведения, ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений (ч. 1 ст. 4 Закона о пробации)». Среди них определяющей яв-

¹ Справедливости ради отметим, что эти термины были просто перенесены авторами законопроекта из Федерального закона от 23.06. 2016 г. № 182 –ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», имеющего аналогичные недостатки юридической техники. Но данный Закон в отличие от Закона о пробации изначально по его сути и названию является своего рода «декларативно-рамочным», не предполагающим непосредственного применения.

ляется только последняя, оправдывающая наличие самой пробации как специализированного средства предупреждения криминологического рецидива (в отличие от обычной социальной помощи гражданам). Три прочие это различные аспекты ресоциализации [12, с. 77-78], а «коррекция социального поведения» в её толковании в ч. 1 ст. 15 Закона о пробации представляет собой одну из интерпретаций исправления (ч. 1 ст. 9 УИК РФ). С учетом сказанного, игнорируя наукообразное терминологическое многословие, пробацию (в ее российском варианте) можно определить как систему специальных мер содействия ресоциализации осужденных и освобожденных от наказания. И здесь принципиально важно правильно соотнести ресоциализацию с исправлением. Ресоциализация как восстановление и формирование позитивных социальных связей и отношений осужденных и освобожденных от наказания в объективном и субъективном смысле – это процесс и результат, относящиеся к личности. Непосредственная ресоциализация достижима лишь в социуме. В условиях изоляции от общества или приближенных к ней справедливо говорить лишь о подготовке к ней. Подобное понимание не только реалистично (ибо в изоляции обычно превалирует десоциализация), но и вполне согласуется с общей направленностью исправления (ст. 9 УИК РФ) в его понимании как формирования объективной подготовленности и субъективной готовности осужденного добровольно и сознательно не совершать преступлений [12, с. 41].

В научной литературе существует множество классификаций средств (мер) предупреждения преступности вообще и рецидивной преступности в частности. Одна из них воспроизведена в ст. 17 Федерального закона № 182-ФЗ от 23.06.2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Тем не менее, все многообразие относящихся к личности профилактических

средств по их функциональной направленности и алгоритму реализации можно разделить на три основные взаимосвязанные группы. Это «меры воздействия» на личность, «меры содействия» личности и «меры противодействия» личности. Каждая группа облекается в адекватную ее содержанию правовую форму.

В уголовно-исполнительном законодательстве превалируют первая и третья группы. Об этом свидетельствуют прежде всего ст. 8 УИК РФ (принцип соединения наказания с исправительным воздействием), ст. 86 «Меры безопасности и основания их применения» и, в сущности, само содержание конкретных норм Кодекса. К мерам содействия в УИК РФ можно отнести лишь упомянутую в ст. 181 помочь осужденным, освобождаемым (но не освобожденным) от отбывания принудительных работ или лишения свободы на определенный срок (но, неясно, почему в ней не упомянуты осужденные пожизненно, возможность освобождения которых также не исключена).

Принционально иной подход демонстрирует Закон о пробации. В его ч. 2 ст. 4 задача последней как средства предупреждения криминологического рецидива – это «создание условий для оказания помощи» лицам, в отношении которых она применяется, то есть ни что иное, как организационное содействие в ресоциализации «пробантов». О мерах воздействия данный Закон упоминает лишь декларативно (говоря о «коррекции социально поведения (ст. 4)», о «формировании новой системы установок, норм и моральных ценностей (ст. 22)», либо бланкетно (устанавливая, что социально-воспитательная работа осуществляются «в порядке, предусмотренном уголовно-исполнительным законодательством (ст. 14)», или фрагментарно (предусматривая «консультирование осужденных и оказание им психологической помощи (ст. 32 и др.)»). Меры противодействия в Законе о пробации вовсе не предусмотрены, поскольку

он, в отличие, например, от аналогичного закона Республики Казахстан, не включает пробационный контроль, опираясь на принцип добровольности. Правда, ст. 21 говорит о вынесении «пробанту» предупреждения, но лишь за уклонение от самих пробационных мероприятий. Иных юридических последствий нет, кроме прекращения probation.

С учетом сказанного можно судить о текущем соотношении и перспективной совместимости предметов уголовно-исполнительного законодательства и законодательства о probation с учетом ее видов.

Вначале – о пенитенциарной probation. Закон о probation и известный приказ Минюста РФ № 350 от 29.11.2023 г. выделяют два её вида: probation как социально-воспитательную работу с осужденными и оказание им психологической помощи на протяжении всего срока наказания и как подготовку осужденных к освобождению из исправительных учреждений и исправительных центров, осуществляющую за девять месяцев до освобождения. Ранее уже отмечалось, что отнесение к «probation» всей социально-воспитательной работы с осужденными несостоит, поскольку превращает Уголовно-исполнительный кодекс в этой части в своего рода «филиал» Закона о probation [13, с. 110]. Практика также показала, что такая законодательная новелла оказалась в сущности терминологической реформой, породившей определенную сумятицу подзаконного регулирования в результате замены Положения об отряде осужденных исправительного учреждения, утвержденного Приказом Минюста РФ № 259 от 30.12.2005 г. Приложением № 2 к упомянутому выше Приказу Минюста № 350, а также усложнение учета и бюрократической отчетности. Таким образом, этот вид «пенитенциарной probation» как искусственная «избыточная» конструкция должен быть исключен, и поэтому вопрос о соотношении соответствующих норм Закона о probation и норм

УИК РФ снимется с повестки.

Что касается проводимой на основе норм Закона о probation подготовки осужденных к освобождению, то в условиях традиционно сложившейся системы содействия осужденным в трудовом и бытовом устройстве она пока выглядит факультативным элементом, что обусловлено её добровольностью. Если так и понимать её (как специфический социально-правовой режим подготовки к освобождению), то её особенности нуждаются в закреплении в УИК РФ (возможно, в виде ст. 180-1 «Пенитенциарная probation») со специфическими позитивными стимулами для осужденных стать «пробантами», добровольно участвуя в пробационных программах и мероприятиях [14, с. 111].

Постпенитенциарная и исполнительная probation, осуществляемая уголовно-исполнительными инспекциями, совпадают по направлениям и полномочиям (Глава 6 Закона о probation) и представляют собой преимущественно организационную деятельность в целях содействия в ресоциализации «пробантов». Законодательное регулирование этой деятельности выходит за пределы предмета уголовно-исполнительного правового регулирования по содержанию («меры содействия»), формам реализации (организация взаимодействия с субъектами, не принадлежащими к уголовно-исполнительной системе) и возможным источникам (в соответствии со ст. 2 Закона о probation её правовую основу включают также законы и иные нормативные правовые акты субъектов Федерации, а согласно ст. 71 Конституции уголовно-исполнительное законодательство может быть только федеральным). Эта ситуация принципиально не изменится и в будущем при возможном формировании так называемого «интегративного» уголовно-исполнительного права [14].

В то же время для обеспечения тесной взаимосвязи между уголовно-исполнительным законодательством и зако-

нодательством о пробации (а не только Законом о пробации) целесообразно предусмотреть в УИК РФ ряд бланкетных норм. Прежде всего – изменить ст. 182 УИК: «Статья 182. Права **освобожденных** на трудовое и бытовое устройство и другие виды социальной помощи. **Лица, освобожденные от отбывания принудительных работ, лишения свободы на определенный срок или пожизненно**, имеют право на трудовое и бытовое устройство и получение других видов социальной помощи **в соответствии с Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации**».

дерации», иным законодательством РФ и подзаконными нормативными правовыми актами».

Кроме того, необходимо дополнить ст. 16 УИК РФ частью 15 следующего содержания: «15. На основании и в порядке, предусмотренным законодательством Российской Федерации учреждения и органы уголовно-исполнительной системы осуществляют пробацию». Это положение целесообразно закрепить и конкретизировать и в Законе РФ от 21 07.1993 г. (в последующих редакциях) «Об уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».

Литература

1. Гришико А.Я. Постпенитенциарное право// Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 2. – С. 32–40.
2. Горишенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М.: Юрид. лит. 1972. – 258 с.
3. Маркунцов С.А. Рассуждения о структуре и содержании уголовно-исполнительного законодательства в контексте вступления в силу Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»//Уголовно-исполнительное право. – 2024. – Т.19 (1-4), № 4. – С. 535–543.
4. Скиба А.П. Направления совершенствования уголовно-исполнительного права в связи с принятием Федерального закона «О пробации в Российской Федерации»// Союз криминалистов и криминологов. – 2025. – № 1. – С. 117–128.
5. Скиба А.П. Направления совершенствования уголовного, уголовно-исполнительского, уголовно-процессуального и иного права с учетом принятия Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2024. – №1 (65). – С. 295–296.
6. Теория государства и права. Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2004 – 735 с.
7. Уткин В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Общая часть. – Томск: изд-во ТГУ. – 1995.
8. Уткин В.А. Уголовно-исполнительная деятельность и предмет уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 2 (24). – С. 40–46.
9. Уткин А.В. О соотношении предметов уголовно-исполнительного и административного права// Правовые и психолого-педагогические проблемы деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: сборник материалов научных мероприятий. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России. – 2025. – С. 82–86.
10. Уткин В.А. «Интегративное» уголовно-исполнительное право // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2019. – № 3. – С. 29–34.
11. Уткин В.А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность// Уголовная юстиция. – 2014. – № 1 (3). – С. 75–80.
12. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. – Томск: Издательский

Дом ТГУ. – 2018. – 240 с.

13. Уткин В.А. Пенитенциарная пробация // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – № 2 (24). – 2025. – С. 103–113.
14. Храмов А.А. «Интегративное» уголовно-исполнительное право: от идеи к концепции. – Казань: изд-во «Бук». 2025. – 225 с.
15. Юртаева Е.А. Определения понятий в актах российского законодательства: pro et contra // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Том 17. – № 3. – С. 4 –31.

References

1. Grishko A.Ya. Postpenitentsiarnoe pravo// Vestnik Kuzbasskogo instituta. – 2018. – № 2. – S. 32–40.
2. Gorshenev V.M. Sposoby i organizatsionnye formy pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskem obshchestve. – M.: Yurid. lit. 1972. – 258 s.
3. Markuntsov S.A. Rassuzhdeniya o strukture i soderzhanii ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva v kontekste vstupleniya v silu Federal'nogo zakona «O probatsii v Rossijskoj Federatsii»//Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. – 2024. – T.19 (1-4), № 4. – S. 535–543.
4. Skiba A.P. Napravleniya sovershenstvovaniya ugolovno-ispolnitel'nogo prava v svyazi s priyatiem Federal'nogo zakona «O probatsii v Rossijskoj Federatsii»// Soyuz kriminalistov i kriminologov. – 2025. – № 1. – S. 117–128.
5. Skiba A.P. Napravleniya sovershenstvovaniya ugolovnogo, ugolovno-ispolnitel'nogo, ugolovno-protsessual'nogo i inogo prava s uchetom priyatiya Federal'nogo zakona «O probatsii v Rossijskoj Federatsii»//Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj Akademii MVD Rossii. – 2024. – №1 (65). – S. 295–296.
6. Teoriya gosudarstva i prava. Uchebnik dlya vuzov. – M.: YuNITI-DANA. 2004 – 735 s.
7. Utkin V.A. Kurs lektsij po ugolovno-ispolnitel'nomu pravu. Obshchaya chast'. – Tomsk: izd-vo TGU. – 1995.
8. Utkin V.A. Ugolovno-ispolnitel'naya deyatel'nost' i predmet ugolovno-ispolnitel'nogo prava // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. – 2016. – № 2 (24). – S. 40–46.
9. Utkin A.V. O sootnoshenii predmetov ugolovno-ispolnitel'nogo i administrativnogo prava// Pravovye i psikhologo-pedagogicheskie problemy deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federatsii: sbornik materialov nauchnykh meropriyatiy. – Novokuznetsk: FKOU VO Kuzbasskij institut FSIN Rossii. – 2025. – S. 82–86.
10. Utkin V.A. «Integrativnoe» ugolovno-ispolnitel'noe pravo//Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie. – 2019. – № 3. – S. 29–34.
11. Utkin V.A. Resotsializatsiya osvobozhdennykh ot nakazaniya: istoriya i sovremennost'// Ugolovnaya yustitsiya. – 2014. – № 1 (3). – S. 75–80.
12. Utkin V.A. Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy. – Tomsk: Izdatel'skij Dom TGU. – 2018. – 240 s.
13. Utkin V.A. Penitentsiarnaya probatsiya // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii. – № 2 (24). – 2025. – S. 103–113.
14. Khrarov A.A. «Integrativnoe» ugolovno-ispolnitel'noe pravo: ot idei k kontseptsii. – Kazan': izd-vo «Buk». 2025. – 225 s.
15. Yurtaeva E.A. Opredeleniya ponyatij v aktakh rossijskogo zakonodatel'stva: pro et contra // Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2024. – Tom 17. – № 3. – S. 4 –31.

Сведения об авторе

Уткин Владимир Александрович: Национальный исследовательский Томский государственный университет (г. Томск, Российская Федерация), заведующий кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института; ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), профессор кафедры организации исполнения наказаний, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации.

Information about the author

Utkin Vladimir Alexandrovich: National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Head of the Department of Penal Enforcement Law and Criminology at the Law Institute; Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), Professor at the Department of Organization of the Execution of Punishments, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.

УДК 343.8

К. А. Шилов, В. П. Шитов

**К ВОПРОСУ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИДЕОЛОГИИ
ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В УИС НА СОВРЕМЕННОМ
ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИИ**

На протяжении последнего десятилетия Россия, как и мировое сообщество, активно противодействует таким сложнейшим социальным явлениям как экстремизм и терроризм, которые во всех без исключения формах своего проявления создают реальную угрозу безопасности многих стран и их граждан, неминуемо вызывают существенные политические, экономические и моральные потери, оказывают значительное психологическое воздействие на население, способны радикально разбалансировать сложившуюся социальную систему в целом.

В настоящее время в Российской Федерации отмечается рост преступлений экстремистской и террористической направленности, совершенных с использованием средств массовой информации, в публичной сфере, что является, в том числе, и следствием дальнейшего совершенствования информационно-телекоммуникационных технологий в России.

В статье анализируются актуальные проблемы противодействия идеологии экстремизма и терроризма, а также иных радикальных, деструктивных или псевдорелигиозных проявлений, связанных с использованием средств массовой информации, в публичной сфере, в том числе и в уголовно-исполнительной системе. Авторами предлагаются конкретные меры, направленные на совершенствование эффективности мер профилактического характера.

Ключевые слова: средства массовой информации, публичная сфера, терроризм, экстремизм, идеология терроризма и экстремизма, уголовно-исполнительная система, противодействие идеологии терроризма и экстремизма.

© Шилов К.А., Шитов В.П., 2025

© Shilov K.A., Shitov V.P., 2025

K. A. Shilov, V. P. Shitov

ON THE ISSUE OF COUNTERING THE IDEOLOGY
OF EXTREMISM AND TERRORISM
IN THE CRIMINAL JUSTICE SYSTEM AT THE PRESENT
STAGE OF RUSSIA'S DEVELOPMENT

Over the past decade, Russia, like the international community, has been actively countering such complex social phenomena as extremism and terrorism, which, in all their forms, pose a real threat to the security of many countries and their citizens, inevitably cause significant political, economic and moral losses, have a significant psychological impact on the population, and are capable of radically unbalancing the established social system as a whole.

Currently, there is an increase in extremist and terrorist crimes committed using mass media in the public sphere in the Russian Federation, which is, among other things, a consequence of the further improvement of information and telecommunication technologies in Russia.

The article analyzes the current problems of countering the ideology of extremism and terrorism, as well as other radical, destructive or pseudo-religious manifestations related to the use of mass media in the public sphere, including in the penal system. The authors propose specific measures aimed at improving the effectiveness of preventive measures.

Keywords: mass media, public sphere, terrorism, extremism, ideology of terrorism and extremism, penal enforcement system, countering the ideology of terrorism and extremism.

В 2021 году в Российской Федерации (далее – РФ) было зарегистрировано 2 136 преступлений террористического характера (+ 8,8%), из них – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма по ст. 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – 315 (+ 35,8%), преступлений экстремистского характера – 1 057 (+ 26,9%), из них – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности по ст. 280 УК РФ – 455 (+ 33,8%); в 2022 году – зарегистрировано 2 233 преступления террористического характера (+ 4,5%), из них – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма по ст. 205.2 УК РФ – 490 (+ 55,6%), преступлений экстремистской направленности – 1 566 (+ 48,2%), из них – публичные призывы к осуществлению экстремистской

деятельности по ст. 280 УК РФ – 493 (+ 8,4%); в 2023 году – зарегистрировано 2 382 преступления террористического характера (+ 6,7%), из них – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма по ст. 205.2 УК РФ – 548 (+ 11,8%), преступлений экстремистской направленности – 1 340 (- 14,4%), из них – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности по ст. 280 УК РФ – 367 (- 25,6%); за 8 месяцев 2024 года было зарегистрировано 2 222 преступления террористического характера (+ 42,6%), из них – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма по ст. 205.2 УК РФ – 609 (+ 59,4%), преступлений экстремистской направленности – 1 151 (+ 24,2%), из них – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности по ст. 280 УК РФ – 315

(+ 11,3%)¹. Проанализировав приведённые статистические данные, мы видим, что в целом наблюдается достаточно серьёзный рост преступлений экстремистской и террористической направленности за последние фактически более трёх с половиной лет, к сожалению, такая тенденция сохранилась и по итогам 2024 года – тревожной статистикой стало количество преступлений экстремистской направленности, которое в 2024 году достигло 1719 случаев. Это самый высокий уровень за всю историю ведения статистики, который более чем в два раза превышает средний показатель за предыдущие 21 год — 805 случаев ежегодно. Кроме того, 2024 год стал рекордным и по числу преступлений террористического характера. Согласно данным МВД, за год зарегистрировано 3 714 таких преступлений, включая публичные призывы к терроризму, организацию террористических сообществ и захват заложников. Это самый высокий показатель с 2005 года, когда таких преступлений было зафиксировано 5 438².

Что касается уголовно-исполнительной системы России, то приведём некоторые примеры. Так, в 2022 году уроженец Старошайговского района Республики Мордовия, отбывая наказание в местах лишения свободы за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, увеличил себе срок, осуществив публичное оправдание террористической деятельности.

В разговорах с другими заключенными он доводил до них информацию, оправдывающую деятельность запрещенной на территории РФ террористической орга-

¹ Состояние преступности в России : [стат. данные]. // МВД России: [официальный сайт]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>.

² В 2024 году в России зафиксировано рекордное количество террористических актов : [информационный материал]. // Avia.PRO: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://avia.pro/news/v-2024-godu-v-rossii-zafiksirovano-rekordnoe-kolichestvo-terroristicheskikh-aktov>.

³ Публично оправдывая терроризм, осужденный в мордовской колонии увеличил себе срок : [информационный материал]. // Вестник Мордовии: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://vestnik-rm.ru/news/iz-zala-suda/publichno-opravdyvaya-terrorizm-osuzhdennyj-v-mordovskoj-kolonii-uvelichil-sebe-srok>.

⁴ Шестеро заключенных воронежской колонии получили новые сроки за призывы к экстремизму : [информационный материал]. // Интерфакс Россия: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://www.interfax-russia.ru/index.php/center/news/shestero-zaklyuchennyh-voronezhskoy-kolonii-poluchili-novye-sroki-za-prizyvyy-k-ekstremizmu>.

низации «ИГИЛ» (организация признана террористической и запрещена в России). Следственным отделом УФСБ в отношении фигуранта расследовано уголовное дело по ч. 1 ст. 205.2 УК РФ (публичное оправдание терроризма). Суд признал 50-летнего мужчину виновным и по совокупности приговоров назначил наказание в виде 9 лет лишения свободы с отбыванием наказания в колонии особого режима³.

11 марта 2022 года стало известно, что Второй Западный окружной военный суд вынес приговор шестерым членам ячейки запрещенной религиозно-экстремистской организации, отбывающим наказание за тяжкие преступления в колонии ФКУ ИК-8 в Воронежской области. Все шестеро признаны виновными по ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности), ч. 1 ст. 280 УК РФ (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), ч. 2 ст. 205.2 УК России (публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма)⁴.

Гражданин Республики Таджикистан, который отбывал наказание в Исправительной колонии №1 в Пермском крае, осужден за призывы к террористической деятельности среди заключенных. Гражданин К. Бахров призывал других заключенных колонии участвовать в боевых действиях на стороне международной террористической организации «Исламское государство» (организация признана террористической и запрещена в России). Кроме того, он рас-

пространял идеи насилия по мотивам религиозной ненависти и вражды⁵.

15 сентября 2020 года пресс-служба стало известно, что УФСБ России по Тверской области совместно с УФСИН России по Тверской области пресекли попытку создания религиозно-экстремистской ячейки, пропагандирующей идеологию терроризма в местах лишения свободы. В результате расследования уголовного дела была доказана причастность к пропаганде террористической деятельности и оправданию терроризма лица, отбывающего наказание в местах лишения свободы на территории Тверской области. Было установлено, что он предпринимал попытки по формированию из числа осужденных экстремистской ячейки, придерживающейся идеологии террора. Решением выездной коллегии 2-го Западного военного суда фигурант приговорен к 2,5 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строгого режима, сообщили в УФСБ по Тверской области⁶.

4 августа 2020 года стало известно, что Осужденный, который содержится в СИЗО №1 в Хакасии, приговорен дополнительно к четырем с половиной годам лишения свободы за пропаганду терроризма среди заключенных. Проверка, которую проводили сотрудники регионального управления ФСБ России и территориального управления ФСИН России, выявила, что он распространял в изоляторе идеологию запрещенной в России террористической организации «Высший военный Маджлисуль Шура

⁵ В Пермском крае заключенный осужден на 3,5 года за призывы к терроризму : [информационный материал]. // Рифей-Пермь: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: https://rifey.ru/news/list/id_101081.

⁶ В Тверской области экстремист пытался создать в колонии террористическую ячейку : [информационный материал]. // TVERIGRAD: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://tverigrad.ru/publication/v-kolonii-v-tverskoj-oblasti-pytal-sosdat-terroristicheskiju-jachejku/>.

⁷ Арестант СИЗО получил новый срок за пропаганду терроризма : [информационный материал]. // Интерфакс: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://www.interfax.ru/russia/720176>.

⁸ Спецназ ликвидировал захватчиков в ростовском СИЗО. Заложники освобождены : [информационный материал]. // Lenta.RU: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/16/spetsnaz-likvidiroval-zahvatchikov-v-rostovskom-sizo-zalozhnikи-osvobozhdenы-i-ne-postradali/>.

⁹ Спецназ ликвидировал исламистов в волгоградской колонии. Как им удалось захватить заложников и почему это стало возможно? : [информационный материал]. // Lenta.RU: [новостной портал]. – [Б.м.], 2025. – URL: <https://lenta.ru/articles/2024/08/23/terrorists/>.

Объединенных сил моджахедов Кавказа» (организация признана террористической и запрещена в России), а также публично не раз высказывался «в поддержку международных террористических организаций, а также одобрял деятельность незаконных вооруженных формирований на Северном Кавказе»⁷.

16 июня 2024 года шестеро арестантов захватили заложников в СИЗО г. Ростова-на-Дону. Переговоры с преступниками не дали результатов. В ходе проведения специальной операции по освобождению заложников в СИЗО-1 ГУФСИН России по Ростовской области преступники ликвидированы. Были установлены личности всех преступников. Трое из них были осуждены в декабре 2023 года за участие в «Исламское государство» (организация признана террористической и запрещена в России) и подготовке теракта – они планировали напасть на здание Верховного суда в Карачаево-Черкесии⁸.

23 августа 2024 года днем 23 августа четверо заключенных ИК-19 в городе Суровикино под Волгоградом захватили заложников во время заседания дисциплинарной комиссии. Злоумышленники, заявившие о принадлежности к запрещенной в России международной террористической организации «Исламское государство» (организация признана террористической и запрещена в России)⁹.

Это только некоторые из приведённых нами примеров. Указанные примеры, по нашему мнению, только подтверждают ак-

туальность выбранной нами темы статьи.

На наш взгляд, далеко не случайно ещё в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») (далее – стратегия), в п. 42 говорится о том, что «...Растёт число преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. Дестабилизирующее влияние на общественно-политическую обстановку оказывают экстремистские проявления», а в п. 47 указанной стратегии прямо сказано, что «... для достижения целей обеспечения государственной и общественной безопасности необходимо решение следующих задач:

- предупреждение и пресечение террористической и экстремистской деятельности организаций и физических лиц;
- предупреждение проявлений радикализма, профилактика экстремистских и иных преступных проявлений, прежде всего среди несовершеннолетних и молодёжи;

- предупреждение и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых с использование информационно

- коммуникационных технологий, в том числе легализации преступных доходов, финансирования терроризма...;

- предупреждение и нейтрализация социальных, межконфессиональных и межнациональных конфликтов, сепаратистских проявлений, предупреждение распространения религиозного радикализма, деструктивных религиозных течений, формирования этнических и религиозных анклавов, социальной и этнокультурной изолированности отдельных групп граждан».

Применительно к уголовно-исполнительной системе, по нашему мнению, одним из приоритетных направлений должна стать именно профилактика экстремизма и терроризма.

Поэтому в утвержденной Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2013г. № 72 «Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы», среди лиц, подлежащих постановке на профилактический учет (п. 24), были добавлены лица, изучающие, пропагандирующие исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию, а также определен объем профилактических мероприятий, осуществляемых различными отделами и службами учреждений уголовно-исполнительной системы.

С учетом необходимости решения задач, указанных выше в стратегии, на наш взгляд, целесообразно проведение комплекса мероприятий, направленных на противодействие идеологии терроризма и экстремизма на современном этапе:

- 1) Профилактическая работа с отбывающими наказание за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, в том числе с лицами, осужденными за общеуголовные преступления, но придерживающимися идей радикального ислама.

- 2) Работа по адаптации и социальной реабилитации лиц, отбывших уголовное наказание за совершение преступлений террористической и экстремистской направленности, а также добровольно отказавшихся от террористической и экстремистской деятельности.

- 3) Организация индивидуальной профилактической работы с родственниками (женами, детьми, братьями, сестрами и т. д.) членов экстремистских и террористических организаций.

- 4) Организация профилактической работы с лицами, получившими религиозное образование за рубежом, а также по недопущению распространения среди мусульман, проживающих на территории региона (области, края, автономной области, окру-

га), идеологии терроризма и экстремизма.

5) Организация работы по противодействию идеологии терроризма и экстремизма среди мигрантов, с учётом проходящих миграционных процессов в РФ, с целью их культурной ассилияции среди граждан Российской Федерации.

6) Организация и проведение мероприятий (просветительских, образовательных, научных) в сфере противодействия идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде.

7) Организация деятельности по противодействию идеологии терроризма и экстремизма в сети «Интернет» (включая работу в социальных сетях и блогах). Здесь необходимо более тесное взаимодействие органов федеральной службы безопасности и полиции.

8) Дальнейшее развитие и совершенствование сети спортивных секций, спортивных и неспортивных клубов, кружков, объединений, финансируемых за счет средств муниципальных бюджетов, при активной помощи и поддержке органов исполнительной власти субъектов РФ, направленных на воспитание молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей.

9) Взаимодействие правоохранительных органов с органами и учреждениями, осуществляющими воспитательные

функции, по вопросам выявления случаев вовлечения учащихся образовательных организаций в экстремистскую, террористическую деятельность и деятельность иных деструктивных объединений.

В заключении отметим, что проблематика противодействия экстремизму и терроризму носит глобальный геополитический характер и охватывает все сферы жизни общества: начиная с приобщения ребёнка к общечеловеческим ценностям, традициям, культуре, религиозным нормам своего народа, заканчивая деятельностью правоохранительных органов по предупреждению и пресечению экстремистских и террористических актов.

В России, где на современном этапе функционируют более 20 тыс. религиозных объединений почти 75–80 вероучительных направлений, проблема этноконфессиональной безопасности государства становится как никогда актуальной.

Ещё до недавнего времени данная проблема была актуальной лишь для отдельных регионов, проявляющих сепаратистские настроения, подогреваемые западными странами.

Но на сегодняшний день, во многом «благодаря» развитию информационных технологий, повышению уровня мобильности граждан, распространение радикальных идей экстремизма и терроризма происходит не локально, а зачастую повсеместно [1, с. 4-5].

Литература

1. Зниkin B.K. Противодействие оперативных подразделений ФСИН России вовлечению подозреваемых, обвиняемых и осуждённых в экстремистскую и террористическую деятельность: учебное пособие / B.K. Зниkin, A.S. Морозов. – Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. – 60 с.

References

1. Znikin V.K. Protivodejstvie operativnykh podrazdelenij FSIN Rossii vovlecheniyu podozrevaemykh, obvinyaemykh i osuzhdennykh v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost': uchebnoe posobie / V.K. Znikin, A.S. Morozov. – Novokuznetsk: FKOU VO Kuzbasskij institut FSIN Rossii, 2018. – 60 s.

Сведения об авторах

Шилов Константин Александрович: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности. E-mail: konstantin.shilov2017@yandex.ru.

Шитов Вадим Петрович: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности. E-mail: W-dim84@mail.ru.

Information about the authors

Shilov Konstantin Alexandrovich: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), Senior lecturer at the Department of Organization of Operational Investigative Activities. E-mail: konstantin.shilov2017@yandex.ru.

Shitov Vadim Petrovich: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), Lecturer at the Department of Organization of Operational Investigative Activities. E-mail: W-dim84@mail.ru.

ПЕДАГОГИКА
Pedagogy

УДК 378.046.4

Е. Д. Павлова

**ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИЙ
СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Статья посвящена исследованию роли дополнительного образования в формировании профессиональных компетенций сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Рассмотрены современные подходы к повышению квалификации, включая юридическую, психологическую и организационно-управленческую подготовку, а также методы оценки эффективности образовательных программ. На основе анализа нормативно-правовых документов, отчётов образовательных организаций ФСИН России, статистических данных и опросов сотрудников выявлены тенденции формирования компетентности, изменения уровня профессиональной зрелости и эффективности служебной деятельности.

Показано, что интеграция практико-ориентированных модулей, дистанционных технологий и психологической подготовки способствует повышению уровня правовой грамотности, стрессоустойчивости, организационно-управленческих навыков и качества взаимодействия с осуждёнными. Предложены меры оптимизации образовательного процесса, включая индивидуализацию траекторий обучения, использование смешанных форматов, практико-ориентированные кейсы и комплексную систему мониторинга эффективности.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, дополнительное образование, повышение квалификации, компетентностный подход, профессиональные компетенции, ФСИН России, стресс-менеджмент, организационно-управленческие навыки.

E. D. Pavlova

**CONTINUING EDUCATION AS A TOOL FOR ENHANCING
THE COMPETENCIES OF EMPLOYEES IN THE PENAL SYSTEM
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The article is devoted to the study of the role of additional education in the formation of professional competencies of employees of the penitentiary system of the Russian Federation. Modern approaches to professional development, including legal, psychological, organizational and managerial training, as well as methods for evaluating the effectiveness of educational programs, are considered. Based on the analysis of regulatory documents, reports of educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia, statistical data and employee surveys, trends in competence formation, changes in the level of professional maturity and

© Павлова Е.Д., 2025

© Pavlova E.D., 2025

performance efficiency have been identified.

It is shown that the integration of practice-oriented modules, distance technologies and psychological training contributes to improving the level of legal literacy, stress tolerance, organizational and managerial skills and the quality of interaction with convicts. Measures to optimize the educational process are proposed, including the individualization of learning paths, the use of mixed formats, practice-oriented cases, and a comprehensive performance monitoring system.

Keywords: penal enforcement system, additional education, advanced training, competence approach, professional competencies, Federal Penitentiary Service of Russia, stress management, organizational and managerial skills.

Современное развитие уголовно-исполнительной системы Российской Федерации характеризуется не только совершенствованием нормативной базы и институциональных механизмов исполнения наказаний, но и необходимостью постоянного повышения профессиональной компетентности сотрудников, обеспечивающих функционирование учреждений системы [7, с. 73]. В условиях усложнения социально-криминогенной обстановки, расширения спектра задач, стоящих перед уголовно-исполнительными учреждениями, а также внедрения современных технологий управления исправительными процессами актуализация вопросов дополнительного образования сотрудников приобретает системный характер [4, с. 146]. Сотрудники системы сталкиваются с необходимостью одновременно обеспечивать соблюдение правовых норм, поддерживать порядок и психологический климат, а также адаптироваться к динамично изменяющейся социальной среде.

В таких условиях профессиональная подготовка, базовая квалификация и практический опыт перестают быть достаточными для выполнения служебных обязанностей на требуемом уровне, что делает актуальным рассмотрение дополнительных форм образования как средства формирования комплексных компетенций. Дополнительное образование представляет собой инструмент, позволяющий систематизировать и обновлять знания, приобретать новые умения и навыки, а также развивать способность применять их в реальных

служебных ситуациях, где требования к сотруднику варьируются в зависимости от уровня ответственности и специфики исполнения наказаний [2, с. 47-48]. Анализ современных подходов к профессиональному развитию сотрудников различных категорий показал, что формальные программы повышения квалификации не всегда позволяют полноценно восполнить недостатки компетенций, особенно в аспектах психологической устойчивости, применения инновационных технологий и организационно-правовой компетентности.

Материалы исследования включали нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, а также программы дополнительного образования, разработанные для сотрудников УИС. В качестве основных источников информации использовались Федеральный закон от 19.07.2018 N 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», приказы и методические рекомендации ФСИН России, официальные образовательные программы курсов повышения квалификации, материалы научных публикаций, посвященных профессиональному развитию сотрудников правоохранительных органов, и эмпирические данные, полученные в результате анализа отчетов учреждений уголовно-исполнительной системы о прохождении дополнительного обучения их сотрудниками.

Эмпирическая часть исследования строилась на анализе данных о численно-

сти сотрудников, прошедших программы повышения квалификации, их распределении по должностным категориям и специализациям, а также результатах оценки профессиональных компетенций до и после прохождения обучения. Для количественного анализа использовались статистические показатели прохождения курсов, количество часов обучения, форма обучения (очно, дистанционно, смешанная) и уровень освоения программ по итогам тестирования. К качественным методам исследования относился контент-анализ образовательных программ и методических материалов, направленных на развитие профессиональных компетенций, оценка их соответствия современным требованиям уголовно-исполнительной системы, а также сопоставление структуры программ с целями повышения юридической, психологической и организационно-управленческой компетентности сотрудников.

Методы анализа включали статистическую обработку количественных данных с использованием описательной статистики и корреляционного анализа для выявления связи между формой обучения и уровнем освоения компетенций, а также сравнительный анализ программ дополнительного образования в различных регионах Российской Федерации для определения общих тенденций и региональных различий. Контент-анализ позволил систематизировать цели и содержание образовательных модулей, выявить приоритетные направления развития компетенций, а также оценить интеграцию практико-ориентированных и теоретических компонентов программ.

Использование сочетания количественных и качественных методов обеспечило комплексное понимание того, как дополнительные образовательные программы влияют на формирование профессиональных компетенций сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также позволило определить направления совершенствования учебных программ с учетом

специфики работы учреждений, изменяющихся законодательных требований и современных подходов к профессиональному развитию сотрудников.

Проблематика дополнительного образования в профессиональной подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации рассматривается в современных исследованиях как средство интеграции знаний, навыков и личностных качеств, необходимых для эффективного выполнения служебных обязанностей [4, с. 149]. Концепция компетентностного подхода предполагает, что профессиональная компетенция формируется через сочетание теоретических знаний, практических умений и опыта, а также через развитие эмоциональной устойчивости и способности к взаимодействию с различными категориями осужденных и коллег [9, с. 172]. При этом компетенции не ограничиваются узкой профессиональной сферой, но охватывают организационно-управленческую деятельность, правоприменительную практику и социальное взаимодействие.

В научной литературе подчеркивается, что дополнительные образовательные программы, включающие практико-ориентированные модули, тренинги по управлению стрессом, кейс-методы и дистанционное обучение, позволяют сотрудникам не только поддерживать актуальность знаний, но и развивать навыки анализа сложных ситуаций, прогнозирования и принятия решений [10, с. 248-249]. Юридическая подготовка ориентирована на освоение изменений в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, анализ правоприменительной практики и развитие навыков применения нормативных актов на практике. Психологическая подготовка формирует способность к самоорганизации, развитию коммуникативных навыков и управлению эмоциональными состояниями, что непосредственно влияет на качество взаимодействия с осужденными и коллегами. Организационно-управленчес-

ская подготовка направлена на освоение современных технологий управления процессами исполнения наказаний, планирование работы подразделений и контроль за выполнением служебных обязанностей, что способствует снижению числа ошибок и повышению эффективности работы учреждения [1, с. 14].

Теоретические подходы к оценке эффективности дополнительного образования включают количественные и качественные методы. Количественные методы предполагают анализ успеваемости, тестирование знаний, оценку выполнения профессиональных задач и динамику служебной эффективности, тогда как качественные методы ориентированы на экспертные оценки, интервью с руководителями, опросы сотрудников и наблюдение за применением знаний на практике [2, с. 50]. В совокупности эти методы позволяют оценить, насколько образовательные программы способствуют формированию компетенций и повышению профессиональной зрелости сотрудников.

Рассмотрение дополнительных образовательных программ, реализуемых в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, позволяет выявить закономерности и тенденции в развитии профессиональной компетентности сотрудников. Статистическая обработка отчётов за последние пять лет показывает, что ежегодно через различные формы повышения квалификации проходит от 35 до 45% личного состава учреждений ФСИН [5, с. 105]. Данные свидетельствуют о том, что особую активность в освоении образовательных программ проявляют сотрудники среднего звена, тогда как представители руководящих должностей чаще ограничиваются краткосрочными курсами, что связано с их высокой загруженностью и ограниченным временем для прохождения обучения.

Анализ отчётных материалов образовательных организаций ФСИН России показывает, что средняя продолжительность

программ дополнительного образования варьируется от 72 до 144 академических часов, при этом эффективность усвоения материала напрямую зависит от сочетания лекционных и практических занятий [7, с. 74]. Программы, основанные преимущественно на теоретических лекциях, обеспечивают прирост знаний, однако не формируют устойчивых практических навыков, тогда как интеграция анализа кейсов, деловых игр и ситуационного моделирования позволяет закрепить знания и развить умение применять их в конкретных служебных условиях. Отметим, что сравнение результатов тестирования до и после прохождения курсов показывает, что уровень правильных ответов на вопросы, связанные с последними изменениями уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, увеличивается в среднем на 22–25% [3, с. 114]. При этом наблюдается рост способности сотрудников анализировать судебные решения и формулировать правовые позиции, что свидетельствует о развитии навыков интерпретации и применения норм в сложных ситуациях.

Не менее показательными являются результаты в сфере психологической подготовки: интервью с руководителями подразделений выявили снижение числа конфликтных ситуаций между сотрудниками и осужденными на 18%, что в то же время подтверждается и служебной статистикой [9, с. 173]. Сотрудники, прошедшие тренинги по стресс-менеджменту и коммуникативным стратегиям, отмечают снижение уровня эмоциональной нагрузки, рост уверенности в профессиональной деятельности и улучшение качества взаимодействия с поднадзорными лицами. В учреждениях, где внедрены программы психологической подготовки, фиксируется более низкий уровень текучести кадров и меньшая склонность сотрудников к профессиональному выгоранию [6, с. 264].

Организационно-управленческая подготовка оказалась особенно востребованной в связи с цифровизацией уголовно-ис-

полнительной системы [8, с. 446]. Введение автоматизированных систем учета осужденных, контроля перемещений и электронного документооборота потребовало от сотрудников новых навыков. Анализ отчетов показал, что в учреждениях, где сотрудники прошли обучение работе с цифровыми платформами, количество ошибок при ведении документации сократилось на 30%, а скорость обработки служебной информации увеличилась в среднем на 40% [5, с. 106]. Руководители подразделений отмечают, что после прохождения курсов сотрудники демонстрируют большую уверенность в планировании и контроле, проявляют инициативу в оптимизации рабочих процессов и более активно используют цифровые инструменты в повседневной деятельности [5, с. 106-107].

Проведенный в ходе исследования сравнительный анализ образовательных программ в различных регионах страны выявил определенные различия в подходах к их реализации. Так, в центральных регионах чаще используются дистанционные образовательные технологии, что позволяет обучать значительное количество сотрудников одновременно и снижает затраты на командировки [3, с. 115]. В регионах с ограниченной цифровой инфраструктурой доминируют очные формы обучения, где акцент делается на практических занятиях и тренингах [1, с. 16]. Несмотря на различия в методике, общим результатом становится рост профессиональной компетентности сотрудников, подтверждаемый как статистическими показателями, так и экспертными оценками.

Опросы сотрудников, прошедших обучение, позволили выявить субъективное восприятие эффективности дополнительных образовательных программ. Более 70% опрошенных отметили, что обучение способствует систематизации ранее полученных знаний и формированию целостного понимания структуры уголовно-исполнительной системы. Около 65% указали на рост уверенности в профессиональной дея-

тельности, способность быстрее принимать решения и адаптироваться к изменяющимся условиям. При этом около 15% респондентов подчеркнули, что недостаточная практическая направленность отдельных курсов снижает их результативность, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования программ в сторону большего использования прикладных методов [4, с. 148].

Анализ совокупности количественных и качественных данных позволяет сделать вывод, что дополнительное образование оказывает системное воздействие на профессиональную подготовку сотрудников уголовно-исполнительной системы. Программы, включающие комплексное сочетание юридической, психологической и организационно-управленческой подготовки, формируют устойчивую профессиональную зрелость, способствуют снижению числа конфликтных ситуаций, повышают эффективность управления и создают предпосылки для развития корпоративной культуры, основанной на профессионализме и соблюдении правовых норм [8, с. 447].

Одним из ключевых направлений оптимизации дополнительного образования как инструмента повышения компетенций сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации может стать интеграция цифровых технологий – расширение использования дистанционных платформ и онлайн-симуляторов дает возможность обучать сотрудников без отрыва от службы, сокращая финансовые и временные издержки. Вместе с тем дистанционное обучение не должно полностью подменять очные форматы: эффективной оказывается модель «смешанного обучения», при которой теоретические знания осваиваются онлайн, а практические навыки закрепляются в ходе очных тренингов и деловых игр. Статистика показывает, что именно кейсы, ситуационные задачи и моделирование конфликтных ситуаций обеспечивают формирование устойчивых компетенций.

Следовательно, при разработке курсов акцент должен делаться на разборе конкретных ситуаций из практики ФСИН России, анализе судебных решений, использовании примеров из служебной деятельности, что позволит приблизить учебный процесс к реальности.

Дополнительного внимания требует обновление психологической подготовки сотрудников. Традиционные курсы, ограниченные лекционными занятиями, не обеспечивают должного эффекта в сфере стресс-менеджмента и профилактики профессионального выгорания. Оптимальным представляется внедрение программ с элементами когнитивно-поведенческих практик, тренингов эмоциональной устойчивости и индивидуальных консультаций, что позволит снизить уровень профессиональной дезадаптации.

На наш взгляд, привлечение специалистов из вузов, научно-исследовательских институтов и юридической практики также позволит повысить научный и прикладной уровень образовательных программ. Кроме того, обмен опытом между региональными подразделениями ФСИН России, включая разработку единой базы учебно-методических материалов и платформы для обмена кейсами, обеспечит унификацию стандартов и повысит общий уровень компетентности сотрудников.

Наконец, целесообразно усилить систему оценки эффективности дополнительного образования; текущая практика зачастую ограничивается тестированием и формальным учетом часов обучения. Для получения объективной картины необходимо внедрение комплексной системы

мониторинга, включающей оценку профессиональных показателей, экспертные интервью, самооценку сотрудников и анализ практических результатов работы. Подобная разработанная система позволит не только фиксировать достигнутый уровень компетенций, но и корректировать программы в зависимости от потребностей конкретных подразделений.

Дополнительное образование представляет собой эффективный инструмент повышения профессиональной компетенции сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации за счет целенаправленного формирования и развития специальных знаний, умений и личностных качеств, необходимых для выполнения служебных задач в условиях современных вызовов и преобразований. Совокупность результатов проведенного анализа показывает, что дополнительное образование сотрудников ФСИН России нуждается не столько в расширении количественных показателей, сколько в повышении качества и адаптивности образовательных программ.

В первую очередь целесообразно сместить акцент на индивидуализированные траектории обучения. Уровень подготовки сотрудников существенно варьируется в зависимости от их стажа, должности и сферы профессиональной ответственности. Унификация программ, ориентированных на «среднего слушателя», снижает их практическую ценность. Разработка модульных курсов, позволяющих каждому сотруднику осваивать именно те блоки, которые необходимы для его деятельности, позволит повысить результативность образовательного процесса.

Литература

1. Александрова Н.С. Особенности повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы / Н.С. Александрова, О.В. Кропачева // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72-4. – С. 13–16.
2. Вилкова А.В. Обучение сотрудников ФСИН России в системе дополнительного профессионального образования: развитие педагогических компетенций / А.В. Вилкова, С.А. Фадеева // Ведомости УИС. – 2025. – №1. – С. 46–51.

3. Гайдукова О.М. Особенности профессионального обучения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2019. – № 1. – С. 113–116.

4. Грязнов С.А. Профессиональная подготовка сотрудников УИС как условие пенитенциарной безопасности / С.А. Грязнов, О.Н. Ежова // Вестник Самарского юридического института. – 2013. – №3 (11). – С. 145–150.

5. Колесов В.И. О совершенствовании разработки дополнительных профессиональных программ в системе дополнительного профессионального образования в УИС / В. И. Колесов, В. И. Силенков, М. И. Тарасова // Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. – 2021. – С. 103–107.

6. Муравьев В.Н. Вопросы профессиональной социализации в УИС, состояние разработанности проблемы / В.Н. Муравьев, М.Г. Личутина // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 77-4. – С. 263–265.

7. Соколов А.К. Развитие профессиональной компетентности сотрудников образовательной организации уголовно-исполнительной системы // Ped.Rev. – 2024. – № 4 (56). – С. 71–77.

8. Царькова Е.Г. Микрообучение как инструмент развития дополнительного профессионального образования сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Образование и право. – 2024. – № 4. – С. 444–447.

9. Чопик О.А. Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы РФ: парадигмы качества образования // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. – 2024. – С. 171–173.

10. Шеремета Т.В. Организация и оценка обученности сотрудников уголовно-исполнительной системы в дополнительном профессиональном образовании // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 64-2. – С. 247–250.

References

1. Aleksandrova N.S. Osobennosti povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy / N.S. Aleksandrova, O.V. Kropacheva // Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2021. – № 72-4. – S. 13–16.

2. Vilkova A.V. Obuchenie sotrudnikov FSIN Rossii v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya: razvitiye pedagogicheskikh kompetentsij / A.V. Vilkova, S.A. Fadeeva // Vedomosti UIS. – 2025. – №1. – S. 46–51.

3. Gajdukova O.M. Osobennosti professional'nogo obucheniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii rabotnikov FSIN Rossii. – 2019. – № 1. – S. 113–116.

4. Gryaznov S.A. Professional'naya podgotovka sotrudnikov UIS kak uslovie penitentsiarnoj bezopasnosti / S.A. Gryaznov, O.N. Ezhova // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. – 2013. – №3 (11). – S. 145–150.

5. Kolesov V.I. O sovershenstvovanii razrabotki dopolnitel'nykh professional'nykh programm v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya v UIS / V. I. Kolesov, V. I. Silenkov, M. I. Tarasova // Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federatsii. – 2021. – S. 103–107.

6. Murav'ev V.N. Voprosy professional'noj sotsializatsii v UIS, sostoyanie razrabotannosti problemy / V.N. Murav'ev, M.G. Lichutina // Problemy sovremennoego pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2022. – № 77-4. – S. 263–265.

-
7. *Sokolov A.K.* Razvitiye professional'noj kompetentnosti sotrudnikov obrazovatel'noj organizatsii ugolovno-ispolnitel'noj sistemy // Ped.Rev. – 2024. – № 4 (56). – S. 71–77.
 8. *Tsar'kova E.G.* Mikroobuchenie kak instrument razvitiya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossiijskoj Federatsii // Obrazovanie i pravo. – 2024. – № 4. – S. 444–447.
 9. *Chopik O.A.* Sovrshennstvovanie professional'noj podgotovki sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy RF: paradigmы kachestva obrazovaniya // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki. – 2024. – S. 171–173.
 10. *Sheremeta T.V.* Organizatsiya i otsenka obuchennosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii// Problemy sovremenennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2019. – № 64-2. – S. 247–250.

Сведения об авторе

Павлова Елена Дмитриевна: Университет ФСИН России (г. Пушкин, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация), старший преподаватель-методист факультета профессионального обучения и дополнительного профессионального образования. E-mail: schatun82@mail.ru.

Information about the author

Pavlova Elena Dmitrievna: University of the Federal Penitentiary Service of Russia (Pushkin, Saint Petersburg, Russian Federation), Senior lecturer and methodologist at the Faculty of Vocational Training and Continuing Professional Education. E-mail: schatun82@mail.ru.

ПСИХОЛОГИЯ
Psychology

УДК 159.99

А. А. Гриднева

**СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ САМООСУЩЕСТВЛЕНИИ
СОТРУДНИКОВ УИС**

Актуальность изучения смысложизненных ориентаций сотрудников УИС в их профессиональном самоосуществлении обусловлена не только необходимостью усовершенствования теоретических представлений о базисной для научных гуманитарных исследований проблеме смысловой организации личности, но и практической необходимостью в формулировании научно-обоснованных принципов подбора сотрудников для уголовно-исполнительной системы и оказания им психологической поддержки в условиях нестабильной обстановки в обществе. В статье приведены результаты исследования проявлений смысложизненных установок в процессе профессиональной реализации сотрудников уголовно-исполнительной системы. Рассматриваются теоретические основы проявления смысложизненных ориентаций в профессиональной деятельности, практические подходы к исследованию обозначенной проблематики, а также приводятся итоги проведенного эмпирического анализа. Полученные эмпирические данные подвергаются статистическому анализу, представлены количественные и качественные характеристики выявленных результатов.

Ключевые слова: сотрудники, уголовно-исполнительная система, самоосуществление, смысложизненные ориентации, профессиональное самоосуществление, профессиональная подготовка, профессиональная деятельность.

A. A. Gridneva

**LIFE-PURPOSE ORIENTATIONS IN THE PROFESSIONAL
SELF-FULFILLMENT OF PENAL EXECUTION SYSTEM STAFF**

The article is devoted to the study of the role of additional education in the formation of professiThe relevance of studying the life-purpose orientations of penal system staff in their professional self-fulfillment stems not only from the need to expand theoretical understanding of the fundamental problem of personality meaning organization in scientific humanities research, but also from the practical need to develop scientifically based principles for selecting employees for the penal system and providing them with psychological support in an unstable social environment. This article presents the results of a study on the manifestations of life-purpose attitudes in the professional fulfillment of penal system staff. It examines the theoretical foundations of life-purpose orientations in professional activity, practical approaches to researching these issues, and presents the results of the empirical analysis. The obtained empirical data are subjected to statistical analysis, and quantitative and qualitative

characteristics of the findings are presented.

Keywords: employees, penal system, self-fulfillment, professional self-fulfillment, life-purpose orientations, professional training, professional activity.

В современных реалиях нами наблюдается смена парадигмы смыслов и ценностей в мировоззрении людей, что обусловлено не только глобальной ускоренной цифровизацией, но и информационная избыточность, формирующими необходимость в ежедневной адаптации к изменяющемся миру. На текущий момент уголовно-исполнительная система (далее – УИС) подвержена изменениям общественных установок по отношению к почетности службы, переосмысливанием подходов к профессиональной деятельности персонала и активной ротацией кадров, что подчеркивает важность исследования механизмов повышения профессиональной мотивации сотрудников и уровня их вовлеченности в работу. Являющееся фундаментальной категорией бытия личности, профессиональное самоосуществление, формирует основу постановки целей и достижения результатов, обеспечивая не только жизнестойкость и развитие индивида в условиях динамично меняющейся реальности, но и успешность выполнения служебных обязательств сотрудниками УИС, направленных на выполнение основных функций системы по обеспечению правопорядка. Так, актуальность исследования обусловлена не только необходимостью усовершенствования теоретических представлений о фундаментальной для научных гуманитарных исследований проблеме смысловой организации личности, но и практической необходимостью в разработке научно-обоснованных принципов подбора сотрудников для уголовно-исполнительной системы и оказания им психологической поддержки.

Объект исследования: процесс профессионального самоосуществления сотрудников УИС. **Предметом исследования** являются особенности взаимосвязи проявления смысложизненных ориентаций

и профессионального самоосуществления сотрудников УИС. **Целью исследования** является изучение взаимосвязи проявления смысложизненных ориентаций и профессионального самоосуществления сотрудников УИС. Для достижения цели были поставлены **задачи**: 1) рассмотреть современные представления о профессиональном самоосуществлении; 2) сформулировать теоретическое обоснование взаимосвязи смысложизненных ориентаций и процесса профессионального самоосуществления; 3) эмпирически изучить характеристики взаимосвязи между особенностями реализации смысложизненных ориентаций и успешностью профессионального самоосуществления сотрудников УИС. Нами использовались методы: общенаучные (метод анализа и синтеза и обобщения информации), психодиагностические методы (метод тестирования), методы математической и статистической обработки данных.

Понятие о самоосуществлении фигурирует в работах таких исследователей, как А. Маслоу, К. Р. Роджерс, А. Лэнгле, Ф. Перлз, М. Рокич, Р. Мэй, Ш. Бюлер, В. Е. Ключко, А.Г. Здравомыслов, И. Завалишин, К.В. Карпинский и др. Термин рассматривается экзистенциальной психологией и связан с реализацией духовных потребностей. К. Хорни описывает самоосуществление как полную реализацию подлинных возможностей человека [6]. К. Роджерс определяет самоосуществление как стремление к наиболее полному выявлению и развитию способностей и возможностей [5]. Ф. Перлз же отмечает, что самоосуществление является отражением внутренней потребности саморазвития [4]. А. Маслоу говорит о значении внутренних устремлений в процессе реализации самости и обращает наше внимание к удерживаемому внутреннему образу, который по-

буждает к движению к цели [3]. Обобщая существующие теории самоосуществления, отмечаем следующие аспекты: 1) самоосуществление является воплощением человеком своего потенциала посредством стремления к жизненным целям и смыслам, согласующимся с его внутренними ценностями и убеждениями; 2) человек самоосуществляется через активную деятельность и осознание собственной личности именно в ходе этой деятельности; 3) развитие процесса самоосуществления имеет этапы, обусловленные возрастными особенностями индивида и степенью реализации биологической зрелости; 4) с одной стороны, общество оказывает влияние на формирование жизненных целей, движение к ним и процессы самовыражения, с другой стороны, состояние личной реализации отражается на взаимодействии человека с окружающим обществом.

Профессиональное самоосуществление связано с понятиями «профессиональные ценности», «профессиональная идентичность», «профессиональное сознание», «профессиональное развитие» и рассматривается в контексте категорий «деятельность», «квалификация», «профессия», рассматриваемых в работах С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, Е. А. Климова, Э. Гринвуда и др. Таким образом, рассуждая о профессиональном самоосуществлении, важно отметить следующее:

1. Профессиональное самоосуществление невозможно без развитого профессионального самосознания, играющего ключевую роль как в сознательном выборе профессии, так и в последующей успешной адаптации в выбранной сфере деятельности.

2. Профессиональное сознание подразумевает глубокое осознание профессиональных ценностей, наличие необходимых навыков и знаний, постоянное стремление к развитию и самосовершенствованию, четкое понимание и соблюдение профессиональных стандартов и правил, способ-

ность эффективно применять их на практике.

3. Представления о сущности профессиональных явлений и их взаимосвязях с конкретной деятельностью и профессиями могут отличаться в зависимости от научных подходов разных исследователей, однако общим остается признание значимости профессионального сознания и поведения в выполнении должностных обязанностей и достижении профессиональных целей.

4. Профессиональная деятельность оказывает двустороннее воздействие: с одной стороны, способствует формированию и развитию необходимых навыков, знаний и компетенций, с другой – влияет на становление личностных характеристик и системы ценностей специалиста.

5. Профессиональное самоосуществление задаёт вектор развития профессиональной деятельности, определяя характер целеполагания и эффективность достижения поставленных целей. Однако, принимая во внимание существующие теории, утверждающие, что самоосуществление является результатом процесса самореализации, можно сделать вывод, что исходным пунктом выступает сама профессиональная деятельность, соответствующая индивидуальным мотивациям, интересам, ценностным установкам, возможностям и профессиональным навыкам работника.

6. Процесс профессионального и личностного роста тесно переплетены, основываясь на принципах саморазвития, приводящих к высшему уровню самореализации личности – творческому раскрытию её потенциалов.

7. Профессиональное самоосуществление представляет собой важную систему факторов, формирующих готовность и склонность к самостоятельному, активному и осознанному выполнению профессиональной деятельности.

8. Структуру профессионального самоосуществления составляют такие элементы, как самопознание, объективная оценка собственных личностных качеств и

целенаправленное воспитание нужных качеств и способностей.

Ряд учёных, среди которых отмечаем В. Франкла, М. Чиксентмихали, С. Мадди, Ф. Феникса и др., в своих исследованиях подчёркивают значимость понятия «смысла», рассматривая его как наивысший объединяющий аспект человеческой личности. Другие специалисты, такие как Ж. Нюттен, Р. Мэй, Дж. Келли, Дж. Этвуд и Р. Столоров, Л. Томас и Ш. Харри-Аугстайн, Р. Харре, Дж. Шоттер и прочие, определяют «смысл» как фундаментальный механизм, лежащий в основе человеческого сознания и поведения. Вопрос о природе смысла остаётся открытым: учёные расходятся во взглядах на то, отражает ли данное понятие объективную реальность или же оно носит сугубо субъективный характер. Отечественные психологи, в частности А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Б. С. Братусь, изучают феномен «смысла» сквозь призму экзистенциально-гуманистического подхода. По мнению Д. А. Леонтьева, смысложизненные ориентации представляют собой психологические образования, которые возникают в результате взаимодействия субъекта с объектами его жизнедеятельности и отражают его индивидуальное понимание этих отношений. Они имеют важное значение на протяжении всей жизни личности и служат основой для динамического равновесия ее жизненных отношений, определяют направление самореализации и устанавливают границы через структурное организованность главных жизненных целей и ценностей. Смысложизненные ориентации являются структурообразующими подсистемами смысла жизни личности, а именно жизненными целями, насыщенностью жизни, удовлетворенностью самореализацией и профессиональными успехами, чувством контроля над жизнью и способностью принимать решения [2].

Говоря о взаимосвязи проявления смысложизненных ориентаций и успешности профессионального самоосуществле-

ния, мы делаем следующие выводы:

1) Достижение личного удовлетворения и гармонии с внешним миром зависит от понимания собственных ценностей и ориентиров, составляющих мировоззрение человека, ориентированное на общественные ценности и нормы, внутреннюю позицию личности, содержание ее активности и выбор приоритетов. Ключевым моментом является объективная оценка смыслов жизни в трудовой деятельности, позволяющая человеку приспособиться к условиям современной действительности, сохранять чувство контроля над происходящим и изменять ситуацию вокруг себя и собственное поведение.

2) Поскольку личность – открытая и постоянно развивающаяся система, ее ценностно-смысловые установки и траектория профессионального самоосуществления подвержены изменениям, зависящим от возраста, уровня физической готовности («биологический оптимум») и изменений внешней среды, социальной ситуации.

3) Профессиональная деятельность не только формирует необходимые компетенции, знания и умения, но и воздействует на личностные качества и систему ценностей, делая профессиональное и личностное развитие взаимозависимым процессом, основанным на принципах постоянного саморазвития.

Пенитенциарная среда представляет собой сложную структуру взаимодействий между заключенными, персоналом исправительных учреждений и государственными институтами, представленными судебной и правоохранительной системами, связанными с процедурой назначения и исполнения уголовных наказаний. Она функционирует как замкнутая система. Работа сотрудников уголовно-исполнительной службы протекает в условиях сильного эмоционального напряжения, вызванного социальными и политическими угрозами, профессиональными рисками, постоянными опасениями за собственную жизнь и здоровье. Эти факторы создают значитель-

ные риски для психического благополучия персонала и требуют наличия высоких показателей устойчивости к стрессу. Согласно нашим предыдущим исследованиям, именно смысложизненные ориентации играют решающую роль в формировании личностно-смыслового аспекта стрессоустойчивости и выступают в качестве защитного механизма против негативных последствий стресса, что подтверждает значимость смысловых установок в процессе личностного развития сотрудников УИС [1].

Эмпирическое исследование проведено на базе учреждений УФСИН России по Томской области. Исследование охватило 218 сотрудников, отобранных случайным образом из состава сотрудников воспитательной колонии, исправительных учреждений, следственных изоляторов и управлеченческого аппарата. Состав участников разнообразен: в него вошли как сотрудники, непосредственно контактирующие с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, так и работники, занимающиеся обеспечением жизнедеятельности указанных лиц, организацией и управлением деятельностью учреждений. Нами проведено изучение смысложизненных ориентаций и профессионального самоосуществления сотрудников с помощью психоdiagностических методов, проведена первичная обработка и последующая статистическая обработка полученных данных. Осуществлен анализ материалов личного дела. Исследование смысложизненных ориентаций сотрудников проведено с помощью теста «Смысложизненные ориентации» (методика СЖО).

Д. А. Леонтьева (1986-1988), который позволяет оценить степень сформированности целей в жизни, степень удовлетворенности процессом жизни и своей эффективностью в достижении целей, особенности локус-контроля и общий уровень осмысленности жизни [2]. Оценка эффективности профессионального самоосуществления проводилась при помо-

щи контент-анализа сочинений сотрудников. Испытуемым предлагалось ответить на следующие вопросы: «Какое в Вашей жизни было самое запоминающееся событие?», «Чему самому важному Вы научились в жизни?», «Почему Вы выбрали эту работу?», «Какова цель Вашей профессиональной деятельности?», «Что Вы цените в Вашей работе?», «Насколько Вы удовлетворены своей профессиональной деятельностью?». Полученные ответы сгруппированы и пронумерованы для описания групповых тенденций и последующего проведения статистического анализа. Для статистической обработки информации были использованы следующие методы кластерного анализа по методу К-средних, Н-критерий Крускала-Уоллиса. Статистический анализ информации проводился в офисной программе Microsoft Office Excel и программе StatPlus.

Результаты исследования.

Среди респондентов преобладают мужчины (63,8%), что связано со спецификой задач, реализуемых уголовно-исполнительной системой. Средний возраст обследуемых составляет $35,8 \pm 7$ лет, что позволяет выполнять профессиональные обязанности наиболее эффективно при наличии относительного физического и социально-психологического благополучия. С учетом стажа службы сотрудников ($11,7 \pm 6,4$ лет), можно говорить о стабильности кадрового звена. Уровень образования участников исследования – выше среднего, выше предъявляемых требований. В выборку вошли представители всех должностных категорий, в соотношении близким к распределению должностей в генеральной совокупности, что подтверждает репрезентативность выборки исследования.

Итоги кластерного анализа позволяют выделить три группы сотрудников по степени выраженности смысложизненных ориентаций. Кластер 1 объединяет сотрудников с низкой осмысленностью жизни. Из-за малого размера выборки (всего

шесть человек) и значительных расхождений в показателях, общие характеристики для членов данного кластера установить не представляется возможным.

Представители второго кластера демонстрируют высокие значения осмысленности жизни и отдельных ее компонентов. Полученные результаты существенно пре-восходят средние статистические нормы и отличаются от типичных показателей для соответствующей возрастной категории, что вызывает предположение о возможной тенденции респондентов давать социально одобряемые ответы.

Третий кластер характеризуется умеренно высоким уровнем осмысленности жизни, незначительно превышающим среднее значение, что вполне закономерно обусловлено спецификой работы в уголовно-исполнительной системе. Этот кластер наиболее многочисленный, большинство его членов придают большое значение семейным ценностям, тогда как представители второго кластера чаще нацелены на карьерный рост.

Статистически значимых различий между группами по социальным характеристикам, роду выполняемой деятельности, опыту работы в УИС и структуре смысловой сферы личности сотрудников обнаружено не было.

Главными стимулами для продолжения профессиональной деятельности среди сотрудников УИС оказались финансовые соображения (материальное благосостояние и уверенность в завтрашнем дне). Вместе с тем во всех группах выявлена частичная или полная неудовлетворённость собственным профессиональным развитием. Возможно, такая ситуация связана с желанием обеспечить комфортные условия проживания для своей семьи, что соответствует возрастным нормам. Несоответствие ожидаемого и реального уровня финансового достатка, вероятно, вызвано ошибками в оценке и прогнозировании экономических перспектив, усугубляемыми изменениями в области социальной поли-

тики и финансирования государственных служащих. Уровень удовлетворённости профессиональным ростом не определяется исключительно особенностями смысложизненных ориентаций, а гипотезу нельзя подтвердить имеющимися методами диагностики ввиду отсутствия стандартных методик оценки профессионального само- осуществления и возможного намеренного искажения результатов респондентами.

Наибольшие значения локус-контроля-Я наблюдаются у сотрудников, определяющих наиболее значимым событием в своей жизни событие, связанное с профессиональным развитием. Возможно, это связано с осознаванием собственных ресурсов и возможностей. Наибольшие значения по шкалам «локус-контроля-Жизнь» и «общий показатель осмысленности жизни» наблюдаются у сотрудников, определяющих для себя самым значимым событием путешествия и саморазвитие. Предположительно, чувство контроля своей жизни и осмысленность жизни формируются при получении новых знаний об окружающем мире и о себе в этом мире. Необходимо также отметить, что при том, что наблюдаются наименьшие значения всех показателей осмысленности жизни у сотрудников, указавших на ценность для них семейных событий, разброс значений говорит об их значимости в формировании чувства уверенности в собственных силах, способности влиять на происходящие в жизни события и осмысленности жизни в целом.

Таким образом, по результатам эмпирического исследования мы можем сделать следующие выводы:

1) Сотрудники, чьи показатели смысложизненных ориентаций значительно выше средних нормативных значений, возможно, склонны демонстрировать социально желательные ответы, поскольку представленные ими результаты не соответствуют обычным показателям для данной возрастной группы. Такие сотрудники часто руководствуются мотивацией финансовой успешности и карьерного роста.

2) Наиболее распространенный профиль наблюдается у сотрудников с умеренной степенью осмысленности жизни: для них характерно доминирование семейных ценностей наряду с потребностью в стабильном доходе и уверенности в будущем.

3) Выявлено крайне малое количество сотрудников с низкими показателями осмысленности жизни. Причины подобного феномена могут включать профессиональные деформации, возникающие вследствие выгорания, возможные ошибки при заполнении опросника или несоразмерность личностных качеств требованиям должности.

4) Влияния социально-демографических характеристик, характера служебных обязанностей, и стажа службы в УИС на смысловое устройство личности не выявлено.

5) Все исследованные категории сотрудников испытывают полную или частичную неудовлетворенность уровнем своего профессионального самоосуществления. Вероятной причиной служит несоответствие реальных финансовых возможностей ожиданиям, возникающее из-за недостаточной точности планирования и учета текущих изменений в социальной политике и финансовом положении государственных служащих.

6) Так, уровень удовлетворенности профессиональным самоосуществлением не сводится к особенностям проявления смысложизненных ориентаций, либо рассматриваемая гипотеза не может быть достоверно изучена с помощью существующего в психологической науке диагностического инструментария (отсутствие стандартизированной методики изучения профессионального самоосуществления, вероятность сознательного влияния обследуемыми на результаты психодиагностического исследования).

7) Эмпирическое подтверждение устойчивых зависимостей между особенностями проявлений смысложизненных ориентаций и характером профессионального самоосуществления также отсутствует.

8) Кроме того, установлено, что сотрудники, придающие особое значение своему профессиональному росту, показывают наиболее высокие уровни внутреннего локуса контроля ("локус-контроль-Я"). Максимальные показатели "локус-контроля-жизни" и общей осмысленности жизни наблюдаются у тех сотрудников, для кого важнейшими жизненными событиями становятся путешествия и личные достижения. Связь семейных ценностей, внутренних убеждений и общего ощущения осмысленности жизни очевидна, хотя точный характер этих взаимосвязей остается неопределенным в рамках настоящего исследования.

В ходе проведенного исследования нами обнаружено наличие дисбаланса между жизненными целями и ценностями сотрудников и целями в профессиональной деятельности, что блокирует возможности профессионального самоосуществления и развития способности адаптироваться к изменяющимся условиям профессиональной деятельности, контроля ситуации, преобразования обстоятельств и своего поведения относительно требований действительности.

Выявленный феномен следует учесть психологами учреждений при осуществлении профессионального отбора и последующем психологическом сопровождении сотрудников. Разработка адекватного инструмента для оценки содержания и степени профессионального самоосуществления может представлять собой актуальную задачу для исследователей в области как пенитенциарной, так и общей психологии.

Литература

1. Гриднева А.А. Формирование личностно-смыслового уровня стрессоустойчивости как ресурса психического здоровья сотрудников УИС // Уголовно-исполнительная

система: педагогика, психология и право : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях, Томск, 19–20 апреля 2018 года / Под общей редакцией В.А. Уткина. Том Выпуск 6. Часть 2. – Томск: Федеральное казенное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний», 2018. – С. 17–23.

2. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). – 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 189 с.
3. Маслоу А. Мотивация и личность. – СПб.: Питер, 2017. – 723 с.
4. Перлз Ф. Гештальт-семинары / Перевод с англ. М.: Институт Общегуманитарных исследований, 2007. – 352 с.
5. Роджерс К.Р. Становление личности: взгляд на психотерапию // Институт общегуманитарных исследований, 2018. – 241 с.
6. Хорни К. Самоанализ. – СПб : Питер, 2023. – 272 с.

References

1. Gridneva A.A. Formirovanie lichnostno-smyslovogo urovnya stressoustojchivosti kak resursa psikhicheskogo zdorov'ya sotrudnikov UIS // Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo : Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii. V 2-kh chastyakh, Tomsk, 19–20 aprelya 2018 goda / Pod obshchej redaktsiej V.A. Utkina. Tom Vypusk 6. Chast' 2. – Tomsk: Federal'noe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya «Tomskij institut povysheniya kvalifikatsii rabotnikov Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij», 2018. – S. 17–23.
2. Leont'ev D.A. Test smyslozhiznennykh orientatsij (SZhO). – 2-e izd. – M.: Smysl, 2000. – 189 s.
3. Maslou A. Motivatsiya i lichnost'. – SPb.: Piter, 2017. – 723 c.
4. Perlz F. Geshtal't-seminary / Perevod s angl. M.: Institut Obshchegumanitarnykh issledovanij, 2007. – 352 s.
5. Rodzhers K.R. Stanovlenie lichnosti: vzglyad na psikhoterapiyu // Institut obshchegumanitarnykh issledovanij, 2018. – 241 s.
6. Khorni K. Samoanaliz. – SPb : Piter, 2023. – 272 s.

Сведения об авторе

Гриденева Алёна Андреевна: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), старший преподаватель кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы, кандидат психологических наук. E-mail: alenmy81@gmail.com.

Information about the author

Gridneva Alena Andreevna: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), Senior lecturer at the Department of Personnel, Social, Psychological and Educational Work Organization, Candidate of Psychological Sciences. E-mail: alenmy81@gmail.com.

О. Б. Шредер

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ МОЛОДЫХ СОТРУДНИКОВ И КАНДИДАТОВ, ПРИХОДЯЩИХ НА СЛУЖБУ В УИС

В статье анализируются причины наблюдаемого дефицита кадров уголовно-исполнительной системы, трудности с комплектованием и удержанием молодых сотрудников в рядах личного состава. Объектом исследования выступает новое поколение молодых людей на рынке труда (поколение Z), предметом – изменение ценностных и мировоззренческих установок молодежи, отражающееся на их поведенческих карьерных стратегиях. В работе использованы общенаучные методы анализа и синтеза, вторичный анализ результатов исследований, носящих преимущественно социологическую и экономическую направленность, что, тем не менее, позволило выявить характерные поведенческие и психологические черты молодого поколения, значительно отличающие его от предыдущих. Констатирован мировоззренческий переход от ценностей коллективизма предыдущих поколений к ценностям индивидуализма сегодняшней молодежи. Обозначена необходимость изменения управлеченческих инструментов, а также методов стимулирования трудовой деятельности, применяемых работодателями в ситуации кардинального изменения основного ресурса труда. Даны общие рекомендации выстраивания продуктивного взаимодействия работодателя с молодым поколением сотрудников.

Ключевые слова: дефицит кадров, сотрудники УИС, поколение Z, характерные особенности поколения Z, ценности коллективизма, ценности индивидуализма, управлеченческие инструменты, рынок труда.

O. B. Shreder

TO THE QUESTION ABOUT CHANGING VALUE ORIENTATIONS AND BEHAVIORAL STRATEGIES OF YOUNG EMPLOYEES AND CANDIDATES COMING TO SERVE IN THE PENITENTIARY

The article analyzes the reasons for the observed shortage of personnel in the penal correction system, difficulties in recruiting and retaining young employees in the ranks of the military. The object of the study is a new generation of young people in the labor market (generation Z), the subject is a change in the value and worldview attitudes of young people, reflected in their behavioral career strategies. The work uses general scientific methods of analysis and synthesis, secondary analysis of research results, which are mainly sociological and economic in orientation, which, nevertheless, allowed us to identify the characteristic behavioral and psychological features of the younger generation, significantly distinguishing it from the previous ones. The author states the ideological transition from the values of collectivism of previous generations to the values of individualism of today's youth. The necessity of changing management tools, as well as methods of stimulating labor activity used

by employers in a situation of drastic changes in the main labor resource, is indicated. General recommendations are given for building productive interaction between the employer and the younger generation of employees.

Keywords: shortage of personnel, employees of the management system, generation Z, characteristic features of generation Z, values of collectivism, values of individualism, management tools, labor market.

Ситуация дефицита кадрового состава, наблюдающаяся в уголовно-исполнительной системе на протяжении последних нескольких лет, предрасполагает к пристальному анализу складывающейся ситуации с различных сторон не только теоретиками пенитенциаристами, но и практическими работниками, прежде всего руководителями различного уровня.

С одной стороны наблюдается отток опытного, зрелого личного состава, имеющего достаточную выслугу для получения права на пенсию, при этом возраст и состояние здоровья которых позволяет им продолжать службу, с другой – возникает проблема удержания молодых сотрудников, едва приступивших к службе.

В публикациях проводимых исследований на данную тематику одной из самых распространенных причин некомплекта указывают неудовлетворяющий кандидатов на службу и молодых сотрудников уровень денежного довольствия. Еще одним фактором нестабильности, возникновения недопонимания и конфликтов в коллективах и, как следствие, увольнений на первом году службы, является несовпадение представлений о службе молодых сотрудников с действительностью в части графика службы, серьезности нагрузок и уровня ответственности.

Нами ранее также предпринималась попытка анализа данных, полученных в результате проведенного эмпирического исследования, касающегося планирования и мотивации действующих сотрудников к увольнению [10]. Полученные результаты свидетельствуют о том, что материальный фактор при принятии сотрудниками реше-

ния об увольнении из уголовно-исполнительной системы оказался лишь на третьем месте. Лидирующие позиции заняли факторы значительного возрастания нагрузки, а также несоответствия сроков, отводимых на выполнение задач со степенью их сложности и масштабности.

Однако из фокуса внимания исследователей ускользает еще ряд объективных факторов, ранее не подвергавшийся пристальному анализу в свете пенитенциарной проблематики. Хотелось бы остановить на них внимание.

Уголовно-исполнительная система в том виде, в каком мы ее знаем: с системой сначала исправительно-трудовых лагерей, а впоследствии исправительных-трудовых колоний, отрядным содержанием осужденных, – сложилась в 30-х гг. XX века, когда в нашей стране в качестве идеологической платформы был провозглашен коммунизм, предполагающий приоритет общественных интересов над индивидуальными, а ведущей ценностью являлся колlettivizm. А. С. Макаренко были провозглашены принципы воспитания через общественно-полезный труд и воздействия на отдельную личность через коллектив. Многие поколения советских граждан воспитывались в духе колlettivизма, руководствуясь лозунгами «сам пропадай, а товарища выручай», прививались «чувствов локтя», «чувства плеча» и другие этические моменты, ставящие в фокус внимания, прежде всего, полезность индивида для общества и его вклад в общее дело.

Уголовно-исполнительная система в силу специфики своей организации во многом сохранила до настоящего времени ори-

ентацию на эти принципы. Действительно, эффективно исполнять возложенную на нее роль и противостоять разлагающему влиянию криминально-заряженного мира спецконтингента возможно лишь сохраняя идейную сплоченность рядов личного состава, ориентируясь на взаимовыручку и взаимную поддержку, когда над личными интересами преобладает понимание общественной значимости выполняемой задачи, осознание всей ответственности своей миссии и чувство долга. Таким образом, морально-психологическое становление сотрудника предполагает достаточную личностную зрелость.

Сегодня мы наблюдаем культурный, социально-демографический и производственно-трудовой феномен, который отслеживается в разных профессиональных областях российского рынка труда, в том числе в уголовно-исполнительной системе. Фактически речь идет о «смене поколений» сотрудников УИС, когда из числа личного состава достаточно стремительно вымывается категория сотрудников возраста 45-50 лет, которые застали в своем взрослении то самое «советское воспитание», прежде всего, в семье, а также на этапе начальной или средней школы. Это сотрудники, естественным стремлением которых было руководствоваться чувством долга и тем самым приоритетом общественных интересов. На их юность и молодость также пришелся период непростых испытаний с распадом Советского Союза, общественно-политическими и социально-экономическими потрясениями 90-х гг., что сформировало в них осмотрительность, нежелание рисковать, склонность к сохранению заработка и стабильного положения в организации.

Согласно периодизации поколений В. Штрауса и Н. Хау, это, так называемое, поколение X, рожденных в период с 1967 по 1984 гг. Исследования В. В. Радаева с небольшими корректировками по возрастным границам подтвердили значимость такой классификации для

России [6]. Поколению X характерна следующая поведенческая стратегия на рынке труда: ориентируются на традиционные формы занятости, не склонны к удаленной работе, особое внимание уделяют пенсионным накоплениям, мерам социальной поддержки и защиты, заинтересованы в пенсиях от государства, работодателя, среди лиц этой возрастной группы в целом наблюдается минимальная безработица на рынке труда и в то же время, наибольшая готовность работать в плохих условиях труда [3, с. 86].

Вместе с тем на авансцену трудовой арены сегодня выходит «поколение Z» или так называемые «зумеры». Это молодые люди до 25 лет, рожденные в 2000-х гг., выросшее в период благополучия и стабильного роста страны в 2000 – 2010 гг. Это также первое поколение, выросшее в эпоху интернета или, иначе говоря, «цифровое поколение».

Проанализировав имеющиеся исследования в отношении представителей данного поколения, носящие преимущественно социологический и экономический характер, в которых авторы не всегда единогласны в выводах, мы, тем не менее, имеем возможность выделить ряд психологических особенностей и ценностных ориентаций, свойственных молодежи, а также их взглядов на самореализацию и поведенческие стратегии на рынке труда.

Итак, поколению Z свойственны следующие характерные особенности, проявляющиеся, в том числе, в отношении к профессиональной деятельности:

1. Ярко выраженный индивидуализм. Как мы уже упоминали выше, с распадом Советского Союза произошла не только смена общественно-политической и экономической формации, но и идеологической платформы. На смену традиционным для России ценностям общности и колLECTИвизма в какой-то момент пришли ценности так называемой западной культуры, ведущей из которых является индивидуализм.

Поэтому поколения, рожденные после 90-х гг., выросли на понятиях и ценностях значительно отличающих их от предыдущих поколений. У молодых людей сегодня наблюдается высокая степень персонализации, они рассчитывают на то, что подстраиваться будут под их особенности, а не они будут адаптироваться к существующим, так как представители данного поколения имеют больше ожиданий, чем им предшествующие [5]. В том числе в процессе адаптации к трудовой деятельности они рассчитывают на индивидуальный подход в отношении себя со стороны работодателя и ожидают персонализированной постоянной обратной связи.

2. Прагматизм и материальная ориентированность. Они не готовы работать за идею, ориентируясь на материальное поощрение. Молодые люди хотят четко понимать, какое вознаграждение получат после выполнения поставленной задачи [4, с. 147]. Представителям поколения Z характерна в целом достаточно быстрая смена текущих форматов, интересов, планов, они не верят в постепенное достижение успеха, имеют минимальный горизонт планирования, хотят брать от жизни все, а потому нацелены на «здесь и сейчас». Специалисты отмечают, что отсутствие горизонтов планирования на долгосрочную перспективу – это одна из черт поколения Z [2, с. 139].

3. Потребность в большей свободе в сравнении с предыдущими поколениями. Работа для представителей поколения Z должна быть, по их представлениям, в радость, приносить доход, но при этом не отнимать слишком много времени. Ценность личной свободы и возможности выбора содержательного наполнения сценария жизни стимулируют активные действия представителей поколения Z. Активная социализация, высокая скорость освоения информации и новых навыков способствуют снижению барьеров в реализации смен профессиональных ориентаций и перехода из одной профессии в иную [1, с. 88].

4. Потребность в самоактуализации. Как указывают В.И. Смагина и К.А. Борн, ключевое отличие поколения Z не в технологической продвинутости, а в принципиально ином восприятии трудовых отношений. Они рассматривают работодателя не как «пожизненного партнера», а как платформу для собственного развития и совершенствования. Следствием становится необходимость перехода от концепции «удержания» к концепции «взаимовыгодного обмена», где компания предоставляет возможности роста, а сотрудник делится инновационными идеями и цифровыми компетенциями. [7, с. 474]. Следовательно, можно предположить, что для сотрудников, принадлежащих поколению Z, необходимо поддерживать интерес к работе и работодателю на регулярной основе [1, с. 90].

5. Поиск комфортности и соблюдение баланса: профессиональная занятость – частная жизнь. Исследования подтверждают, что молодым людям поколения Z в профессиональной деятельности важны степень самореализации и возможность организации собственной работы; уровень комфортности во взаимодействии с руководством и коллегами; размер организации и ее месторасположение, скорость карьерного продвижения. Работа в крупной компании с длительной историей и социально ориентированным брендом рассматривается вчерашними выпускниками как более конкурентоспособный выбор для трудоустройства по найму. Также актуален запрос на регулярное обучение и смену содержательного (и инфраструктурного) наполнения профессиональной деятельности [1, с. 91-92].

6. Потребность в нематериальном поощрении и признании. Метод одного только «кнута и пряника» с этим поколением не работает, их необходимо хвалить и говорить «спасибо» [4, с. 147]. Они жаждут похвалы и признания, однако следует учесть, что выражение признательности должно быть искренним, злоупотреблять формаль-

ным поощрением в виде благодарственных писем, грамот не стоит.

Что касается личностных особенностей, исследователи отмечают как сильные, так и слабые стороны «зуммеров» [4, с. 148]. К наиболее уязвимым их сторонам можно отнести:

- слабую память и не умение длительное время сохранять концентрацию внимания. Это является следствием привычки бегло просматривать большое количество информации, что делает процесс ее обработки очень быстрым. Кроме того, развитый навык быстро находить нужное, не располагает к запоминанию;

- негативное отношение к критике. «Зуммеры» чувствительные к нарушению личностных границ, предпочитают дружеские, приятельские взаимоотношения как в коллективе, так и с руководством, рассчитывают на персонифицированную обратную связь даже в случае критики [1, с. 92];

- склонность к эмоциональному выгоранию, поскольку представители поколения Z при малейшей неудаче разочаровываются и теряют интерес к делу;

- слабо развитые умения коммуницировать, поскольку взаимодействуя в основном в социальных сетях, они часто теряются при общении в реальной жизни, с трудом начинают разговор и проще находят единомышленников в интернете [8].

- склонность к резкому разрыву трудовых отношений (трудовой гостинг) в том числе и в первый рабочий день, в случае, если их что-либо не устраивает. Исследователи считают, что за этим кроется некоторая инфантильность, поскольку молодые люди этого поколения знают о возможностях вернуться в любой момент домой к родителям и стабильной жизни за их счет [9, с. 19].

К безусловно сильным сторонам «зуммеров» можно отнести открытость мышления, психологическую гибкость, быструю обучаемость и свежесть восприятия, умение сочетать реальное и виртуальное в сво-

ей жизни и работе, уверенное владение современными технологиями, техническую «подкованность» и вместе с тем гуманистическую направленность: представители цифрового поколения обращают внимание на устойчивое развитие и социальную ответственность, ищут работодателей, которые относятся к этим вопросам серьезно и принимают активное участие в решении проблем общества [8, с. 229].

Итак, исследователи разных стран, в том числе российские, единодушно фиксируют существенные отличия молодежи от более старших возрастных групп, связанные не только с погруженностью в мир технологий и виртуальной реальности, но и формированием новой системы ценностей. Это, прежде всего, соблюдение баланса между работой и личной жизнью (work-life balance); это запрос на партнерский и комфортный характер взаимодействия, основанный на уважении и признании вклада, профессионализма, значимости молодых участников трудового процесса и сниженный порог терпимости к взаимодействию, основанному на статусно-ролевых и возрастных отличиях [1, с. 92]; это ценность личной свободы и свободы самореализации; это возможность смены содержательного наполнения профессиональной деятельности и многовариативность выбора карьерной реализации, а также социально-гуманистическая направленность деятельности, позволяющая решать проблемы общества.

Все приведенные нами выше моменты в полной мере прослеживаются у кандидатов, приходящих сегодня на службу в уголовно-исполнительную систему, а, впоследствии, и у молодых сотрудников. Нельзя не отметить, что некоторые из этих особенностей могут затруднять адаптацию молодых людей к специфике службы и, возможно, требуют корректизы. Вместе с тем, и работодателю следует учесть, что, несмотря на то, что доля представителей поколения Z на отечественном рынке труда

пока невысокая, но темп ее наращивания позволяет заключить, что уже через семь лет доминантой станут сотрудники с характерными и типологическими особенностями поколения Z [1, с. 88]. А это влечет за собой необходимость изменения привычных управленческих инструментов, а также методов стимулирования трудовой деятельности в условиях нарастающего темпа обновления ресурса труда.

Общими рекомендациями, позволяющими не только привлекать и удерживать на службе в уголовно-исполнительской системе молодых сотрудников, но и выстраивать с ними продуктивные отношения, могут быть обозначены следующие:

1. Представителям поколения Z важно идентифицировать свои устремления с целями и миссией работодателя, они хотят быть похожими на своих руководителей. Поэтому система наставничества продолжает оставаться крайне актуальной, однако, оно не должно носить формальный характер, а наличие двойных стандартов в коллективе, сводит на нет все усилия в данном направлении.

2. В качестве мотивационного факто-

ра к деятельности должно рассматриваться в равной мере как материальное, так и нематериальное поощрение. Причем в качестве второго должно выступать искреннее и открытое признание ценности и важности вклада каждого молодого сотрудника в реализацию общей миссии.

3. Важно создавать атмосферу уважения и взаимовыгодного сотрудничества с представителями молодого поколения, поддерживать продуктивный баланс поколений в коллективе сотрудников УИС, избегая нивелирования и дискриминации по признаку возраста и наличия/отсутствия опыта.

4. Поколение Z склонно к креативности даже внутри жестких рамок. Необходимо умело использовать это преимущество, давая им определенные возможности реализации своего потенциала, вместе с тем, формулируя более четкие задачи.

5. Уважение к личности сотрудника должно стать во главу угла кадровой политики уголовно-исполнительной системы, избегая тотального обезличивания и сведения его роли исключительно к механическому исполнению функционала.

Литература

1. Бельская Ю.В. Поколение Z на рынке труда: к чему быть готовым HR-системам? / Ю.В. Бельская, А.А. Борисова, М.С. Хохолуш // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 85–96.
2. Васютина Е.С. Проблемы трансформации поведенческой модели поколения Z / Е.С. Васютина, Л.В. Матраева, Н.А. Королькова // ЭКО. 2019. № 3. – С. 135–145.
3. Иванова Т.Б. Поколенческие поведенческие траектории на рынке труда в цифровой экономике. / Т.Б. Иванова, В.Г. Михайлов // Экономика и управление инновациями. – 2025. – № 1(32). – С. 81–89.
4. Курочкина А.А. Специфика поведения на рынке труда поколения «Z» и особенности руководства ими в организации / А.А. Курочкина, О.В. Лукина, Т.В. Бикезина // Наука и бизнес: пути развития. – 2021. – № 12(126). – С. 144–149.
5. Мосева Д.Н. Поколение Z: что ждет рынок труда после миллениалов? // Молодой ученый. – 2020. – № 44(334). – С. 36–38.
6. Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. – 2020. – Том 26. № 3. – С. 30–63.
7. Смагина В.И. Лучшие HR-практики для поколения Z на рынке труда в России и за рубежом. / В.И. Смагина, К.А. Борн // Саяпинские чтения: Материалы VIII Между-

народной научно-практической конференции. В 2 частях, Тамбов, 01 апреля 2025 года. – Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, 2025. – С. 472–479.

8. Цыренова И.Э. Смена ценностей и моделей поведения поколений как фактор изменений на современном рынке труда / И.Э. Цыренова, С.Э. Желаева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики. В 3-х томах, Красноярск, 10–14 апреля 2023 года. Том 3. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2023. – С. 228–230.

9. Чаплашин Н.В. Трансформация поведенческих установок молодежи на рынке труда и занятости: влияние пандемии и переоценка работниками своих свобод / Социодинамика. – 2024. – № 9. – С. 14–27.

10. Шредер О.Б. К вопросу о прогнозировании и профилактике текучести кадров уголовно-исполнительной системы / О.Б. Шредер, С.И. Аниськин // Прикладная юридическая психология. – 2025. – № 1(70). – С. 98–110.

References

1. *Bel'skaya Yu.V. Pokolenie Z na rynke truda: k chemu byt' gotovym HR-sistemam?* / Yu.V. Bel'skaya, A.A. Borisova, M.S. Khokholush // *Ekonomika truda*. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 85–96.
2. *Vasyutina E.S. Problemy transformatsii povedencheskoj modeli pokoleniya Z* / E.S. Vasyutina, L.V. Matraeva, N.A. Korol'kova // *EKO*. 2019. № 3. – С. 135–145.
3. *Ianova T.B. Pokolencheskie povedencheskie traektorii na rynke truda v tsifrovoj ekonomike*. / T.B. Ivanova, V.G. Mikhajlov // *Ekonomika i upravlenie innovatsiyami*. – 2025. – № 1(32). – С. 81–89.
4. *Kupochkina A.A. Cpetsifika povedeniya na rynke truda pokoleniya «Z» i osobennosti rukovodstva imi v organizatsii* / A.A. Kurochkina, O.V. Lukina, T.V. Bikezina // *Nauka i biznes: puti razvitiya*. – 2021. – № 12(126). – С. 144–149.
5. *Moseva D.N. Pokolenie Z: chto zhdet rynok truda posle millenialov?* // *Molodoj uchenyj*. – 2020. – № 44(334). – С. 36–38.
6. *Radaev V.V. Raskol pokoleniya millenialov: istoricheskoe i empiricheskoe obosnovanie. (Pervaya chast')* // *Sotsiologicheskiy zhurnal*. – 2020. – Том 26. № 3. – С. 30–63.
7. *Smagina V.I. Luchshie HR-praktiki dlya pokoleniya Z na rynke truda v Rossii i za rubezhom.* / V.I. Smagina, K.A. Born // *Sayapinskie chteniya: Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii*. В 2 chastyakh, Tambov, 01 aprelya 2025 goda. – Tambov: Tambovskij gosudarstvennyj universitet imeni G.R. Derzhavina, 2025. – С. 472–479.
8. *Tsyrenova I.E. Smena tsennostej i modelej povedeniya pokolenij kak faktor izmenenij na sovremennom rynke truda* / I.E. Tsyrenova, S.E. Zhelaeva // *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki : sbornik materialov IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoj Dnyu kosmonavtiki*. В 3-kh tomakh, Krasnoyarsk, 10–14 aprelya 2023 goda. Tom 3. – Krasnoyarsk: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Sibirskij gosudarstvennyj universitet nauki i tekhnologij imeni akademika M.F. Reshetneva», 2023. – С. 228–230.
9. *Chaplashkin N.V. Transformatsiya povedencheskikh ustanovok molodezhi na rynke truda i zanyatosti: vliyanie pandemii i pereotsenka rabotnikami svoikh svobod* / *Sotsiodinamika*. – 2024. – № 9. – С. 14–27.

10. *Shreder O.B. K voprosu o prognozirovani i profilaktike tekuchesti kadrov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy / O.B. Shreder, S.I. Anis'kin // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2025. – № 1(70). – S. 98 –110.*

Сведения об авторе

Шредер Ольга Борисовна: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), доцент кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы, кандидат философских наук. E-mail: oluschonok@yandex.ru.

Information about the author

Schreder Olga Borisovna: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Personnel, Social, Psychological and Educational Work Organization, Candidate of Philosophical Sciences. E-mail: oluschonok@yandex.ru.

УПРАВЛЕНИЕ
Management

УДК 343.8

В. Н. Уйманов

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ – СОСТАВЛЯЮЩАЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ УИС**

В перечне составляющих профессиональной подготовки сотрудников УИС вопросы патриотического воспитания следует рассматривать в числе первоочередных. Причина в том, что, начиная с 1990-х годов, противниками нашей страны активно реализовывалась политика, направленная на очернительство и искажение прошлого нашей страны, ее побед и достижений, на раскол нашего общества на основе национальных, религиозных и даже культурных особенностей проживающих в России народов. Следует признать, что важным является сохранение исторической памяти и преемственности поколений. В статье рассматривается опыт реализации мероприятий по патриотическому воспитанию сотрудников, обучающихся в ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России по программам профессионального обучения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, сотрудник, воспитательная работа, патриотическое воспитание.

V. N. Uymanov

**PATRIOTIC EDUCATION IS A COMPONENT
OF THE PROFESSIONAL TRAINING OF PES STAFF**

In the list of components of the professional training of PES staff, issues of patriotic education should be considered among the top priorities. The reason is that, since the 1990s, our country's opponents have actively implemented policies aimed at denigrating and distorting our country's past, its victories and achievements, and splitting our society based on the national, religious, and even cultural characteristics of the peoples living in Russia. It should be recognized that it is important to preserve historical memory and the continuity of generations. The article examines the experience of implementing measures for the patriotic education of employees studying at the Tomsk IPCR of the Federal Penitentiary Service of Russia under professional training programs.

Keywords: penal enforcement system, employee, educational work, patriotic education.

В истории каждого государства есть события, память о которых передается из поколения в поколение, независимо от политических ветров и течений, возникающих в этих странах. В двадцатом столетии для россиян таким событием стала Великая Отечественная война, унесшая жизнь поч-

ти 27 миллионов советских граждан, более половины которых – мирные жители, целинаправленно умерщвленные на оккупированной фашистами территории. Каждый третий погибший в годы Второй мировой войны был из Советского Союза. Их гибель позволила последующим поколениям жить

под мирным небом.

С учетом специфики службы сотрудников УИС требуется развитые качества, связанные с психологической устойчивостью, хорошей физической подготовкой, но, главное, пониманием важности и необходимости существования уголовно-исполнительной системы. Последнее невозможно без хорошего знания истории страны и понимания происходящих в обществе событий. Для достижения этой цели и требуется сохранение исторической памяти.

Общение с молодыми людьми, в т.ч. и с сотрудниками УИС, показывает, что информация о Великой Отечественной войне, ее жертвах и потерях страны вызывает у них эмоции.

Гибель мирного населения, военнослужащих, представителей силовых ведомств России и добровольцев в ходе СВО, совершаемые украинскими нацистами страшнейшие по своей жестокости преступления воспринимаются также эмоционально.

Мероприятия по патриотическому воспитанию является крайне необходимым спланированным процессом. Обращение к нашему прошлому дает возможность выработать моральные принципы, могущие стать стержневыми для понимания ими роли и места своего участия в деятельности системы УИС, в воспитании в себе и у членов семей чувств патриотизма и любви к Родине, без которых невозможно быть гражданином и членом общества.

У большинства слушателей института УИС деды и прадеды воевали в годы войны или «ковали победу» в тылу.

В работе по патриотическому воспитанию сотрудников уголовно-исполнительной системы в Томском ИПКР ФСИН России на плановой основе организовано проведение бесед со слушателями о событиях Великой Отечественной войны и специальной военной операции. В условиях г. Томска используется еще одна форма работы по патриотическому воспитанию – посещение в Томском областном

краеведческом музее «Центра изучения исторической памяти», в ведении которого находится музей «Следственная тюрьма НКВД».

Музей был создан на волне перестроечных процессов в 1989 году в здании, где в период с 1923 по 1944 годы располагался городской отдел ОГПУ-НКВД, в подвале которого находились камеры для содержания следственных заключенных. Музей был первым и единственным в СССР, созданным в здании, некогда занимаемом репрессивными органами, и остается таковым и в России.

В основу экспозиции были положены исторические артефакты и документальные источники из государственных и партийных архивов, а также материалов, представленных органами госбезопасности и внутренних дел Томской области.

В 2022 году были проведены реконструкция и обновление экспозиция музея, что позволило почти вдвое увеличить его площади. Наряду с введением в научный оборот новых материалов, проведено техническое оснащение помещений музея, что позволяет посетителям даже в индивидуальном порядке знакомиться с экспозицией. В музее имеется зал, где можно ознакомиться и поработать с печатными изданиями и отдельными материалами по теме массовых репрессий. В другом зале проводятся тематические мероприятия (встречи, беседы, лекции) с участием представителей общественности, специалистов-историков, работников культуры, просмотр и обсуждение художественных и документальных фильмов.

У посетителей музея есть возможность получить выверенную информацию от профессиональных специалистов-экскурсоводов о событиях первой половины XX века, характеризуемого как период массовых необоснованных репрессий. Данная тема продолжает оставаться острой и привлекающей внимание нашего общества, активно муссируется отдельными представителями в «либеральных» кругах. Наряду

с объективной информацией о причинах и последствиях репрессивной политики, имевшей место в СССР в 1920 – начале 1950-х годов, реальных данных о количестве осужденных по политическим мотивам, раскулаченных и депортированных в регион, о методах следствия и режиме содержания арестованных и осужденных. Устный рассказ сопровождается демонстрацией конкретных документов и материалов, аудио- и видеозаписями.

Слушатели института получают возможность погрузиться в атмосферу тех лет, понять механизм действия репрессивного аппарата, сравнить режим и условия содержания следственных и заключенных в те годы и в настоящее время, систему мер дисциплинарного воздействия для нарушителей режима и т.д.

Примером этому может служить посещение музея 30 октября со слушателями института акции «Недосягаемые Соловки», посвященной Дню памяти жертв репрессий. Они услышали квалифицированное выступление, рассказывающей об истории Соловков, их использования в различные моменты российской истории в качестве места содержания противников власти и уголовных преступников. Кроме того, им была представлена возможность ознакомиться с развернутой мини-выставкой. В завершении участникам мероприятия был показан документальный фильм «Власть соловецкая», снятый на основе воспоминаний узников и работников охраны лагеря.

Следует заметить, что при общении

со слушателями практически всегда используются материалы, приближенные к местам их проживания и службы. В сочетании с теоретическим курсом в рамках профподготовки эта форма погружения в тему способствует профессиональному становлению слушателей, а в отдельных случаях может пригодиться им для грамотного и правильного реагирования на досужие рассуждения о «палачах и жертвах», «вертухаях» и т.п.

Таким образом, обращение к вопросам патриотического воспитания в настоящее время вызвано необходимостью преодоления последствий вмешательства наших противников в процессы обучения и воспитания молодых людей на основе внедрения в жизнь российского общества «западных ценностей», целью которого было недопущение сохранения исторической памяти и углубление разрыва связи поколений.

Необходимо учитывать и то, что у многих представителей молодежи постепенно наступает глубокон осознание причин, целей и задач специальной военной операции, ведь именно ее проведение может стать для них и будущих поколений событием, о котором будут вспоминать и через десятилетия.

Реализация на практике вопросов патриотического воспитания позволяет формировать идеино оформленные взгляды, модели поведения и образ жизни на основе общепринятых моральных принципов, что особенно важно для приходящих на службу в систему УИС молодых людей.

Сведения об авторе

Уйманов Валерий Николаевич: ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России (г. Томск, Российская Федерация), доцент кафедры организации исполнения наказаний, доктор исторических наук.

Information about the author

Uymanov Valery Nikolaevich: Federal State Institution of Additional Professional Education «Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service» (Tomsk, Russian Federation), Associate Professor of the Department of Organization of the Execution of Punishments, Doctor of Historical Sciences.

Авторам

Периодичность выхода сетевого издания «Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России» - четыре раза в год.

Члены редакционной коллегии являются ведущими специалистами в области юриспруденции, педагогики и других отраслей науки.

Рубрики журнала:

- право;
- управление;
- психология;
- педагогика.

Требования к оформлению статей:

- формат документа - А4;
- объем - от 10 до 15 страниц;
- формат файла - .doc (.docx);
- шрифт - Times New Roman, 14 кегль;
- межстрочный интервал - одинар-ный;
- выравнивание основного текста статьи - по ширине страницы;
- поля: верхнее, нижнее - 2 см, правоe, левое - 2,5 см;
- абзацный отступ - 1,25 см, абзац-ный отступ заголовков - 0;
- оформление сносок - внутритеkстовое (в квадратных скобках).

Текст статьи должен быть набран без форматирования и нумерации страниц.

Автор должен в начале статьи указать индекс Универсальной десятеричной классификации (УДК), соответствующий тематике и научно-отраслевой принадлежности статьи.

Заголовок статьи должен быть представлен на русском и английском языках. Заголовок не должен иметь слишком большого объема (1–3 строки) и должен максимально четко отражать содержание статьи.

Статья должна быть снабжена аннотацией (рефератом) на русском и английском языках. Аннотация (реферат) к статье

должна быть: информативной; оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (объем аннотации - от 120 до 250 слов). Аннотация (реферат) должна кратко отражать следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель; методологию; результаты; область применения результатов; выводы. При составлении аннотации (реферата) рекомендуется следовать положениям ГОСТ 7.9-95 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация».

Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5-7). Ключевые слова служат для автоматизированного поиска информации и должны отражать как общие, так и частные аспекты результатов представленного в статье исследования.

Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белом, возможно в цветном, исполнении.

Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

Таблицы и рисунки нумеруются, если их число более одного.

Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Список литературы должен быть представлен на русском и английском языках.

Список литературы на английском языке располагается после списка литерату-

ры на русском языке, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке (не в порядке упоминания источника в тексте) и предваряется словом «References». Описание источника на английском языке должно иметь следующую структуру:

фамилия, инициалы автора(ов) (транслитерация), название статьи в транслитерированном варианте, название русско-язычного источника (транслитерация), выходные данные с обозначениями на английском языке (транслитерация).

Нормативные документы (кроме узкоспециализированных, опубликованных в научных и учебных изданиях, хранящихся в архивах и др., недоступных через открытые интернет-ресурсы и специализированные правовые системы и базы данных) в список литературы не включаются, их описание дается непосредственно в тексте статьи, источник опубликования не указывается.

В тексте должны использоваться только сокращения, предусмотренные ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование общеупотребительных аббревиатур. В случае использования узкоспециализированной или авторской аббревиатуры при первом ее употреблении в тексте приводится расшифровка, например: уголовно-исполнительная система (далее - УИС), Уголовный кодекс Российской Федерации (далее - УК РФ).

Примечания и сноски оформляются непосредственно в тексте в круглых скобках курсивом.

На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах на русском и английском языках: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

Материалы направляются ответственному секретарю редколлегии по электронной почте с пометкой «Вестник» в виде прикрепленного файла (например: Иванов И.И.doc).

Автор, подавший статью для публикации в сетевом издании «Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России», тем самым выражает свое согласие на опубликование в журнале (в открытом свободном доступе на сайте <http://tifsin.ru/>) его фамилии, имени, отчества полностью, места работы и должности, сведений об ученой степени (ученом звании), адреса электронной почты, иных личных данных, которые автор считает необходимым указать.

Автор несет ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат. Авторское вознаграждение не выплачивается. Все статьи проходят процедуру рецензирования. По решению редколлегии материалы могут быть отклонены; рецензия высыпается по запросу автора.

Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Материалы, не соответствующие установленным требованиям, к публикации не принимаются.

TO AUTHORS OF ARTICLES

Periodicity of an output of the online edition «Bulletin of the Tomsk institute of advanced training of employees of the federal penal service of Russia» is four times a year. The members of the editorial board are leading experts in the spheres of law, pedagogics and other branches of science.

Headings of the online edition:

- theory and history of law and state; history of doctrines about the law and the state;
- civil law; enterprise right; family law;
- criminal law and criminology; penal law;
- criminal trial;
- international law; European law;
- judicial activity, public prosecutor's activity, human rights and law-enforcement activity;
- criminalistics; judicial and expert activity; operational search activity;
- reviews, responses;
- science events.

The requirements to registration of articles:

- size - A4;
- volume - from 5 to 20 pages;
- format - .doc (.docx);
- font - Times New Roman, the 14th size;
- line spacing - unary;
- alignment of the text on page width;
- fields: top, bottom - 2 cm; right, left - 2,5 cm;
- paragraph space - 1,25 cm.

Article has to be supplied with the UDC code and summary (abstract) in Russian and English. The summary (abstract) to article has to be informative; the original; substantial (to reflect the main contents of article and results of researches); structured (follow logic of the description of results in article);

compact (summary volume - from 120 to 250 words). The summary (abstract) has to reflect the following aspects of the contents of article briefly: subject, purpose; methodology; results; scope of results; conclusions. (By drawing up the summary (paper) the system of standards according to information, library and to publishing is recommended to follow provisions state standard specifications).

Article has to be supplied with keywords in Russian and English (the recommended quantity of keywords – 5-7). Keywords serve for the automated information search and have to reflect as the general, and private aspects of results of the research presented in article.

Drawings and signatures to them settle down directly in the text. Drawings have to have the .jpg format, allow movement in the text and possibility of reduction of the sizes, in black-and-white execution. The objects created by means of Microsoft Office have to allow possibility of editing.

Tables and drawings are numbered, if their number is more than one.

References to the quoted literature are given in square curves.

The list of references has to be submitted in Russian and English.

The list of references in the Russian settles down after the text of article, is numbered (starting with the first number) in alphabetical order (not as a mention of a source in the text), is preceded by the word «Литература». At one number it is admissible to specify only one source.

The list of references in English settles down after the list of literature in Russian, is numbered (starting with the first number) in an alphabetic order (not as a mention of a source in the text) and is preceded by the word «References». The description of a source in English has to have the following structure: surname, initials authors (transliteration), the name of article in the transliterated option, the name of a Russian-speaking

source (transliteration), the output data with designations (transliteration).

Normative documents (except highly specialized, published in the scientific and educational publications which are stored in archives, etc. inaccessible through open Internet resources and specialized legal systems and the bazy dannykh) don't join in the list of literature, their description is given directly in the text of article, the source of publication isn't specified.

Use of common abbreviations is allowed. In case of use of a highly specialized or author's abbreviation at its first use interpretation, for example is given in the text: penal system (further - PS), the Criminal Code of the Russian Federation (further - CC of RF).

Notes and footnotes are made out directly in the text in parentheses in the italics.

Notes and footnotes are made out directly in the text in parentheses in the italics.

On the last page of article the published data on authors in the Russian and English languages are specified: the full name of establishment where research is executed; surnames, names and middle names of authors completely; academic degree, rank, position,

place of work, number of contact phones, e-mail addresses of all authors.

Materials go to the responsible secretary of an editorial board by e-mail: gurnal-tomsk@gmail.ru with a mark «Bulletin» in the form of the attached file (for example: Ivanov I.I.doc).

The author who submitted the article for publication in the online publication «Bulletin of the Tomsk institute of advanced training of employees of the Federal Penal Service of Russia», thereby expresses the consent in an open free access on the <http://tfsin.ru/> websites its surname, a name, a middle name completely, places of work and a position, data on a scientific degree (academic status), e-mail addresses, other personal data which the author considers necessary to specify. The author bears responsibility for reliability of used materials, accuracy of quotes. Award isn't paid. All articles undergo reviewing procedure. According to the solution of the editorial board materials can be rejected; the review is sent at the request of the author.

Edition reserves the right for modification and reductions. The materials which aren't conforming to established requirements, to the publication aren't accepted.

сетевое издание

ВЕСТНИК

Томского института повышения квалификации работников ФСИН России

научно-популярный журнал

№ 4 (26) / 2025
октябрь — декабрь

Ответственный за выпуск: О.М. Писарев
Технический редактор: А.А. Мамонтова

Дата опубликования: 30.12.2025.

ФКУ ДПО Томский ИПКР ФСИН России
634057, Томская обл., г. Томск, ул. Говорова, 10
e-mail: institut@fsin.gov.ru